

№ 1(12)
Март 2015

ВЕСТНИК *Института* СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Общественное сознание
в политическом измерении**

/Национально-этническое
членение общественного
сознания России

/Запрос на креативность
и метаидеологию
нового гуманизма

/Политическое доверие –
условие расширения
демократических процессов

/Значимые факторы
размежевания
в российском обществе

Состав международного редакционного совета

Председатель:

ЯДОВ Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия);

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета (Тюмень, Россия);

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН (Москва, Россия);

ДИБИРОВ Абдул-Насир Зирарович – доктор политических наук, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан, ректор Дагестанского института экономики и политики (Махачкала, Россия);

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН (Москва, Россия);

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета, Почётный доктор ИС РАН (Хельсинки, Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии образования ИС РАН (Москва, Россия);

КОССЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Варшава, Польша);

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ (Москва, Россия);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН (Москва, Россия);

КРУММ Райнхардт – доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Берлин, Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН (Москва, Россия);

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета (Казань, Россия);

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Ниш, Сербия);

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Ноттингем, Ноттингемшир, Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия);

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Шанхай, Цзянсу, Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и Ординарный профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия);

ЛИ Пэй Лин – профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород, Россия);

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, заместитель Председателя Учёного совета ИС РАН (Москва, Россия);

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования» (Москва, Россия);

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Монгольской АН, профессор, директор Академии управления Монголии (Улан-Батор, Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

YADOV Vladimir A., Ph.D., Professor, Head of the center of the theoretical, historical and sociological studies of the Institute of Sociology, RAS (Russia);

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia);

DIBIROV Abdul-Nasir Z., Dr. Sci. (Polit.), Professor, Honored Scientist of Dagestan Republic, Rector of the Dagestan Institute of Economics and Political Science (Russia);

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of the Interethnic Relations, Institute of Sociology, RAS (Russia);

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Humanitarian Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia);

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Institute of Sociology of RAS;

KIVINEN Markku, professor of sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Finland;

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology of RAS;

KOŚEŁA Krzysztof, the Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, University of Warsaw (Poland);

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) (Germany);

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of RAS, Head of the Department of axiology and philosophical anthropology of the Institute of Philosophy of RAS (Russia);

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Prorector of the Kazan Federal University (Russia);

MITROVIĆ Ljubilja, Professor, Director of the Institute of Sociology of University of the city of Nish (Serbia);

MORGAN John, Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK);

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology of the Siberian Federal University (Russia);

PAILIN Li, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Chinese Academy of Social Sciences (China);

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian studies of SASS

POKROVSKY Nikita E., Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Sociology, High School of Economy (Russia);

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the Department of Sociology and social work, Nizhni Novgorod State University (Russia);

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University;

TAMASH Pal, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary);

TIKHONOVA Natalia Ye., Ph.D. (Soc.), Professor, a Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding member of RAS, Dean of the Department of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia);

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; заместитель директора ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, заведующая сектором по изучению социокультурного развития регионов России ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник ИС РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – научный сотрудник ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, проф.; главный научный сотрудник ИС РАН, профессор Социологического факультета НИУ ВШЭ;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат философских наук, заведующая отделом теоретического анализа социальных трансформаций ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. – д.социол.н.; профессор, заведующая отделом социологии молодежи ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки ИС РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, проф.; руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology, RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), deputy director of the Institute of Sociology, RAS, Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology of RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Rresearch;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P. , Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia);

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Доминанты общественного сознания в политической сфере	12
<i>Галкин А. А.</i> Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант	12
<i>Красин Ю. А.</i> Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма	34
<i>Вебер А. Б.</i> Массы и власть: массовое сознание и политическая система в России	60
Массовое сознание и консолидация общества.....	79
<i>Козырева П. М., Смирнов А. И.</i> Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности	79
<i>Пантин В. И.</i> Массовое сознание в современной России: размежевания, противоречия, сопряжения.....	100
Публичная сфера как фактор формирования общественного сознания	118
<i>Воронкова О. А.</i> Развитие публичной сферы в России как необходимое условие разрешения социальных противоречий.....	118
<i>Никовская Л. И.</i> Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно-мотивационный аспект).....	140

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue.....	9
Dominant Social Consciousness in the Political Sphere	12
<i>Galkin A. A.</i> Public Consciousness, Mood, and Political Behavior: Russian Version.....	12
<i>Krasin Yu. A.</i> Ideological Pluralism and Meta-ideology of New Humanism	34
<i>Veber A. B.</i> Masses and Power: Mass Consciousness and Political System in Russia	60
Public Consciousness and Society Consolidation	79
<i>Kozyreva P. M., Smirnov A. I.</i> Political Trust in Russia: Peculiarities and Problem of Optimality.....	79
<i>Pantin V. I.</i> Mass Consciousness in Modern Russia: Cleavages, Contradictions, Conjugations	100
The Public Sphere as a Factor of Social Consciousness	118
<i>Voronkova O. A.</i> The Development of Public Sphere in Russia as a Necessary Condition for Social Conflicts’ Resolution.....	118
<i>Nikovskaya L. I.</i> Civil Society and Civic Consciousness (Value-Motivational Aspect)	140

И. А. Халий,
заместитель главного редактора
журнала «Вестник Института социологии»

Представляю номер

Политическое размежевание, противостояние, противодействие, характеризующееся массовыми политическими протестными действиями в современном мире, вот уже несколько лет находится в центре внимания учёных-обществоведов. В России ушедший 2014 год оказался, напротив, периодом консолидации общества. Однако это не означает полного единодушия и всеобщего «одобрямса». Без сомнения, есть проблемы в самых разных сферах жизнедеятельности общества, а не только в политической, которые вызывают актуализацию различных интересов, формирование групп этих интересов, их стремление сформулировать требования и предъявить власти. Именно в связи с этим необходимо отслеживать изменения в основных установках и ориентирах общественного сознания, что и стало темой очередного номера Вестника Института социологии – «**Общественное сознание в политическом измерении**». Более того, эта тема стала единственной в выпуске, а рубрики, которые включили в себя все публикуемые материалы, оказались внутри неё.

Номер открывает рубрика «Доминанты общественного сознания в политической сфере». Первой представлена статья А. А. Галкина «Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант», которая определяет основные понятия и явления, требующие исследования, и показывает причинно-следственные связи трансформации политических институтов с состоянием и характеристиками массового общественного сознания. Последнее, по мнению автора, отражает структуру самого общества. Каждая из составляющих его единиц располагает, наряду с общими характеристиками, свойственными данному социуму, своими групповыми интересами и ценностными особенностями. Иногда эти особенности столь велики, что ставят под вопрос само наличие общественного сознания как цельного феномена.

Ю. А. Красин в статье «Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма» обращается к конкретной составляющей общественного сознания: начавшийся переход

к инновационному типу общественного развития порождает запрос на креативность и на метаидеологию нового гуманизма. Автор обращается к теме глобализации мира, которая, спрессовывая его во взаимосвязанную целостность, не уменьшает, а увеличивает многообразие. Особенности положения различных социальных групп, классов, наций, государств и сообществ в социуме определяют специфику восприятия ими действительности. Отсюда широкий диапазон идеологических различий, противоречащих консолидации. Особенно остро это противоречие проявляется в России, переживающей фундаментальную реформу и испытывающей влияние традиций конфронтационной политической культуры. В статье предпринята попытка выяснить возможности и наметить контуры решения обозначенного противоречия.

Завершает рубрику статья [А. Б. Вебера «Массы и власть: массовое сознание и политическая система в России»](#), в которой автор, анализируя особенности массового сознания россиян, пытается ответить на вопрос: почему существующая в современной России система власти, несмотря на её очевидные дефекты с точки зрения сущностных критериев демократизма, пользуется всё же широкой массовой поддержкой? Автор предлагает свою гипотезу, связывая типичные черты массового сознания россиян с особенностями истории страны, с теми условиями, в которых на протяжении многих столетий формировалась российская государственность, тип культуры, менталитет народа.

Вторая рубрика [«Массовое сознание и консолидация общества»](#) посвящена выявлению причин и условий для единения и размежевания различных групп интересов внутри российского общества. Так, в статье [П. М. Козыревой и А. И. Смирнова «Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности»](#) рассматриваются особенности политического доверия в постсоветской России, выступающего одним из ключевых факторов политического процесса, которые играют огромную роль в обеспечении политической стабильности и поступательном развитии общества. Авторами установлено наличие непосредственной связи степени и распространённости политического доверия с результатами рыночных и демократических реформ 1990-х и 2000-х гг. В то же время выявлен огромный разрыв в показателях доверия россиян в целом и отдельных групп граждан к тем или иным политическим лидерам и основным властным институтам, сохраняющийся несмотря на существенное повышение уровня доверия к отдельным политическим субъектам.

[В. И. Пантин](#) в статье [«Массовое сознание в современной России: размежевания, противоречия, сопряжения»](#) даёт анализ некоторых важных размежеваний и противоречий, характерных для массового сознания в современной России.

Показано, что наиболее значимые факторы размежевания в сегодняшнем российском обществе включают отношение к США и другим западным странам, отношение к западному пути развития, а также разделение на сторонников России как великой державы и сторонников высокого уровня жизни. Сделан вывод о том, что массовое сознание рассматривает политическую активность, политический протест и модернизацию политической системы в России только в сочетании с экономической модернизацией, экономическим развитием и улучшением социального и экономического положения.

Завершает тему номера и весь номер в целом рубрика [«Публичная сфера как фактор формирования общественного сознания»](#), содержащая анализ того, каким образом и кем реализуются те составляющие общественного сознания, которые сформулированы в виде требований и представлены в повестке дня системы принятия решений.

В статье [О. А. Воронковой «Развитие публичной сферы в России как необходимое условие разрешения социальных противоречий»](#) анализируется теоретическое понятие «публичной сферы», в которой проясняются социальные интересы и требования, приводятся рациональные аргументы в защиту различных точек зрения и формируется дискурсивная культура, предполагающая развитие навыков слушать и слышать оппонента, формирование установок на поиск компромиссов и принятие взаимоприемлемых решений. Автор сравнивает условия становления «публичной сферы» в западноевропейской и российской истории, рассматривает исторически сложившиеся и современные препятствия на пути становления гражданского сознания в России, а также возможности и перспективы развития публичного пространства.

[Л. И. Никовская](#) в статье [«Гражданское общество и гражданское сознание \(ценностно-мотивационный аспект\)»](#) обращает внимание на проблемы становления гражданского общества и гражданского сознания в новых условиях, связанных с усилением горизонтальных связей и сетевых технологий коммуникации. Автор показывает, что если подходить к анализу многосторонних и противоречивых процессов общественно-политической трансформации в России с позиции интересов гражданского общества, то можно определённо сказать, что в нынешних условиях оно демонстрирует тренд постепенного перехода от фактора политической модернизации к превращению в один из её субъектов.

Д о м и н а н т ы общественного сознания в политической сфере

Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант

Галкин Александр Абрамович –
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: galkin_a.a@mail.ru

Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант

Аннотация

Специфика политического устройства любой страны во многом определяется особенностями общества, в котором это устройство реализует свои функции. Если такая специфика не совпадает с ними, или, тем более, противостоит им, возникает ситуация подспудного, а нередко и явного конфликта, минимизирующего результативность управленческих функций и создающего предпосылки потенциальной дестабилизации политических и общественных отношений. Поэтому любые размышления, а тем более действия, направленные на совершенствование системы политических институтов, требуют ясного, адекватного представления о содержании и состоянии общественного сознания и настроений, доминирующих в социуме, тем более, что именно они и определяют стержень любого политического процесса – массовое политическое поведение, т. е. совокупность всех форм участия и неучастия граждан в осуществлении власти либо в противодействии ей и предполагающее в одних случаях включённость в различные структуры политической системы, а в других – сознательную отстранённость от них. Эта общая закономерность в полной степени относится и к России. В статье показано, что к концу 1990-х гг. эмоциональная составляющая доверия, которым располагали тогда властные структуры, определявшие судьбы страны, резко сократилась. На исходе десятилетия, особенно после дефолта 1998 г., это доверие упало до нулевой отметки. При этом недовольство сложившейся ситуацией начало определять настроения не только основной массы населения, серьёзно пострадавшей от трансформационных процессов, но и влиятельной части выигравшей от них властвующей элиты. Возвращённая на повсеместном разрушении всего того, что составляло основу власти в прошлом, она возжаждала стабильности, которую стала рассматривать как залог упрочения приобретённых политических позиций и богатства. Это, естественно, потребовало серьёзной кадровой рокировки. Именно в этом, считает автор, следует искать ключ к пониманию феномена Путина, который на первых порах казался многим загадкой. Проводимая им политика была воспринята обществом как свидетельство перехода от курса на разрушение к курсу на возрождение. Соответствующие импульсы получило и общественное сознание.

Ключевые слова: общественное сознание, настроения, политическое поведение, политическая система, стабилизация, дестабилизация, динамика развития

Специфика политического устройства любой страны во многом определяется особенностями общества, в котором это устройство реализует свои функции. Если такая специфика не совпадает с ними, или тем более противостоит им, возникает ситуация подспудного, а нередко и явного конфликта, минимизирующего результативность управленческих функций и создающего предпосылки потенциальной дестабилизации политических и общественных отношений. Поэтому любые размышления, а тем более действия, направленные на совершенствование системы политических институтов, требуют ясного, адекватного представления о содержании и состоянии общественного сознания, настроений и политического поведения, доминирующих в социуме, рассматриваемом в качестве объекта предполагаемых преобразований.

Именно эти соображения и предопределили структуру анализа российской действительности, представленного ниже.

Общественное сознание

Под массовым общественным сознанием обычно понимают совокупность ценностных подходов и реакций, сложившуюся в данном, конкретном обществе под воздействием исторического опыта и определяющую бытовое и общественное поведение людей.

Особенностью массового общественного сознания является его глубокая структурированность. Составляющие его элементы отличаются друг от друга, в частности, по давности и продолжительности сроков их происхождения и утверждения. Самые древние, будучи наиболее устойчивыми, становятся элементами того, что принято определять как национальный характер.

Вместе с тем массовое общественное сознание отражает структуру самого общества. Каждая из составляющих его единиц располагает, наряду с общими характеристиками, свойственными данному социуму, своими групповыми интересами и ценностными особенностями. Иногда эти особенности столь велики, что ставят под вопрос само наличие общественного сознания как цельного феномена. Однако в конечном итоге эта цельность демонстрирует свой доминирующий характер.

Принято считать, что массовое общественное сознание обладает высоким уровнем инерционности. Для этого есть достаточно оснований. Происходящие в нём сдвиги реализуются с задержкой во времени. Затем, утвердившись, они обретают, как правило, высокую степень сопротивляемости внешним воздействиям. Это, разумеется, не означает, что общественное сознание является своего рода инвариантом. Как продукт исторического опыта оно, пусть и с замедлением, но впитывает новую

Массовое общественное сознание отражает структуру самого общества. Каждая из составляющих его единиц располагает, наряду с общими характеристиками, свойственными данному социуму, своими групповыми интересами и ценностными особенностями. Иногда эти особенности столь велики, что ставят под вопрос само наличие общественного сознания как цельного феномена.

информацию, перерабатывая её в соответствии со сложившимися канонами. При определённых обстоятельствах, прежде всего глубоких общественно-политических потрясениях, оно может подвергнуться трансформации. Вместе с тем в обычных условиях это сознание активно сопротивляется любым попыткам грубого внешнего давления. Сломать его «через колено» невозможно. Чем сильнее вмешательство, тем мощнее отдача. Игнорировать – значит обречь на неудачу любые, в том числе разумные действия.

Российский вариант

Констатировав это, обратимся к рассмотрению особенностей общественного сознания в России. Разумеется, в многонациональной стране ему свойственно специфическое национально-этническое членение. Однако доминирование в стране русского этноса лишает эти различия определяющей роли.

Русский этнос – стержень российской государственности – сложился и развивался на стыке различных цивилизационных влияний: духовного наследия Византии, олицетворявшей сплав культур восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, Западной Римской империи, преимущественно в её германизованном варианте, и так называемого «поля» – культуры кочевых народов, с которыми русские княжества соседствовали веками не только воюя, но и поддерживая устойчивые добрососедские отношения, нередко скреплённые родственными связями. Свой отпечаток на формирование российской цивилизации и её общественного сознания наложило более чем двухсотлетнее пребывание множества русских княжеств в составе монголо-татарской Золотой Орды.

Общественное сознание населения формировавшейся России было дополнительно обогащено сложностью его исходной этнической базы. Она во многом обеспечила превращение таких нравственных характеристик, как добрососедство, терпимость, способность к духовному взаимообогащению в неотъемлемые черты национального характера населения.

Немалую роль в формировании особых характеристик общественного сознания сыграли суровые климатические условия и масштабы пространства, на котором расселялись племена, образовавшие впоследствии русскую нацию. Северный климат, характерный для большинства земель, ставших постоянным местом их обитания, придавал особое значение групповому поведению, служившему важным условием выживания. Отсюда особая устойчивость общинных отношений, ставших неотъемлемой чертой русского социума, и связанные с этим традиции артельности, взаимопомощи и взаимовыручки. Этим во многом объясняется общепризнанная особая устойчивость сложившихся в России общинных отношений.

В такой многонациональной стране, как Россия, общественному сознанию свойственно специфическое национально-этническое членение.

За 70 лет советской власти в традиционную основу общественного сознания вторглась совокупность левых ценностей. Вызванные этим сложные процессы исследованы недостаточно и заслуживают специального рассмотрения. Поэтому в данной связи ограничимся лишь упоминанием о тех, которые наиболее значимы для дальнейшего изложения.

Некоторые из новых ценностей, оказавшись в чём-то сходными с традиционными установками, слились с ними, придав им модернизированный облик. Так, например, представление о революционной России как ведущей и определяющей силе грядущей мировой революции во многом слилось в общественном сознании с традиционным мессианским самовосприятием её как «третьего Рима», призванного нести истину остальному миру. Установка на защиту социалистического государства от капиталистического окружения стала восприниматься как выражение исконной необходимости уберечь отечество от вражеского нашествия и т. д.

В свою очередь, те новые ценности, которые явно противоречили традиционным взглядам, стали постепенно отходить на второй план, оттесняться, а затем и изгоняться из обихода. Так, например, произошло с негативной трактовкой прошлой российской истории, с оценкой дореволюционной России как «тюрьмы народов», заменой первоначального интернационализма сначала скрытым, а затем и откровенным национализмом. Кризис советской системы, приобретшей со временем черты бюрократическо-номенклатурной диктатуры, значительно ослабил исходные коллективистские начала, присутствовавшие в общественном сознании, стимулировав отчуждение существенной части населения от социалистических ценностей и самого понятия социализм, отождествлявшегося с тем, с чем люди сталкивались в повседневной жизни.

После распада Советского Союза стало предельно очевидным, что влияние советского периода на традиционное общественное сознание было существенно меньше, чем это казалось первоначально. Тем не менее, следы этого влияния явно сохранились. Об этом убедительно свидетельствовали утвердившиеся в обществе специфические представления о предпочтительном общественном укладе:

- ориентация на высокую устойчивость сложившихся, ставших привычными условий существования;
- повышенные социальные ожидания, связанные с деятельностью государства;
- отношение к бесплатному образованию и здравоохранению, дешёвым жилью и отдыху как неотъемлемой составной части образа жизни;
- неприятие чересчур заметного разрыва в условиях существования различных групп населения.

В эпоху СССР некоторые из новых ценностей, оказавшись в чём-то сходными с традиционными установками, слились с ними, придав им модернизированный облик.

В целом, подводя итоги переменам, наметившимся в российском массовом общественном сознании за рассматриваемые годы, и, прежде всего, во второй половине XX и в начале XXI вв., можно с полным основанием подразделить их на три этапа.

Первый вызрел ещё в советское время. По мере углублявшегося отставания СССР от наиболее развитых стран Запада, ассоциируемых с капитализмом, в сознании советских граждан рос интерес к сложившейся в этих странах социальной и экономической практике. Параллельно укреплялось и позитивное отношение к действующей там общественной системе. В результате у многих сложился идеализированный образ Запада как «острова благоденствия», где царит справедливость, бесперебойно функционируют демократические механизмы, отсутствуют социальные барьеры и общедоступны высококачественные материальные блага. Утвердившееся ранее негативное отношение к капитализму начало сменяться нейтральным, а нередко и позитивным. Отсюда та эйфория, с которой были восприняты тогда большинством населения СССР идеи коренных общественных перемен, которые должны были, по мнению многих, воспроизвести в стране совокупность предполагаемых «западных эталонов». Соответственно, небывало выросло доверие к общественным силам, отстаивавшим эти идеи.

Спустя несколько лет завышенные ожидания сменились глубоким разочарованием. Главной причиной такого поворота в массовом сознании были практические следствия реформ, проведённых в 1990-е гг. в экономической и социальной сферах. Народное хозяйство новой России пришло в упадок. Миллионы людей потеряли работу. Были обесценены денежные сбережения. Значительные группы населения впали в глубокую нищету. Большой ущерб был нанесён системе бесплатного здравоохранения и образования. Распались ставшие привычными формы общественных контактов и т. д. Лавинообразное ухудшение условий существования породило моральную деградацию. Криминализация общества, обозначившаяся ещё в последние советские годы, приобрела доминирующий характер. Преступность в самых крайних её формах вышла за пределы, гарантирующие самосохранение системы.

Всё это, естественно, не могло не воздействовать на наиболее динамичные структуры общественного сознания. Тем самым обозначились конец первого и начало второго этапа.

К концу 1990-х гг. эмоциональная составляющая доверия, которым располагали тогда властные структуры, определявшие судьбы страны, резко сократилась. На исходе десятилетия, особенно после дефолта 1998 г., это доверие упало до нулевой отметки. При этом недовольство сложившейся ситуацией начало определять настроения не только основной

В целом, подводя итоги переменам, наметившимся в российском массовом общественном сознании за рассматриваемые годы, и, прежде всего, во второй половине XX и в начале XXI вв., можно с полным основанием подразделить их на три этапа.

массы населения, серьёзно пострадавшей от трансформационных процессов, но и влиятельной части выигравшей от них властвующей элиты. Взращённая на повсеместном разрушении всего того, что составляло основу власти в прошлом, она возжаждала стабильности, которую стала рассматривать как залог упрочения приобретённых политических позиций и богатства. Это, естественно, потребовало серьёзной кадровой рокировки.

Именно в этом следует искать ключ к пониманию феномена Путина, который на первых порах казался многим загадкой. Проводимая им политика была воспринята обществом как свидетельство перехода от курса на разрушение к курсу на возрождение. Соответствующие импульсы получило и общественное сознание.

Отношение к власти, утвердившееся в эти годы, оставалось двояким. С одной стороны, многие признавали, что ей, в конечном итоге, удалось положить конец анархии в политической сфере, затормозить развал народного хозяйства, обеспечить минимальную стабильность, приступить к восстановлению подорванных международных позиций государства. С другой – нельзя было не считаться с тем, что политическая плата за всё это чрезмерно высока. Для подкрепления проводимого курса была создана жёсткая бюрократическая вертикаль, которая вскоре отчётливо продемонстрировала имманентно присущие ей негативные качества – слабую эффективность и высокую склонность к незаконной наживе. Оппозиционные силы оказались отеснены на политическую периферию посредством манипуляций, именуемых «административным ресурсом». Элементы авторитаризма, заложенные в систему ещё в 1990-е гг., стали проявляться с нарастающей силой. В обстановке, когда под влиянием обстоятельств репутация влиятельных в прошлом идеологий социализма и либерализма подувяла, в стране возник идеологический вакуум и, тем самым, распахнулись все двери для консервативного ренессанса. Соответственно, на общественной и политической сценах появилось немало «доброхотов».

Спекулируя на этих настроениях, власть провозгласила себя консервативной. Повсеместно началось административно стимулированное насаждение соответствующих постулатов. Страну как бы развернуло лицом назад, в прошлое – то ли к XVII, то ли к XVI веку.

Время, естественно, внесло в воспроизведённую выше картину некоторые коррективы. Поостыли многие раздутые страсти, предубеждения и обиды. Не столь безоговорочно враждебным стало отношение к временам Советского Союза. В них всё чаще стали находить не только негативные, но и позитивные элементы. Многие отрицательные стороны эпохи 1990-х гг. потеряли былую актуальность. Тем болезненней

начали восприниматься обществом изъяны новых властных институтов: их низкая компетентность, всевластие бюрократии, nepотизм, коррупция, подковёрная борьба клик и множество других не очень позитивных качеств.

Одновременно начало всё заметнее обостряться негативное восприятие общественным сознанием социально критического разрыва в уровнях жизни общественных «верхов» и «низов». Программа экономического восстановления страны оставалась ориентированной на интересы разбогатевшей части граждан. Продолжались разворовывание направляемых в экономику средств, демонстративный уход наиболее имущей части населения от налогообложения и массовый отток капиталов за рубеж. Всё это, естественно, не могло не сказаться на структуре общественных взглядов, на которые в значительной степени стали влиять следующие установки:

- уверенность в том, что сложившаяся в стране политическая система отражает интересы лишь богатой части общества, игнорируя потребности и запросы менее зажиточного большинства, а любые исходящие от неё импульсы несут этому большинству главным образом потери;

- твёрдое убеждение, что крупная собственность, появившаяся в стране в 90-е гг. прошлого века (и попавшая прежде всего в руки так называемых олигархов), – результат махинаций, нанёсших неисчислимый урон обществу и государству;

- опасение, что в сложившихся условиях в стране вряд ли будет создана (или хотя бы частично восстановлена) такая система социальных амортизаторов, которая гарантирует каждому члену общества в качестве компенсации за его позитивный трудовой вклад в общее дело приемлемые условия существования;

- устойчивое представление, что шансы простого гражданина на вертикальную социальную мобильность, несмотря на все его усилия, при нынешних обстоятельствах минимальны и речь может идти лишь о выживании;

- вера в то, что в обществе, в фундаменте которого лежит совокупность правонарушений, право не может считаться регулятором взаимоотношений между гражданами и поэтому с ним можно не считаться.

Черту под вторым этапом подвели сначала мировой финансово-экономический кризис 2008–9 гг., а затем всплеск массовых протестов в Москве в 2011–12 гг. Первый развеял иллюзорные надежды на скорое экономическое процветание, второй убедительно продемонстрировал невозможность в дальнейшем управлять выросшим и повзрослевшим российским обществом, используя прежние методы.

Ко всему этому добавился раскол, наметившийся в правящей верхушке. В его основе лежал не только конфликт амбиций, но и различия в представлениях о способах преодоления накопившихся препон и ловушек. Одни выступали за продолжение жёсткого курса, другие – за большую гибкость.

Несмотря на то, что протестные вступления этих лет не смогли сформулировать программу действий, способную привести в движение основную массу населения страны, а сумели опереться лишь на не очень значительную часть столичного населения, властные верхи не могли не считаться с тем, что ситуация требует очередного политического манёвра. И он состоялся, но на этот раз без коренной смены кадрового гарнитура.

Внешние контуры реализации этого манёвра хорошо известны. Его результаты тоже: скромная политическая реформа, предполагавшая отказ от наиболее одиозных новаций прежних лет; создание резервной политической силы на случай провала властвующей ныне; демонстративно подчеркнутый отказ от жёсткого урезания ассигнований на социальные нужды.

Есть ли основания рассматривать произошедшее как наступление нового, третьего этапа? Для окончательного ответа на этот вопрос оснований пока мало. Однако определённые признаки его вызревания налицо.

Несмотря на мизерность политических и социальных новшеств, они помогли, пусть на время, но стабилизировать обстановку, исключив возможность трагических событий, подобных тем, которые потрясли соседнюю Украину. Значимую роль в упрочении такой стабилизации сыграли осуществлённые в это время внешнеполитические акции, существенно ослабившие чувство национального унижения в связи с распадом Советского Союза и последовавшим за ним пренебрежительным отношением западных держав к новой России как к потерпевшему поражение, не очень значительному государству. Немалую роль в накоплении стабилизационных тенденций сыграло также то, что проводимой ныне политике пока не предложена сколько-нибудь убедительная альтернатива. Да и силы (как и лидеры), претендующие на реализацию такой альтернативы, невольно вызывают в памяти персонажей театра кукол.

Однако преувеличивать нынешний уровень стабильности было бы неверным. Кризисные удары по экономике, зафиксированные к началу 2015 года и во многом спровоцированные внешними процессами, обусловленное ими падение жизненного уровня населения не могли не сказаться на структуре общественного сознания. Остались многие непростые проблемы, детальнее рассмотренные ниже. Несмотря на небывало высокий рейтинг личности президента, в стране начало нарастать повсеместное глухое недовольство.

Общественные настроения

Выше в центре размышлений находилось общественное сознание как важнейший исходный посыл любого политического процесса. Нисколько не умаляя значимости этого феномена, следует учитывать, что он представляет собой своего рода теоретическую конструкцию, основанную на осмыслении и обобщении закономерностей становления и исторического развития совокупности взглядов и ценностей – групповых и межличностных. Непосредственно же при анализе политических реалий мы имеем дело с *общественными настроениями*, составляющими тончайший поверхностный слой этого сознания. Они отражают его структуру, но не абсолютно и не прямо, а опосредованно, поскольку в высшей степени подвержены конъюнктурным воздействиям и быстро меняются, следуя переменам в объективной обстановке. Одним из наиболее доступных и распространённых способов фиксации этих настроений выступают опросы общественного мнения как их вербальные проявления.

Напрашивающееся деление общественных настроений в отношении власти и её структур на позитивные и негативные является первичным и, стало быть, необходимым, но далеко не исчерпывающим. Это определяется тем, что они тоже представляют собой сложную совокупность. Их внутреннее членение (а нередко и дробность) обусловлены как исходной неоднозначностью самого объекта, так и интенсивностью воздействия на него внешних процессов.

К числу аксиоматичных причин дробности позитивного и негативного отношения граждан к власти, к её структурам и действующим в них политическим силам относятся, как и в общественном сознании в целом, усложняющаяся структура общества, несовершенство механизмов власти, экономические потрясения и нарастающий разрыв между общественным сознанием и стремительными переменами в условиях существования. Остановимся – пусть бегло – на этих причинах.

Выше уже упоминалось о неполной идентичности общественного сознания и общественных настроений. Но особенно очевидным размежевание между ними становится при быстрых переменам. В ходе этих перемен значительно повышаются присущая общественным отношениям нервозность, удельный вес негативных ориентаций, степень отторжения новаций, идеологическая ностальгия. Важную роль в стимулировании таких явлений играют резкие изменения в структуре производства (а, следовательно, в социальной структуре), протекающие в болезненной форме.

Перемены, происходящие последнее время в структуре развитых обществ, кардинально отличаются от тех, которые интенсивно реализовывались на протяжении прошлого столе-

тия. Тогда они были связаны с возникновением ряда новых крупных социальных общностей, чьё появление заметно влияло на сложившуюся совокупность интересов массовых категорий граждан, меняя доминирующую духовную атмосферу. Сегодня прежние крупные социальные общности (обычно именуемые классами) всё очевиднее распадаются на автономные группы со своими специфическими интересами. Это создаёт новые конфликты и новые потребности, что явно отражается на динамике общественных настроений.

Наиболее остро эти перемены сказываются на настроениях подрастающих поколений. Заметные различия между возрастными группами увеличиваются, поскольку определяются не только биологическими причинами, но и расхождениями в характеристиках и типах первичной социализации, а также в условиях существования.

В России указанные процессы протекают особенно выпукло. Этому явно способствуют некоторые дополнительные обстоятельства. Во-первых, крайне болезненный уровень социальной и материальной дифференциации, разводящий социальные группы. Во-вторых, пережитые населением за короткий срок потрясения, в результате которых различные возрастные категории подвергались разнонаправленным воздействиям плохо совместимых моделей социализации. В итоге дробность ценностных ориентаций и, соответственно, общественных настроений в России сегодня ощутимо выше, чем в странах с аналогичным или более высоким уровнем общественного развития.

Негативную роль при этом сыграли изъяны политической системы. Сложившиеся в России властные институты, важнейшей задачей которых должно было бы стать снижение исторически обусловленного отчуждения значительной части общества, многие годы не только не занимались его ослаблением, но нередко действовали в противоположном направлении. Причём главная причина этого заключалась не столько в личных качествах тех или иных руководителей, сколько в пороках модели управления страной.

Чтобы привести к желаемым позитивным результатам, политическая воля высшего руководства должна опираться на более или менее чёткие представления о конечной цели. Общеизвестно, однако, что таких представлений у руководства нет и поныне. Известно также, что рациональная политика обязательно должна покоиться на знании исходной ситуации и адекватном представлении о возможных последствиях управленческих акций. Но подобного рода знание (и тем более предвидение) требует наличия неискажённой обратной связи между верхами и низами. Понимание этого вроде бы есть. Тем не менее, страна многие годы не располагала и всё ещё не располагает ничем, напоминающим таковую. По сей день не преодо-

Сегодня прежние крупные социальные общности (обычно именуемые классами) всё очевиднее распадаются на автономные группы со своими специфическими интересами. Это создаёт новые конфликты и новые потребности, что явно отражается на динамике общественных настроений. В России указанные процессы протекают особенно выпукло.

лена ориентация на поддакивание лицам, занимающим более высокие позиции в иерархической структуре. Отрицательные последствия этого усугубляет урезанный контроль общества над действиями власти.

Неприемлемо низка эффективность управленческих механизмов – важнейшего структурного элемента любой политической системы. Принимаемые властью решения должны безоговорочно выполняться. Это своего рода аксиома. Без этого политический процесс превращается в говорильню, либо приобретает хаотический, неуправляемый характер. У нас на протяжении ряда лет наблюдалось и то, и другое. А все попытки «навести порядок», как правило, заканчивались ничем.

И дело опять же не только в том, что кто-то чего-то не умеет. Дело в линейной властной вертикали. Любая чрезмерно централизованная система, замкнутая на одного руководителя или небольшую группу лидеров, неизбежно приобретает все изъяны, которые характерны для сугубо авторитарных режимов и сводят на нет преимущества строго иерархизированной модели управления. Попытки исправить положение предпринимаются, но существенных результатов от них ждать не приходится. Наша политическая система нуждается не в косметическом, а в капитальном ремонте. В противном случае наращивание в стране протестного потенциала станет необратимым.

Негативно сказываются на общественных настроениях и нынешние тенденции экономического развития в стране. Стабильная, а тем более устойчиво развивающаяся экономика создаёт объективные условия для ослабления протестных настроений и действий путём расширения масштабов перераспределения общественного продукта. Значимость данного обстоятельства получила подтверждение в ходе длительного развития во всём мире.

На продолжении ряда лет нового столетия соответствующие условия складывались и в России. Это в какой-то степени избавляло власть имущих от динамики угрожающих протестных настроений и действий. Однако, судя по всему, нынешняя экономическая ситуация объективно минимизирует эту возможность. Тем самым исчезает важный рычаг, до сих пор позволявший поддерживать относительную социальную и политическую стабильность. Параллельно возникает соблазн сэкономить убывающие ресурсы за счёт сокращения жизненно важных социальных ассигнований. Пока власти ему, вроде бы, не поддаются. Но хватит ли у них сил, чтобы окончательно не выпустить из рук контроль над ситуацией?

Структуру настроений, утвердившихся в обществе, невозможно в должной мере оценить, не учитывая и воздействия на неё современных достижений науки и техники, существенно повышающих эффект восприятия публикой «должной

Любая чрезмерно централизованная система, замкнутая на одного руководителя, неизбежно приобретает все изъяны, которые характерны для сугубо авторитарных режимов и сводят на нет преимущества строго иерархизированной модели управления. Попытки исправить положение предпринимаются, но существенных результатов ждать не приходится.

информации». Особенно велика в этом плане роль интернета, уже утвердившегося в качестве одного из самых распространённых каналов массовых коммуникаций.

Обобщая и, тем самым, неизбежно упрощая структуру настроений, доминирующих в российском обществе, есть все основания констатировать следующее. Разумеется, в нём, как и во многих других обществах, наличествует категория граждан, удовлетворённых своим положением и полностью отождествляющих себя со сложившейся системой власти. Вместе с тем в стране продолжают доминировать настроения, которые можно определить как набор неоднозначных уровней недовольства. В то же время их корреляция с политическими предпочтениями просматривается крайне слабо.

В основе недовольства лежат неоднозначные причины. Для одних это ошибочные принципы, заложенные в основу сложившейся общественной системы. Для других – просчёты конкретной политики, как внутренней, так и внешней. Для третьих – конкретные дефекты управляющей системы, прежде всего административных институтов. Для четвёртых – неистребимость таких общественных язв, как воровство и коррупция. Массовое недовольство порождают разнообразные житейские неурядицы, обычно игнорируемые властью.

Формы, которые приобретает недовольство, различны. В одних случаях оно способствует оживлению ксенофобских предрассудков, дополнительно питаемых, как и во многих странах Запада, массовым притоком иммигрантов. В других оно находит выражение в устойчивой враждебности российской «глубинки» к столичным мегаполисам и прежде всего к Москве. Почву для этой враждебности образует, с одной стороны, разрыв в условиях существования провинциального и столичного населения, а, с другой – усиление унитарных настроений в федеральных структурах власти, нашедшее проявление в стремлениях урезать права и компетенции субъектов Федерации. Нарастание этого недовольства реализуется в одних случаях в виде демонстративного отстранения от политики, в других – в виде тоски по прошлому, в третьих – в готовности поддержать установление «сильной власти», ассоциируемой с «признанным лидером».

Способствовали (и способствуют) такому нарастанию многочисленные просчёты политической власти. Несогласие большинства общества с теми или иными решениями и действиями властвующей элиты не снималось в результате гибких акций, а неоднократно загонялось вглубь. Минимизировались возможности позитивной сублимации латентных политических установок.

Немалую роль сыграло в данной связи и то, что нынешнее российское общество в ценностном отношении (как и в ряде других вопросов) глубоко сегментировано. Среди характерных

для него антиномий: модернизация – фундаментализм; западничество – почвенничество; элитарность – социальность; авторитаризм – демократия. Существуют также дополнительные «оси размежевания», отражающие разорванность мотивационных установок значительной части населения.

Считается общепризнанным, что недовольство, утвердившееся в российском обществе, проявляется, по преимуществу, в пассивной форме. Совокупность причин этого требует ещё дополнительного изучения. Предварительно можно указать лишь на некоторые.

Первая связана с утвердившейся неприемлемостью для большинства российских граждан любого рода насильственных действий, которые могли бы вызвать распад властных структур, анархию, вооружённое противостояние социальных и национальных групп. Исторический опыт, зафиксированный в общественном сознании, породил у населения России стойкое убеждение, что такие действия не принесут с собой решения назревших проблем, но лишь ухудшат условия существования. Поэтому до тех пор, пока власти не перешли границы, за которыми терпеть физически невозможно, основная масса граждан – вне зависимости от их отношения к правящим политическим силам – не выйдет за конституционное поле.

Вторая обусловлена специфической формой отчуждения между верхами и низами. В сознании большинства российских граждан укоренилось убеждение, что верхи ни при каких обстоятельствах не будут считаться с интересами населения; поэтому любые усилия не в состоянии дать позитивных результатов.

Исходя из внешних показателей, отношение большинства российских граждан к политическим институтам и режиму в целом можно было бы определить как отчуждённо-пассивное. Однако такая безоговорочная оценка представляется неверной. В обществе накопился потенциал не только социального недовольства, но и скрытой гражданской активности, который на протяжении ряда лет не получал адекватного выхода. Поэтому политическая и гражданская отстранённость, о которой до сих пор так много пишут, представляет собой неустойчивое явление. Небольшие колебания социально-экономической или политической ситуации могут быстро преобразить эту отстранённость в самый острый активизм.

Следует также учитывать, что последствия вызванного недовольством недоверия к власти обычно неоднозначны. Само по себе оно не рождает общественной активности. Первоначально наступает индивидуальное отчуждение от политики. Потом углубляется социальное раздражение, сопровождаемое нарастанием уныния, предчувствия близящейся катастрофы. Отсюда тенденция к уходу от реальности:

Нарастание недовольства реализуется в одних случаях в виде демонстративного отстранения от политики, в других – в виде тоски по прошлому, в-третьих – в готовности поддержать установление «сильной власти», ассоциируемой с «признанным лидером».

Недовольство, утвердившееся в российском обществе, проявляется, по преимуществу, в пассивной форме. Сейчас можно указать лишь некоторые причины этого.

массовое пьянство, наркомания и т. д. При этом, как уже упоминалось, нередко происходит замещение объекта недовольства. Социальное раздражение сублимируется в повышенную агрессивность, направленную не столько на истинные причины недостатков, сколько на искусственно сконструированный образ «врага».

Чтобы эскалация общественного недовольства вылилась в более или менее осознанные проявления общественного протеста, необходимы не только высокий уровень общей социальной напряжённости, но и глубокая личностная идентификация большого количества людей со своими социальными общностями.

Пока, судя по всему, накопившееся недовольство ещё не приблизилось к критическому уровню. Отсутствует и чётко выраженная идентификационная кристаллизация общества. До сих пор такое недовольство и даже напряжённость обычно сохраняют локальный характер, тем более что материальные лишения и задавленность житейскими заботами порождают усталость, отвлекают духовные и физические силы на адаптацию к нелёгкой экономической ситуации. И, тем не менее, опасная дестабилизация общественного порядка остаётся в пределах возможного.

Можно ли рассчитывать, что властным структурам удастся убедить граждан страны в реальности возникновения в сравнительно небольшие сроки если не идеального, то по меньшей мере более или менее благополучного общества, и поднять их на активное участие в его созидании? Разумеется, полностью отрицать такую возможность нельзя. Истории известно множество самых различных неожиданных поворотов. Быть может, нынешней власти удастся, несмотря на множество разнообразных барьеров, повернуть штурвал в направлении, которое откроет дополнительный кредит доверия, и он будет не ситуационным, а длительным и устойчивым. Для этого, однако, это направление должно быть не только правильно выбрано, но и подкреплено делами.

Общественным доверием власть сумеет заручиться лишь в том случае, если гражданам будет представлено убедительное свидетельство её готовности, решительно порвав с проводимым ранее курсом, качественно модифицировать вектор политики. Таким свидетельством обычно служат институциональные изменения, открывающие большие, чем прежде, возможности влияния общества на политические решения, и достаточно радикальные кадровые перемены, предполагающие выдвижение на решающие государственные позиции лиц, обладающих безусловным общественным авторитетом.

Особенно необходим комплекс конкретных мер, которые были бы восприняты населением как свидетельство искренней заботы о благе рядовых граждан. Население проявит готов-

ность взвалить на себя тяготы, неизбежные при достаточно решительном повороте, только в том случае, если убедится, что этот поворот всерьёз и надолго.

Политическое поведение

Общепризнано, что настроения в конечном счёте определяют стержень любого политического процесса – *массовое политическое поведение*, совокупность всех форм участия и неучастия граждан в осуществлении власти либо в противодействии ей, предполагающая в одних случаях включённость в различные структуры политической системы, а в других – сознательную отстранённость от них, в том числе участие в деятельности неформальных организаций и в массовых движениях, а также публичную манифестацию своих взглядов и требований с целью повлиять на общественное мнение и позиции правящих.

Политическое поведение как форма выражения отношения граждан к власти и её институтам появилось на свет вместе с государством и эволюционировало параллельно его развитию. Первоначально выкристаллизовались два основных вида такого поведения: подчинение и бунт. Затем первое было трансформировано приобщением к власти сначала узкого, но со временем расширившегося круга влиятельных членов общества. В свою очередь, второй приобрёл дифференцированный характер благодаря появлению более гибких способов демонстрации недовольства.

Сегодня мы, естественно, имеем дело с иными, преобразёнными типами политического поведения. Подчинение власти (политическим институтам), не потеряв до конца силового начала, зиждется главным образом пусть на не всегда полном, но доверии (или хотя бы терпимом отношении) к ней. Круг приобщённых к власти расширился (во всяком случае формально и в наиболее развитых странах) до масштабов всего взрослого населения. Появились многочисленные новые каналы выражения политического недовольства. Тем не менее, некоторые рудименты первоначального политического поведения прослеживаются и ныне.

Анализируя рассматриваемый феномен в том виде, в каком он сложился сегодня, следует, судя по изложенному выше, обратить внимание как на специфику воздействия на него общественных настроений, так и на многообразную динамику самого политического поведения. Немалую роль в преобразовании настроений в политическое поведение играет уровень (градус) напряжённости во взаимоотношениях власти и общества. Низкая напряжённость минимизирует переход доминирующих общественных настроений, вне зависимости от их типа, в поведенческие акции, а высокая стимулирует этот процесс.

Особенно необходим комплекс конкретных мер, которые были бы восприняты населением как свидетельство искренней заботы о благе рядовых граждан. Население проявит готовность взвалить на себя тяготы, неизбежные при достаточно решительном повороте, только в том случае, если убедится, что этот поворот всерьёз и надолго.

Первостепенное значение имеет также наличие в обществе сплочённого авангарда, являющегося выразителем общественных настроений. Формирование такого авангарда и его деятельного ядра – залог высокой политической активности, как позитивной, так и негативной. И наоборот: отсутствие сплочённого авангарда с деятельным ядром делает общество политически пассивным, какими бы ни были содержание утвердившихся в нём настроений и степень их обоснованности.

Существенным фактором, обуславливающим неполное совпадение общественных настроений и политического поведения, является феномен, обозначаемый в психологии как ограниченная рациональность. Массовые настроения при всех присущих им общих закономерностях в конечном счёте представляют собой своеобразную сумму индивидуальных настроений. А они формируются под влиянием не только объективных интересов и устремлений, но и множества внешних, иногда случайных, а иногда, напротив, целенаправленных воздействий. Отсюда – весьма распространённый индивидуальный иррационализм, который нередко сказывается на поведении целых общественных страт, делая их рационализм неполным, а то и выхолащивая его сущность.

Наиболее естественной для России формой превращения общественного недовольства властью в поведенческую практику всегда было отчуждение. Оно наличествовало даже тогда, когда властные структуры воспринимались как более или менее легитимные и располагали значительным уровнем общественного доверия (политическим капиталом). Тем более велико такое отчуждение в условиях, когда у большинства населения страны есть достаточно оснований быть недовольными решениями, принимаемыми властью.

Специфической формой взаимоотношений между обществом и политическими институтами в условиях отчуждения является психологическое и практическое отторжение исходящих от них импульсов, представляющее собой развитие характерного для России неправового поведения. Поступающие сверху юридические и управленческие решения не воспринимаются и не выполняются ни отдельными гражданами, ни общественными институтами. Иногда этот феномен является результатом сознательного саботажа местной бюрократии. Однако чаще всего он воспроизводит утвердившиеся в обществе формы поведения.

Главной легитимной формой политического поведения по сей день слывёт электоральный процесс. Для этого есть немало оснований. Многие миллионы людей в самых разных странах воспринимают этот процесс как нормальный способ приобщения к принятию политических решений. К тому же ему до сих пор не найдено сколько-нибудь приемлемой альтернативы.

В исследовательском плане электоральный процесс как форма политического поведения рассмотрен и проанализирован достаточно детально. Соответственно, выявлены и его механизмы. Тем не менее, следуя логике изложения, нелишне ещё раз на них остановиться.

Обычно при анализе действия этих механизмов вычленяют четыре группы факторов: *социологические* (обусловленные набором социальных и демографических характеристик – социальным и профессиональным статусом, образовательным уровнем, местом проживания, возрастом, полом и т. д.), *ситуационные* (отражающие реакцию избирателей на конкретную обстановку, в которой оказалось общество, что, в свою очередь, неразрывно связано с предварительно сложившимися политическими ориентациями как самого индивида, так и наиболее авторитетных для него референтных групп), *манипулятивные* (представляющие собой следствие обработки индивида и его непосредственного окружения с помощью избирательных технологий) и *индивидуально-психологические* (являющиеся производными от устойчиво-характерологических черт индивидуальной психики). Очевидно, что в исследовательской работе данное членение может быть результативно использовано лишь в том случае, если будет в полной мере учтена сложность и противоречивость влияния перечисленных факторов в разных обществах и при разных условиях.

Удельный вес и значимость этих факторов существенно варьируются. Действие социологической группы особенно ощутимо в тех случаях, когда общество должным образом структурировано, а составляющие его слои в полной мере осознают свои групповые интересы. Ситуационные факторы играют наиболее заметную роль в обществах с не полностью устоявшимся политическим поведением, когда чисто внешние, часто второстепенные обстоятельства могут внезапно изменить электоральный выбор. Эффективность мероприятий манипулятивного толка в решающей степени зависит от опыта, накопленного населением, степени его доверия к инструментам манипулирования, изощрённости стратегии и тактики использующих эти инструменты политических сил и других обстоятельств.

Индивидуально-психологические параметры поведения изучены пока недостаточно, вследствие чего их воздействие нередко порождает не совсем те (или совсем не те) реакции, на которые рассчитывал манипулятор.

В содержательном плане электоральное политическое поведение, естественно, многообразно и различается не только по объекту выбора, но и по характеру эмоционального отношения к самому этому акту, который может рассматриваться и как возможность реализовать индивидуальные политические установки, и как выполнение гражданского долга, и как некий традиционный ритуал.

Существуют также формы электорального поведения, придающие ему принципиально иной политический смысл. Наиболее распространённая из них – протестное голосование. Его отличие от обычного электорального акта заключается в том, что участие в избирательном процессе в этом случае воспринимается исключительно как способ выразить резко негативное отношение к тому, что происходит в данный момент в обществе. В ситуациях, когда подобный подход приобретает форму выбора, последний носит случайный характер, и избирательный бюллетень обычно подаётся за ту политическую силу или деятеля, которые в глазах избирателя в наибольшей степени ассоциируются с неприятием происходящего. Формой индивидуального протестного электорального поведения является также неучастие в избирательном процессе.

Отдавая должное научному багажу, накопленному в результате изучения электорального процесса, нельзя вместе с тем не констатировать, что в нём не в полной мере учтены особенности нынешнего электорального поведения, не говоря уже о политическом поведении в целом. Это обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, все применявшиеся подходы и выводы были ориентированы на идеальную модель. Но такая модель если и встречается, то очень редко. Её реальные воплощения изначально страдали от множества «родимых пятен». Не случайно по ходу дела они не раз подвергались корректировке. Во-вторых, глубокие изменения во всех сферах жизни, произошедшие за истёкшие столетия и, особенно в конце XX – начале XXI вв., поставили принятую модель исследования перед вызовами, исчерпывающие ответы на которые до сих пор не найдены.

Остановимся на этом подробнее. Практика показала, что электоральный процесс ввиду его высокой организационной сложности, значимости, конфликта интересов и сопутствующего эмоционального накала плохо защищён от сознательных искажений. Способы, используемые в этих целях, многообразны. Иногда искажения приобретают такие масштабы, что лишают участие в выборах какого бы то ни было смысла. Но, даже выведя эту специфическую сторону проблемы за скобки, сложившейся электоральной системе можно предъявить целый список претензий. Напомним о некоторых, наиболее очевидных.

1. Выборы в органы законодательной власти, в том числе в те, что принимают политические решения государственного значения, обычно происходят раз в 4–5 лет. Таким образом, одноразовый политический акт автоматически превращается в передачу небольшой группе, как правило, не очень известных обществу лиц права на протяжении длительного срока, по сути, бесконтрольно распоряжаться судьбами миллионов доверившихся им граждан. Это особенно остро ощущается сейчас,

когда быстротекущее время наполнено событиями практически до предела, а экономическая и социальная политика порождает постоянное массовое недовольство.

2. В ходе длительного исторического развития функции государства существенно расширились, распространившись на всю совокупность не только политических, но и экономических, социальных и культурных процессов. Соответственно, неимоверно вырос набор проблем, подлежащих решению на общегосударственном уровне. Но нынешние высшие законодательные органы, будучи чисто политическими структурами, на это не рассчитаны. Отсюда – падение качества решений, принимаемых по «непрофильным» (неполитическим) вопросам.

3. Во многих случаях электоральный процесс, в том числе на общегосударственном уровне, стал приобретать характер рыночного акта, в рамках которого ориентированные на политическую карьеру представители элиты, конкурируя друг с другом, предлагают широкой публике (избирателям) свой товар – набор всевозможных обещаний. Соответственно, сам процесс голосования начал трактоваться как покупка избирателями совокупности политических услуг.

При этом всячески маскируется немаловажное различие между обычным актом купли-продажи и политическим процессом. На обычном рынке продаётся главным образом реальный товар, который можно оценить, опробовать или хотя бы пощупать. Кроме того, в государствах с нормальной хозяйственной системой, как правило, действуют контрольные структуры, призванные обеспечивать законность протекания товарообмена и не допускать обмана потребителей в ходе рыночной купли-продажи. А при электоральном процессе, низведённом до уровня базара, «продавцу политических услуг» ничего не стоит без особого труда получить дивиденды, подсунув покупателю-избирателю откровенную пустышку.

Немалую роль в данном случае играет и следующее психологическое явление. Продав свой «товар» (обещание), политический избранник, следуя логике рыночных отношений, нередко чувствует себя не доверенным лицом, представляющим интересы тех, кто отдал за него голос, но владельцем приобретённой синекуры, свободным от каких бы то ни было обязательств.

4. Длительный опыт «общения» политических элит с избирательным процессом постепенно превратил его в объект своеобразной «науки» манипулирования электоральным политическим поведением (чёрных технологий). По мере совершенствования технических средств воздействия на настроения и поведение граждан эффективность этой «науки», немалая уже в самом начале, непрерывно возрастала, достигнув к на-

стоящему времени такого уровня, что действительно свободное волеизъявление на выборах уже нередко воспринимается не как правило, а скорее как исключение. Более того, активное участие в электоральном процессе сейчас требует настолько высоких материальных затрат, что его могут позволить себе лишь очень богатые люди – либо те, кого не без корысти спонсируют финансово мощные структуры и их владельцы.

Учитывая это, не приходится удивляться тому, что вопрос о кардинальном совершенствовании системы, призванном обеспечить должное представительство интересов общества при осуществлении властных функций, занимает заметное место в научных дискуссиях. Что можно тут сделать – предмет особого разговора.

Естественная реакция населения на негативный электоральный опыт – разочарование. Его масштабы в разных регионах и странах различны. Это определяется рядом обстоятельств: уровнем укоренённости конкретной электоральной системы, степенью стабильности (нестабильности) соответствующего общественного организма, градусом напряжённости между институтами власти и обществом, наличием или отсутствием блокирующих массовое недовольство материальных прокладок и множеством других факторов. Тем не менее, рост неудовлетворённости рассмотренной выше моделью как общая, нарастающая тенденция очевиден.

Проявляется она в разных формах. Наиболее непосредственная из них – осознанное отчуждение от избирательного процесса, прежде всего абсентеизм, о котором уже упоминалось выше.

Другим сравнительно распространённым проявлением прогрессирующего отчуждения от традиционного электорального процесса выступает позиция граждан, не вставших на путь абсентеизма, но, тем не менее, сделавших для себя вывод, что участие в избирательных процедурах вряд ли будет способствовать общественным сдвигам, объективная необходимость которых очевидна. Сублимация этой позиции в поведение реализуется в нескольких вариантах. Первый – равнодушное следование принятым в обществе политическим процедурам при отсутствии сколько-нибудь значимого интереса к тому, что происходит в этой сфере. Нередко такую позицию характеризуют как пассивную, конформистскую, свидетельствующую об ущербности и пробелах в социализации тех, кто её занимает. Но это справедливо лишь по отношению к части рассматриваемой категории граждан. Многие из них весьма активны во всех других сферах жизни, в том числе общественной. Просто по ряду вполне реальных причин им неинтересны процессы, в которых они не видят особого смысла. Иными словами, им свойственна ситуационная политическая индифферентность.

Второе распространённое следствие этой формы отчуждения от электорального процесса – амбивалентность (многовекторность) политического поведения. В её основе лежит представление, что электоральный процесс может дать приемлемые результаты лишь в том случае, если будет скорректирован и дополнен неэлекторальными формами политических действий. Затормозить этот подход может лишь существенная трансформация официальных политических институтов, повышение их открытости по отношению к обществу, наращивание способности учитывать его интересы и потребности и, конечно, решительное избавление действующей электоральной системы от присущих ей изъянов, в том числе тех, о которых говорилось выше.

Пока этого не произошло, значение для общества неэлекторальной политической активности может оцениваться двояко. Бесспорно, что она полезна, ибо создаёт эффективный противовес бюрократическому окостенению властных структур, способствует решению назревших экономических, социальных и иных общественных проблем, снижает уровень напряжённости в отношениях между властью и населением. Несоблюдение этого условия в свою очередь чревато возникновением конфликтов, выводящих стороны за пределы легального поля. А это, как свидетельствует опыт, крайне опасно.

Public Consciousness, Mood, and Political Behavior: Russian Version

Galkin Alexander Abramovich

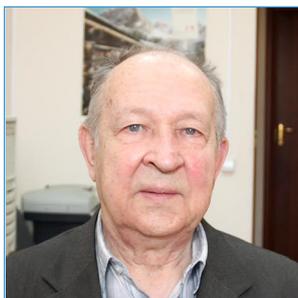
Doctor of historical sciences, senior researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: galkin_a.a@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of complex and contradictory processes that occur in the mind, mood and political behavior of citizens of the relatively developed countries of the European area, including Russia. The authors' observations do not so much focus on public consciousness that de facto represents a theoretical construct based on the understanding of patterns of formation and historical development of group interpersonal relations, but rather on the public mood that constitutes the thinnest upper layer of such consciousness. The paper shows that it is public mood, which only indirectly reflects the structure of social consciousness and is highly susceptible to opportunistic influences, that determines mass political behavior. Exploring the reasons for the observed shifts today in public mood and political behavior, the author draws attention to such factors as the increasingly complex structure of the modern society, imperfection of the established mechanisms of power, economic turmoil and the growing gap between public consciousness and rapid changes in the conditions of existence.

Keywords: Public consciousness, mood, political behavior, political system, stability, instability, dynamics of development.

Д о м и н а н т ы общественного сознания в политической сфере

Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма

Красин Юрий Андреевич –
доктор философских наук, профессор,
руководитель отдела, Институт социологии
Российской академии наук, Москва

E-mail: krasinyua@mtu-net.ru

Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма

Аннотация

По всем признакам человеческая цивилизация вступает в эпоху глубочайшей трансформации, которую правомерно рассматривать как «большое переформатирование» социума. Человечество сталкивается с глобальными вызовами и рисками, требующими от него общности в постижении смысла начавшихся перемен, а главное – объединения усилий в решении глобальных проблем. Между тем, состояние общественного сознания, как на мировом уровне, так и в национальных масштабах, не соответствует императивному характеру этих требований. Современный социум многообразен и многолик, начиная с географических и национально-этнических особенностей, и кончая экономическими, социокультурными, политическими условиями. Глобализация мира, спрессовывая его во взаимосвязанную целостность, не уменьшает, а увеличивает многообразие. Особенности положения различных социальных групп, классов, наций, государств и сообществ в социуме определяют специфику восприятия ими действительности. Отсюда широкий диапазон идеологических различий, противоречащих консолидации. Особенно остро это противоречие проявляется в России, переживающей фундаментальную реформацию и испытывающей влияние традиций конфронтационной политической культуры. В статье предпринята попытка выяснить возможности и наметить контуры решения обозначенного противоречия. Как некогда становление индустриального общества создало потребность в свободном человеке и породило запрос на гуманизм, так и начавшийся переход к инновационному типу общественного развития порождает запрос на креативность и на метаидеологию нового гуманизма, способную стать идейно-нравственной основой национальной и вселенской политики «исторических компромиссов». Это позволит сохранить и оформить целостное единство глобального «мира миров». От того, как эти ресурсы будут задействованы, зависит социальная, международная и цивилизационная устойчивость человеческого общества.

Ключевые слова: общественное сознание, идеология, идеологический плюрализм, метаидеология, инновационный тип развития, новый гуманизм

Общественно-политическая мысль всё чаще обращается к тематике гуманизма. Возрастающий интерес к ней объясняется не только крупными достижениями в археологии, палеонтологии, генетике, астрономии, побуждающими переосмысливать казавшиеся незыблемыми представления о происхождении человека, его роли в мире, об эволюции и перспективах цивилизации [Марков 2012]. Не в меньшей степени интерес к ресурсам гуманизма вызван крутыми переменами

в жизнедеятельности социума, обусловленными глобализацией и наметившимся переходом человеческой цивилизации к инновационному типу развития (ИТР).

Этот переход предъявляет свои требования обществу и зависит от деятельной энергетики рода человеческого, от его способности воспринять дух времени и справиться с его вызовами. Необходимо идейное осмысление сути и последствий начавшейся трансформации, которая по праву может быть названа «большим переформатированием социума» и оказывает шоковое воздействие на стереотипы общественного сознания. Гегель определял философию как «эпоху, постигнутую в мышлении» [Гегель 1934: 16]. Эпоха «переформатирования» нуждается в философии, обобщающей её социальный опыт и выступающей идейной основой реализации открываемых ею возможностей модернизации социума.

Инновационный тип развития

Чтобы понять, почему гуманизм объективно востребован инновационным развитием, нужно разобраться в том, что представляет собой этот тип развития в сравнении с иными формами прогресса. ИТР означает качественный перелом в производительных силах общества. Их главным двигателем становится живое творчество разума, черпающее энергию в аккумуляированных наукой знаниях и волевых усилиях осмысленного целеполагания. Конечно, и в рамках инерционных типов развития именно разум одухотворял вещественные компоненты производительных сил, превращал их в средства воздействия на природную среду ради достижения своих целей. Но масштабы воздействия были ограничены из-за гигантского перевеса материальных факторов деятельности человека над духовными. Творчество разума и воли было сковано цепями жёсткой зависимости (вплоть до физического выживания) от природной среды, от материальных предметов и орудий труда. Можно сказать, предыстория человечества – время мучительного высвобождения homo sapiens из природного пленения, сдерживавшего раскрытие креативного потенциала человечества. Выдающиеся мыслители прошлого предвидели, что в будущем социуму предстоит перейти Рубикон, за которым возникнет иная ситуация.

В «Экономических рукописях» 1857–1859 гг. Карл Маркс писал, что с развитием крупной промышленности «*непосредственный труд* как таковой перестаёт быть базисом производства» и «превращается главным образом в деятельность по наблюдению и регулированию», а «в качестве производителя выступает, скорее, *комбинация* общественной деятельности» [Маркс, Энгельс 1969: 218]. В итоге произойдёт «подчинение сил

Эпоха «переформатирования» нуждается в философии, обобщающей её социальный опыт и выступающей идейной основой реализации открываемых ею возможностей модернизации социума.

природы общественному разуму», и мерой богатства будет отнюдь не рабочее, а свободное время, необходимое для «полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда» [Маркс, Энгельс 1969: 221]. К. Маркс усматривал в этом развитии показатель того, «до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта» [Маркс, Энгельс 1969: 215].

Не равнозначна ли эта перспектива с открывшейся ныне возможностью инновационного типа общественного развития? И не тот же ли самый смысл регулирующего воздействия человеческого разума на среду обитания лежит в основе провидческой идеи В. И. Вернадского о становлении ноосферы? Во всяком случае, очевидно, что социум выходит сегодня на продвинутой и ещё не вполне им осознанный рубеж креативности в сотворении и регулировании среды обитания. Сквозь туманящую дымку грядущего всё явственней проступают контуры гуманистической цивилизации более высокого порядка.

Поворота такого масштаба, какой наметился в наше время, не было в истории человечества. Разве что появление на земле *homo sapiens*, для чего потребовались сотни тысяч лет. Сейчас же историческое время сжато, спрессовано. Никто не ведаёт, преодолит ли человечество этап «большого переформатирования» или будет отброшено назад. Выбор не предопределён.

Как предостерегал известный общественно-политический деятель и мыслитель Г. Х. Шахназаров, перспективе рождения ноосферы угрожает альтернатива одичавшей «зоосферы». На это указывают тревожные тенденции дегуманизации общества: неспособность отказаться от национально-государственного эгоизма, экспансия «второсортной культуры», коммерциализация «производства и распространения духовных ценностей», чреватая необратимым снижением уровня интеллекта. «И в этом отношении – отмечал учёный, – мы не приближаемся, а отдаляемся от возжеленной ноосферы» [Миропорядок XXI... 2001: 41].

Причина скрывающейся за этим угрозы регрессивного развития цивилизации – в несоответствии существующих форм общественного устройства и социальной жизнедеятельности требованиям ИТР. Инновационное развитие открывает возможности сознательного регулирования социально-экономических и социокультурных процессов глобализирующегося мира в гармоничном взаимодействии с очеловечиваемой средой обитания. Но реализация возможностей требует максимального раскрытия потенциала креативности человека и социума.

Иначе говоря, ИТР нуждается в многомерном человеке разносторонних знаний и способностей, человеке-созидателе, свободно и творчески мыслящем и действующем в сети соли-

Поворота такого масштаба, какой наметился в наше время, не было в истории человечества. Разве что появление на земле *homo sapiens*. Сейчас же историческое время сжато, спрессовано. Никто не ведаёт, преодолит ли человечество этап «большого переформатирования» или будет отброшено назад. Выбор не предопределён.

В социуме доминируют процессы дегуманизации, обедняющие творческий потенциал человека.

дарных связей с другими людьми, нравственно и политически ответственными за общие дела и поступки. Между тем механизмы освоения открывающихся возможностей используются преимущественно для того, чтобы «втиснуть» как субъектов общественных процессов, так и плоды их деятельности в прокрустово ложе исторически изживших себя форм социального общежития и взаимодействия. В социуме доминируют процессы дегуманизации, обедняющие творческий потенциал человека.

Дегуманизация социума

Тенденция к дегуманизации развитого индустриального общества была замечена и подвергнута критике ещё философами Франкфуртской школы. Один из представителей этого течения социальной мысли, кумир леворадикальной молодёжи 60-х гг. прошлого века Герберт Маркузе в книге с характерным названием «Одномерный человек» показал, что потребительский образ жизни, культивируемый в западных странах «восстаёт против качественного изменения. В итоге возникает форма одномерной мысли и поведения, в которых идеи, стремления и цели, выходящие по содержанию за пределы установленного порядка рассуждений и действий, либо изгоняются, либо сводятся к условиям того же самого порядка» [Marcuse 1968: XVI].

С помощью рекламы и других средств манипулирования сознанием людям навязывается неуёмная жажда потребления и обладания нескончаемым потоком товаров. Страсть к приобретательству становится своего рода «биологической» потребностью, определяющей круг интересов и кругозор человека. Тотальная зависимость от рынка порождает равнодушие к духовным ценностям и политический конформизм. «Репрессивные потребности», отмечал Г. Маркузе, культивируемые индустриально-потребительской системой, «представляют собой, таким образом, в высшей степени стабилизирующие, консервативные потребности: контрреволюция бросает якорь в самой структуре инстинктов» [Marcuse 1969: 4].

На дегуманизацию современного общества вследствие растворения индивидуальностей в безликой массе усреднённых посредственностей обращал внимание и видный испанский социальный философ Хосе Ортега-и-Гассет. Он видел в этом трагедию человека, который не поспевает за темпами развития своей цивилизации. Испанский мыслитель сетовал, что о новой концепции существования человека, которая могла бы стать ответом на вызов, говорят лишь «вскользь и вполголоса», и предсказывал, что об этом «скоро, быть может, придётся кричать» [Ортега-и-Гассет 2000: 163].

Время не заставило себя ждать. Вдумаемся только в то, что происходит в цитаделях капитализма. Начиная с 80-х гг. прошлого века в странах Запада возобладал неолиберальный курс развития, который сопровождается безудержным культом рынка, стремлением редуцировать ценности общественной жизни к экономической эффективности и коммерческой выгоде, аннигилировать само понятие «общего блага».

По словам американского историка-эссеиста Тони Джадта, это привело к «коррозии публичного пространства» и, в конечном счёте, к правовому произволу, к подмене гуманистических норм права «законами джунглей». «...Мы, – пишет он, – утрачиваем понимание того, что общие интересы и общие потребности должны быть выше частных предпочтений и индивидуальной выгоды. А раз мы перестанем считать публичное выше частного, у нас со временем возникнут затруднения в поисках ответа на вопрос, почему это мы должны признавать верховенство закона (преимущественно публичное благо) над силой» [Judt 2011: 129].

Мировоззренческие установки рыночного фундаментализма, о которых пишет американский историк, закрывают саму возможность сознательного регулирования социума с гуманистических позиций. Они толкают к дегуманизации и в отдельных странах, и на глобальном уровне.

В России дегуманизация общественных отношений угрожает самому содержанию и демократическим целям российской реформации. Со времён перестройки страна движется по вязкой колее обеспеченного прагматизма всеобщей коммерциализации. Человек, не замкнутый на мотивацию выгоды, по логике рыночных фундаменталистов, становится «обременением», подрывающим эффективность экономики.

Состояние гуманитарной среды в нынешней России всё больше деградирует. Чем это объясняется? Исторически здесь алгоритмом становления и развития политической культуры выступает конфронтация: это расколы, противостояния, идеологическая нетерпимость. В XX веке Россия прошла все «круги ада»: кровь, ненависть, насилие, страх (три революции, жестокая гражданская война – брат на брата, две мировые войны с многомиллионными потерями, большой террор и ГУЛАГ). Это запечатлелось в исторической памяти народа, вошло в генетический код российского общества.

Вектор, заданный «лихими 90-ми», начиная с авторитарного правления и кончая глубоким расслоением общества, также противоречит гуманистическому обновлению, разрушает гуманитарную среду. Дегуманизация общества в России – едва ли не ведущий тренд развития. Это проявляется во флюсах «рентной экономики», в деградации целых отраслей производства и регионов страны, в вопиющем социальном неравен-

Начиная с 80-х гг. прошлого века в странах Запада возобладал неолиберальный курс развития, который сопровождается безудержным культом рынка, стремлением редуцировать ценности общественной жизни к экономической эффективности и коммерческой выгоде, аннигилировать само понятие «общего блага».

В России дегуманизация общественных отношений угрожает самому содержанию и демократическим целям российской реформации. Со времён перестройки страна движется по вязкой колее обеспеченного прагматизма всеобщей коммерциализации. Человек, не замкнутый на мотивацию выгоды, по логике рыночных фундаменталистов, становится «обременением», подрывающим эффективность экономики.

стве. Последствия – культ «золотого тельца», всепроникающая коррупция и произвол бюрократии, подрыв трудовой этики, разрушение систем образования и здравоохранения, падение морали, ожесточение межчеловеческих отношений, духовное опустошение.

Тотальная коммерциализация под предлогом эффективности выхолащивает из общественной жизни гуманистическую составляющую. Идеалы, благородные устремления, одухотворённость как высшая ценность культуры улетучиваются из социума. Исчезают маяки нравственности, бескорыстного служения общему благу, подрываются основы человечности. Отношения между людьми пытаются «загнать» в один гипертрофированный рынок. Творческий индивид в такой среде не востребован, он задыхается. Нормативы общественного поведения кроются правящей элитой по лекалам выгоды для богатых и сильных. Альтруизм в поведении клеймится как проявление патернализма, несовместимого с рыночными принципами.

Такое положение могло бы сохраняться и дальше. Правящий режим поддерживается большинством: располагая сверхдоходами от «рентного пирога» сырьевой экономики, он имеет возможность выделять толику благ из «природного рога изобилия» для амортизации острых очагов протеста, культивирования атмосферы социального конформизма. Однако в глобализирующемся мире Россия поставлена перед выбором: перейти к ИТР или оказаться на задворках мирового социума. Правящая элита России – в противоречивом положении. Абстрактно-теоретически она хотела бы включиться в мейнстрим инновационной модернизации, но, опасаясь за монополию на власть, противодействует её главной составляющей – раскрепощению и свободному развитию человеческого и социального капитала. Этот «противоход» угрожает срывом в экстремальную ситуацию, при которой «верхи» не смогут управлять по-старому, а «низы» не захотят мириться с потерями. Признаки такого положения проявились в экономическом кризисе 2008–9 гг. и с тех пор постоянно напоминают о себе. Симптомы нового экономического кризиса, разрушающего рентную базу «стабильной инерционности» и благодушных конформистских настроений, предвещают более серьёзные угрозы. Тогда не только правящий класс, но и всю Россию ждут большие неприятности.

Ростки нового гуманизма

В условиях нарастающей угрозы духовной деградации, преграждающей дорогу инновационной модернизации, творческая прослойка общества обязана встать на защиту культуры

и нравственности, за сохранение гуманитарной среды, за развёртывание массовой просветительской деятельности, ориентированной на очеловечение социума.

Наше общество перед дилеммой. Или удастся переломить ситуацию в русле инновационной модернизации; или нас ждёт духовное обнищание, и тогда, перефразируя Е. Замятина, придётся сказать, что у российской культуры нет иного будущего, кроме её прошлого. Очевидно, что при нынешнем состоянии российского социума общественное сознание не готово к вызовам ИТР. Прежде всего надо остановить дегуманизацию общества. Тогда будет дан простор раскрытию потенциала необходимых для ИТР возможностей человеческого и социального капитала. В этом контексте возрождение и развитие нового гуманизма приобретает большой исторический смысл.

По контрастности противоборства сил разума и невежества XXI век напоминает XV–XVI века европейской истории. В обоих случаях луч знаний высвечивает людям возможность нормальных гуманистических отношений в социуме. Одновременно наблюдается всплеск акций, попирающих человеческое достоинство. Общество переживает полосу турбулентной тряски, которая вносит в жизнь людей хаос неустойчивости и неопределённости, сопряжённый с бедствиями и ожесточением. В обоих случаях назревают большие социальные перемены. В XV–XVI веках надвигалась эра буржуазных революций, открывших эпоху индустриального общества. В XXI веке мерцают зарницы эры «инновационной модернизации», открывающей эпоху «постиндустриального» общества.

На заре индустриализма, когда в нарождавшемся капитализме обнаружили антигуманные коннотации, возникло (сначала в общественной мысли, а позднее и на практике) течение просветительского гуманизма. Гуманистическое мировоззрение пронизало атмосферу европейского общества, стало противовесом жестокому и беспощадному угнетению, которые нёс с собой «манчестерский капитализм» – символ бесчеловечности. Тогдашний гуманизм был по-детски наивным, полагался на безграничную мощь разума, считал, что одной силой убеждения можно внести в социальную жизнь полную гармонию и всеобщую справедливость. Однако при всех недостатках и слабостях именно гуманистическое движение эпохи Возрождения сыграло незаменимую роль в нейтрализации наиболее отвратительных черт капиталистического гнёта, заложило идейно-нравственные предпосылки для борьбы за гуманизацию общества.

Начавшееся ныне глобальное переформатирование общества создаёт острую потребность в новом гуманизме. Быстро изменяющийся мир нуждается в гуманистическом просвещении. Конечно, новый гуманизм – не простая ксерокопия гума-

нистов прошлого. Мы знаем, что полная гармония в социуме недостижима, что мир по своей природе антиномичен, поэтому надо уметь жить с противоречиями и конфликтами, обладать высокой культурой толерантности, овладевать искусством сохранения единства человеческой сущности в растущем многообразии проявлений её креативности. Если гуманизм XV–XVI веков заложил идейные основы освобождения личности, востребованного нарождавшимся индустриальным обществом, то миссия нового гуманизма сложнее. Она в том, чтобы найти более высокие стандарты, критерии свободы и креативности человека и социума, которые позволят реализовать назревшие задачи перехода цивилизации к ИТР.

Новый гуманизм требует переосмысления этических основ политики. Вместо противопоставления политической этики ответственности нравственной этике убеждения должна быть найдена формула их оптимального сопряжения в рамках единого гуманистического алгоритма.

Очевиден эпохальный масштаб перехода к новой парадигме публичной политики. Сегодня видны лишь первые, не всегда ясные проблески зарождающейся модели гуманистической политики. Они проявляются, в частности, в сетевых социальных движениях (ССД), нацеленных на достижение более высокой гуманности. По мнению испанского социолога М. Кастельса, эти движения преследуют цель «изменения ценностей общества», поэтому в системе координат существующей модели политики они выглядят непрактичными и не могут реализовать свой протестный потенциал в рамках этой модели. Для их успеха необходима «трансформация властных отношений, которая стартует в сознании народов и получает развитие в форме сетей, создаваемых проектами новых акторов, выдвигающихся на роль субъектов вновь творимой истории» [Castells 2012: 227–228].

Иначе говоря, трансформация социума, пунктирно намеченная практикой сетевых социальных движений, потребует целой эпохи продвижения по «неизведанной дороге создания новых форм общения», выработки «фундаментальной культурной матрицы современных обществ», освоения новых смыслов общественной жизнедеятельности, «поиска нового социального контракта» [Castells 2012: 230–231].

Слабости ССД по нынешним стандартам политики (отсутствие единой политической программы, ярких лидеров, приоритет горизонтальных связей над вертикальными) обрачиваются преимуществами в перспективе поиска гуманистической модели политики. Сетевые связи в политике ведут к изменению конфигурации властного поля, закладывая предпосылки для преодоления отчуждения власти от общества, фатального доминирования в политической сфере наиболее сильных групп частных интересов.

Новый гуманизм требует переосмысления этических основ политики. Вместо противопоставления политической этики ответственности нравственной этике убеждения должна быть найдена формула их оптимального сопряжения в рамках единого гуманистического алгоритма.

Сетевые связи в политике ведут к изменению конфигурации властного поля, закладывая предпосылки для преодоления отчуждения власти от общества, фатального доминирования в политической сфере наиболее сильных групп частных интересов.

Идеология, интересы и реальность

Ростки новых тенденций в политике наталкиваются на сопротивление заостренных структур идеологического восприятия действительности. Своё бытие и происходящие в нём перемены человек воспринимает в зависимости от занимаемого им положения в социуме. В этом заключены корни идеологии – системы идей и воззрений, выражающих интересы различных сообществ, классов, социальных групп. Это смысловое ядро общественного сознания, формирующееся в соответствии с приобретаемым этими группами специфическим опытом. Через идеологическую призму вырисовывается и уясняется соотношение частного и публичного в общественной жизни, определяется линия поведения субъекта (группы, класса, нации) по отношению к социуму, накапливается материал для программы действий субъектов истории. Отсюда вытекают и основные функции идеологии: 1) сублимация смыслов жизнедеятельности; 2) апология порядка властвования или, напротив, поиск альтернативы; 3) целеполагание в политике и управлении; 4) пропаганда и мобилизация сторонников данной идеологии.

Любая идеология по определению наделена инструментальными функциями по реализации соответствующих кластеров интересов. Это – орудие (средство) ориентации субъекта социального действия в превратностях общественно-политической жизни. Для выполнения этой функции большое значение приобретает проблема соотношения идеологии и реальности. На первый взгляд, алгоритм этого соотношения можно было бы выстроить по аналогии с отношениями науки и объективного мира. В научных категориях (конструкции разума) отражаются законы природы (общие, существенные, повторяющиеся связи предметов и явлений окружающего мира), и этим обеспечивается известная мера соответствия между тем, что выражено в понятиях, и тем, что существует в реальности.

Однако предложенная аналогия неправомерна. Причина кроется в принципиальном различии между двумя «объективными реальностями» – природы и социума. В природе «объективное» существует само по себе, независимо от сознания, представленного наукой. В социуме «объективное» является не само по себе, а только вкупе с действующим сознанием. Этот вид реальности складывается по стохастической матрице как результат деяний субъектов, наделённых сознанием и способных к произвольным и непредсказуемым поступкам. Само форматирование этой «объективной реальности» субъективно и вариативно.

Основные функции идеологии:

1. Сублимация смыслов жизнедеятельности.
2. Апология порядка властвования или, напротив, поиск альтернативы.
3. Целеполагание в политике и управлении.
4. Пропаганда и мобилизация сторонников данной идеологии.

На эту особенность социальной реальности К. Маркс указывал в «Тезисах о Фейербахе», усматривая недостаток прежнего материализма в том, что действительность берётся им «в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [Маркс, Энгельс 1955: 1]. И далее: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*» [Маркс, Энгельс 1955: 2].

Это значит, что не существует «объективной реальности социума», «очищенной» от интересов и воззрений действующих субъектов. Идеологии вплетены в живую ткань реальности, интерпретируя и форматируя её соответственно интересам своих носителей.

Наполеон Бонапарт был, видимо, не так уж далёк от истины, когда упрекал «идеологов» – французских сенсуалистов – в искажённом восприятии реальности («фальшивое сознание»). Инстинктом большого политика он уловил, что попытки втиснуть практику живого исторического творчества в надуманные «научные» схемы, сконструированные по единым шаблонам, вызывают эффект «ложного сознания», омертвляющего деятельность. Практика живых субъектов исторических деяний, развёртывающаяся на базе социальных интересов, идей, предпочтений, больших человеческих страстей – таков самопроизвольно действующий реактор саморазвития социума. От него исходят постоянные импульсы энергии социального творчества, наполняющей бытие жизнью и преобразующей действительность.

Это не означает, что социальное бытие лишается объективной логики. Оно освобождается от доктринёрской мифологии predeterminedности, исключаяющей из социума «душу» – субъективность, а, значит, вариативность оценок и действий, формирующих феноменологический уровень реальности. Из всей совокупности спонтанного разнообразия социального опыта история сохраняет и накапливает относительно устойчивое «ядро» общественных практик, механизмов, институтов. С этой данностью должны считаться все субъекты социального действия. В то же время имманентная субъективность общественной практики обуславливает высокую степень релятивности социально-политических процессов. В котле перманентного взаимодействия идеологии и реальности происходит двуединый процесс: с одной стороны, адаптация идей и интересов к реалиям социума, с другой – воздействие идеологий на эти реалии ради их изменения или замены другими, отвечающими интересам новых поколений творцов истории.

Противоречия могут принимать и деструктивный характер, порождать угрозы и риски, плодить иллюзии и симулякры, заводить в тупик, ввергать социум в катастрофы

и бедствия. Поэтому важны профилактические методы «снятия» или смягчения противоречий между идеологиями, страстно живописующими образы реальности согласно интересам и взглядам «драйверов» социальной жизнедеятельности, и самой реальностью. По содержанию социальная реальность богаче идеологических аналогов. В реальности могут присутствовать такие феномены и процессы, которые отторгаются идеологией, и она прибегает к маскировочным приёмам «потёмкинских деревень», скрывая «нежелательную» реальность. Или, наоборот, действительность не приемлет милые сердцам элиты идеологемы, и тогда применяются описанные Д. Оруэллом практики мимикрии: мифы «опредмечиваются» в сознании и поведении людей. Но в реальности зарождаются также новые возможности креативного развития общества, осмыслению и реализации которых мешают устаревшие идеологические стереотипы. В таких случаях велика роль социального познания в выявлении «ростков нового», как в реальности, так и в эволюции самой идеологии.

Среди способов смягчения противоречий между идеологиями и реальностью заслуживают внимания две категории профилактических мер. *Во-первых*, это «очищение» идеологем в горниле конкретного анализа эмпирических данных. Исследовательская эмпирика – это своего рода «гносеологический невод», позволяющий улавливать новые идеи и ценности в социальном опыте и выносить их как в лаборатории научного мышления на предмет теоретического дискурса, так и в публичную сферу для общественной рефлексии. *Во-вторых*, это культура толерантности, которая востребована насущной потребностью в общечеловеческой солидарности. Она позволяет представителям разных культур и цивилизаций учиться понимать и сравнивать постулаты и выводы разных идеологических концепций. Тем самым расчищается путь к осознанию себя единым в многообразии человеческим сообществом.

Идеологический плюрализм и государство

Современный социум чрезвычайно многообразен и многолик по самым различным признакам, начиная с географических и национально-этнических особенностей, и кончая экономическими, культурными, политическими условиями. Глобализация мира, спрессовывая социум во взаимосвязанную целостность, не только не уменьшает, но даже увеличивает это многообразие. Это не может не приводить к своеобразию общественного положения различных человеческих групп, классов и сообществ, а, значит, и к специфике восприятия ими мира. Отсюда широкий диапазон идеологических различий в общественном сознании.

Исследовательская эмпирика – это своего рода «гносеологический невод», позволяющий улавливать новые идеи и ценности в социальном опыте и выносить их как в лаборатории научного мышления на предмет теоретического дискурса, так и в публичную сферу для общественной рефлексии.

Плюрализм проявляется не только в классических идеологиях, аккумулирующих опыт больших общественных движений. Он проявляется и в воззрениях небольших сообществ и отдельных личностей, опыт которых выходит за рамки существующих идеологических течений и абсорбируется в каких-то особых, иногда экстравагантных представлениях или понятиях. Таким образом, идеологический плюрализм – это данность, порождённая многообразием социума и противоречащая другой тенденции современного мира – стремлению к единству, консолидации. Тенденция эта проявляется в деятельности государства – института, который властными средствами сплавливает исторически сложившиеся национальные и национально-гражданские общности (нации, нации-государства, страны).

Трудно переоценить значение идеологических, духовно-ценностных скреп в консолидирующей деятельности государства. У рьяных «государственников» возникает искушение кастрировать идеологический плюрализм и упаковать идеологию в универсальную государственную оболочку, попутно очистив её от «еретических» и «оппозиционных» идей, разрушающих идиллию нерушимого единства. Исторический опыт предостерегает от такого «искушения». Оно несёт в себе не меньшие риски, чем «безбрежный идеологический плюрализм». «Единая государственная идеология» – атрибут авторитаризма. Выстроенная на его основе «монополия на идеологию» эффективно применялась тоталитарными режимами как инструмент духовного закрепощения общества.

Исследуя истоки тоталитаризма, немецкий социальный мыслитель Ханна Арендт указывала на три авторитарных свойства всякого идеологического мышления: 1) склонность объяснять не то, что есть, а «логику истории»; 2) освобождение тотальной мысли от опыта и реальности; 3) абсолютизация дедукции как логической процедуры доказательства. Для авторитарных систем идеология притягательна своими аподиктическими наклонностями. «Самообуздывающую силу абсолютной логичности пускают в ход, чтобы никто никогда даже не начал по-настоящему мыслить, ибо мышление как самый свободный и чистый вид человеческой деятельности есть прямая противоположность автоматически-принудительному процессу дедукции». Поэтому демократическое понимание идеологии предполагает «свободу в качестве политической реальности», которая «тождественна существованию некоторого пространства между людьми для их самочинного движения» [Арендт 1996: 610–615].

Ограниченный опыт индивида не может воспринять реальность во всей её полноте и сложности. Из-за этого и возникает потребность в идеологиях, сублимирующих социальный опыт социума. Но он не должен восприниматься на веру

Идеологический плюрализм – это данность, порождённая многообразием социума и противоречащая другой тенденции современного мира – стремлению к единству, консолидации.

как свод догматов, которым надо слепо следовать, он должен быть пропущен через «самочинный» опыт, осмыслен на базе собственного опыта индивидов.

Оценка научной политической мыслью опыта единой государственной идеологии, накопленного преимущественно в авторитарные периоды истории государств, носит негативно-критический характер. Это относится и к государственной идеологии советской истории. Граничившее с религиозным фанатизмом навязывание обществу официальной идеологической доктрины нанесло колоссальный ущерб духовному развитию российского социума. Извлекая уроки из прошлого, Конституция РФ наложила вето на государственную идеологию. «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», – сказано в части 2 Статьи 13 Конституции [Конституция РФ 1993: 8].

Тем не менее, авторитарные тенденции в функционировании и развитии политической системы России служат постоянно действующим источником запроса на государственную идеологию. В среде правящей элиты бытует мнение, что такое решение могло бы нейтрализовать негативные последствия для консолидации общества того глубокого социального расслоения, которое произошло в ходе российской реформации.

Может ли государственная идеология интерпретироваться не как альтернатива плюрализму, а как некая метаидеология, доминирующая в идейно-политической жизни общества? О «метаидеологии» – чуть позже. Что касается государственной гегемонии в духовной сфере, то авторитарные государства всегда стремились к ней, если не в «жесткой», то в «мягкой» форме. И всегда это приводило к политизации идеологии, ограничивавшей свободное развитие культуры. Между «государственной идеологией» и «идеологическим плюрализмом» существует противоречие. Государство (даже самое демократическое), выполняя функцию консолидации общества, лимитирует идеологический плюрализм. Вот почему идеологию не следует отдавать на откуп государству. В стремлении поставить идейно-политическое многообразие в правовые рамки государство, особенно авторитарное, может пойти слишком далеко. Чтобы не допустить этого, демократическая практика выработала инструментарий сдержек и противовесов со стороны гражданского общества, социальных движений и политических партий. Защищая интересы граждан, выполняя эту функцию, они отстаивают концепции и доктрины, отличающиеся от идеологии правящей элиты, а нередко и оппозиционные ей.

Метаидеология государственного доминирования в идеологии могла бы возникнуть в таком обществе, где базовые ценности разделяются, по крайней мере, большинством населения.

В современной России это просто невозможно. При нынешнем уровне социального неравенства общество расколото. И по восприятию реальности – больше трети россиян считают неоправданным нынешний уровень дифференциации доходов, а доля согласных с этим уровнем тоже близка к трети. И по ценностным ориентациям – более трети граждан хотели бы жить в обществе индивидуальной свободы, в то время как две трети населения предпочли бы общество социального равенства [Горшков, Тихонова 2013: 41, 39].

Принимая во внимание национально-этническое и социокультурное многообразие России, идеологическая среда российского общества не может не быть плюралистичной. Единая идеология положила бы конец демократическому развитию страны и закрепила бы авторитарный выбор политической элиты со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Это не означает, что государство индифферентно к идеологии. В качестве института власти и управления оно возникает и развивается как составная часть гетерогенных территориальных и национально-этнических сообществ. Общность исторической судьбы населения этих сообществ, не устраняя различий социальных интересов и воззрений (а значит идеологического плюрализма), порождает объединяющие всех интересы, обычаи и традиции совместного проживания и взаимодействия, общее видение своего места в истории. Собственно благодаря этой не всегда определённой, раздираемой внутренними противоречиями общности возникает сама возможность объединиться в одном государстве. Это своего рода метаидеологическая матрица, позволяющая государству, опираясь на исторически сложившиеся духовно-нравственные ценности и традиции социума, использовать идеологический компонент как фактор консолидации трансформирующегося общества. Для теоретического мышления – это вопрос формирования метаидеологии, толерантной по отношению к инакомыслию. Взаимодействуя с традиционными идеологиями, она могла бы впитывать в себя общие для них идеи и ценности.

Гуманизм VS конформизм

Большая проблема, однако, состоит в том, что внутренний демократизм

метаидеологической концепции не возникает самопроизвольно. Демократическим трендам в социуме противостоят авторитарные и националистические. Они ориентируют, нередко под прикрытием государственных и национальных интересов, на идеологическое единство общества и непримиримую борьбу с идеологическими «ересями». В российском обществе, отягощённом авторитарным наследием прошлого, эти

тренды, особенно сильны. Они укоренены в довольно устойчивых государственных стереотипах массового сознания и способствуют конформистским тенденциям.

Социологические опросы показывают, что в расколотом российском обществе сторонников больших перемен – меньшинство. В России много недовольных, они раздражены и ворчат по разным поводам. Однако по крупному счёту «народное большинство» тяготеет к конформистским позициям. Причины – в инертности общественного сознания, приверженности государственным традициям, а также в устойчивом синдроме «рентного пирога», замешанного на сырьевых сверхдоходах.

Конформизм глушит волю к переменам. Но не будет вечно довлеть над общественным сознанием и поведением российских граждан. Дегуманизация общества продолжается, и она всё сильнее препятствует инновационной модернизации. В нарастающей степени последствия будут побуждать граждан к осознанию необходимости гуманистического прорыва. Но это сравнительно долгий процесс. Перипетии социально-политического развития России показывают, что она не может сразу, одним рывком выбраться из вязкой авторитарно-патерналистской колеи инерционного развития. Как образно выразился поэт Максимилиан Волошин:

*И вопреки бичам идеологий
Колёса вязнут в старой колее.*

Но общество испытывает нарастающую потребность и усиливающуюся тягу к преобразованиям инновационного гуманистического характера. С чего начиналось просвещение в эпоху Возрождения? С деятельности одиночек-гуманистов. Современники считали их мечтателями-идеалистами, и тогдашняя действительность как будто бы подтверждала правоту таких оценок. Но просветители-одиночки были провозвестниками будущего, они готовили почву для грядущего торжества гуманистических идей.

Австрийский писатель Стефан Цвейг, описывая жизненный подвиг великого гуманиста Эразма Роттердамского, не дождавшегося прижизненного признания своих идей, отмечал историческую значимость его просветительской деятельности. Он писал: «...Всегда нужны будут люди, которые среди раздоров напоминают о том, что объединяет народы, которые возрождают в сердцах человеческих мечту о торжестве человечности. Завещание Эразма – великий обет. Ибо лишь возвышаясь до общечеловеческого, человек может превзойти самого себя. Только ставя цели выше личных, и, быть может, невыполнимые, люди и народы познают своё истинное, святое назначение» [Цвейг 1977: 262].

Истинная оценка просветительской деятельности одиночек-романтиков эпохи Возрождения пришла позднее. Просвещение обернулось грандиозными программами обще-

ственных преобразований и великими деяниями буржуазных революций. В нынешнем российском обществе начать гуманистический поворот могут и должны те немногие, кто готов к просветительству в защиту идеалов и ценностей гуманизма.

Просвещение – важнейшее средство борьбы за перемены. Нельзя успешно бороться за реформы, не получая адекватных представлений о смысле, механизмах и противоречиях российской реформации, не освобождая общественное сознание от устаревших стереотипов, предрассудков и мифов. В то же время гуманистическое просвещение невозможно без политической борьбы за нормальное функционирование публичной сферы, без постоянного стимулирования общественной рефлексии. Это две стороны одной медали. Просвещение является частью реформаторской деятельности, в которой осмысливаются и решаются вполне конкретные программные требования.

Среди них на передний план сегодня выходят те требования, реализация которых непосредственно расчищает путь для инновационного развития России. Это – осуществление комплекса императивно назревших мер гуманизации российского общества как способа раскрытия его креативного потенциала. В первую очередь к числу этих мер относятся:

- **Обеспечение достоинства, свободы и прав личности в обществе.** За годы реформации в этой сфере произошли некоторые подвижки. Права и свободы личности зафиксированы в Конституции РФ. Но, скорее, это декларация о намерениях. Пока Россия далека от того, чтобы человек был высшей ценностью для государства и государственных чиновников. Такого отношения к человеку нет и в обществе. Возведение рыночного фундаментализма в ранг государственной политики, культивирование «рентного конформизма» подрывают фундамент гражданской солидарности, насаждают обывательское равнодушие в отношении стремлений и поступков сограждан, выходящих за пределы рутинных, нередко косных, порядков. Может ли гражданин, чей выбор поставлен в такие рамки, быть инициативным модернизатором? Вопрос, как говорится, риторический.

- **Развитие и преобразование исторически сложившихся систем и методов социализации личности,** от чего накопление отвечающего требованиям ИТР потенциала креативности зависит не менее, чем от наличия в обществе свободы и прав личности. Обновлённые критерии социализации определяются тем, что новый гуманизм нарождается как мировоззрение и совокупность социальных практик, направленных на сознательное «творение» и регулирование жизнедеятельности мира (ноосфера). Главным содержанием инновационного реформирования системы образования человека, с этой точки зрения, должны стать развитие творческих способно-

Просвещение – важнейшее средство борьбы за перемены. Нельзя успешно бороться за реформы, не получая адекватных представлений о смысле, механизмах и противоречиях российской реформации, не освобождая общественное сознание от устаревших стереотипов, предрассудков и мифов.

Пока Россия далека от того, чтобы человек был высшей ценностью для государства и государственных чиновников. Такого отношения к человеку нет и в обществе.

стей, умения самостоятельно мыслить, расширение кругозора и фундаментальность знаний обучающихся. Точно также, ориентируясь на человека инновационной формации – креативного, энергичного, инициативного, предстоит модернизировать системы охраны здоровья, детского воспитания, рекреации, социального обеспечения.

- **Восстановление, а затем и дальнейший подъём роли науки в развитии общества.** Пережитая российской наукой четверть вековая полоса упадка (не востребованность со стороны государства и общества, хроническое недофинансирование, падение престижа профессии, утечка мозгов, распад научных школ) ставит осуществление этой меры на грань невозможного. Но без неё лишается смысла сам призыв к инновационной модернизации. Как можно без процветания науки реструктурировать сырьевую экономику, обеспечить приоритет высокотехнологичным и наукоёмким отраслям, влиться в мейнстрим инновационного развития глобального социума? Речь при этом идёт не только о прикладной, но и о фундаментальной науке, которая расширяет интеллектуальный горизонт общества, обогащает его креативный потенциал. Шанс для России – собрать воедино все материальные, интеллектуальные и волевые ресурсы и, если ещё не поздно, вытащить науку из ниши бедственного положения, превратить научную деятельность в наиболее престижный вид труда, разработать систему стимулов для вовлечения в научную сферу самой способной и талантливой части российской нации. Общество инновационного типа предполагает, что научное мышление и научные знания проникают во все поры социума.

- **Переосмысление содержания и функций гуманитарного знания в комплексе научных дисциплин.** Динамичная современность вскрывает дефекты прямолинейной экстраполяции понятия «закон» из натурфилософии в гуманитарные науки. Здесь нужны более эластичные категории, стохастические матрицы, улавливающие непредсказуемые вибрации социума, энергетику людских страстей, роковые случайности, драйвы ценностных мотиваций, соблазны привлекательных альтернатив и просто индивидуальные особенности лидеров. Анализ этих процессов не может дать позитивистской ясности в определении необходимой (тем более, неизбежной) линии развития событий; познанию доступны лишь контурно верные, вероятностные сценарии исходов и перспектив движения социума.

Зато предмет и функции гуманитарного знания – не только факты и процессы, но также ценности жизни и культуры. Кроме знания законов природы, наука должна раскрывать внутренний мир человека, природу тех психологических, нравственных, эстетических, духовно-идеологических сил, которые побуждают индивидов к социальному действию. Дать

Общество инновационного типа предполагает, что научное мышление и научные знания проникают во все поры социума.

людям научные знания о тех ценностях культуры, в которых сублимирован социальный опыт человечества и которые образуют основу преемственности в развитии цивилизации, – такова важнейшая функция гуманитарных наук.

Не менее важна роль гуманитаристики в обосновании социальной концепции действительности – системы воззрений на мир в целом, постулатов и принципов деятельности человека в этом мире. Всё больше признаков того, что с переходом к ИТР и глобализацией намечается смена парадигмы социального видения мира. Стоит задуматься, можно ли вообще воспринять действительность достаточно полно и адекватно в рамках одной какой-либо теоретической традиции? При нынешней сложности социума нельзя осмыслить социальную реальность глубоко и всесторонне, не сопоставляя её видения с разных позиций. Ни одна социальная концепция не может претендовать на монолитную целостность и непротиворечивость. Скорее постижение истины – перманентный процесс синтезирующего взаимодействия разных течений общественной мысли, в результате которого формируется интегральное ядро представлений о развитии социума.

- Демократизация политической системы и всего общественного устройства российского социума. Новый гуманизм ориентирован прежде всего на творческого индивида, положение которого подталкивает к сознательному участию в управлении социумом. Представительная демократия лишь частично обеспечивает условия для этого. В современном мире она переживает кризис, вызванный профессионализацией политики и применением новых технологий манипулирования сознанием. Для сохранения демократии ведётся поиск новых форм политического правления. Выдвинута идея «мониторинговой демократии», возрождающей черты (элементы) прямого участия граждан в формировании публичной политики и контроле над деятельностью органов власти [Keane 2009]. За последние полвека общество изобрело много способов мониторинга и контроля власти. Намечаются существенные сдвиги в конфигурации отношений между властью и гражданским обществом. Институты мониторинговой активности стремятся вдохнуть новую жизнь в демократию, помочь ей обуздать высокомерие власти, привить культуру скромности и толерантности. Реализация этих идей сопряжена с развитием публичной сферы общества, культивированием общественной рефлексии по вопросам политики.

Изложенный комплекс мер пунктирно намечает перспективу гуманистического прорыва, необходимого для инновационного развития общества и создания благоприятной среды для культивирования в России метаидеологии нового гуманизма.

Постижение истины – перманентный процесс синтезирующего взаимодействия разных течений общественной мысли, в результате которого формируется интегральное ядро представлений о развитии социума.

Институты мониторинговой активности стремятся вдохнуть новую жизнь в демократию, помочь ей обуздать высокомерие власти, привить культуру скромности и толерантности.

Метаидеология нового гуманизма

Понятие «метаидеология» встречается на страницах политологических учебников. Английский профессор Эндрю Хейвуд определяет это понятие как «идеологию высшего порядка, основу для дискуссий по более частным идеологическим проблемам» [Хэйвуд 2005: 53, 516].

Как бы ни были разнообразны интересы и воззрения различных объединений и сообществ людей, они всегда представляют *homo sapiens*, человека. Значит, за различиями традиционных идеологий («за» выражено приставкой *мета* – *по ту сторону, после, между*) скрывается некий *общий знаменатель* родового свойства. За ним стоят потребности и запросы, инстинкты и потенции человека как такового. Они-то и образуют основу для метаидеологии. Метаидеологические черты присущи и всем традиционным идеологиям, претендующим на универсальность и обращающимся вследствие этого к общечеловеческим ценностям.

В современную эпоху проблема поиска идейных постулатов метаидеологии, способной консолидировать человечество, приобретает жизненное значение как для выживания цивилизации, так и для определения перспективы её развития. Глобализация мира и решение порождаемых ею глобальных проблем создают необходимость интеграции разделённого на сегменты общественного сознания в «планетарное сознание» человеческого рода, сохраняя при этом многообразие существующего цивилизационно-культурного плюрализма. Эта грандиозная задача предполагает осознание инвариантности базовых ценностей человеческого сообщества и, прежде всего, основополагающего постулата – человек есть высшая ценность; расширение рамок гражданственности до вселенских масштабов; конструирование институционального каркаса «мира миров» – глобальной модели социума, живущего по принципу: «единство в многообразии».

Новый гуманизм – это отнюдь не идеология, отражающая положение и интересы какой-то особой группы и вступающая в противоборство с уже существующими идеологиями. И не «конвергенция» существующих идеологий или выработка некой «синтетической идеологии» [Байдаков, Белкин 2013: 12]. Это, скорее, консолидирующий духовно-нравственный этос вселенского многообразия рода людского; это мировосприятие, объединяющее людей, готовых к соблюдению гуманистических принципов и норм гражданского единения и толерантности, независимо от их идеологической ориентации, социальной и национально-государственной принадлежности. Это планетарная метаидеология граждан земной цивилизации.

Несмотря на гетерогенность и даже антиномичность интересов и воззрений, гражданское общество как носитель самодеятельного начала в социуме таит в себе неисчерпаемые ресурсы общегуманистической солидарности – краеугольного камня гражданского фундамента «исторических компромиссов», способных сохранить и оформить целостное единство глобального «мира миров». От того, как эти ресурсы будут задействованы, зависит социальная, международная и цивилизационная устойчивость человеческого общества.

Неблагоприятный фон – обострившиеся межнациональные и цивилизационные противоречия, геополитические конфликты, разрывающие мир кровопролитные схватки «своих» и «чужих» порождают сомнения в способности нынешнего поколения землян задействовать эти ресурсы. Сможем ли мы обуздать кипящие страсти, умерить агрессивные инстинкты, подавить в себе фатальную одержимость фанатизма и встать на путь конструктивного диалога в поиске общих принципов жизнедеятельности земной цивилизации? Такой исход не предопределён. За него надо бороться, и в этом смысл гуманистических движений.

Новый гуманизм – жизненная потребность социума в самосохранении. Для её реализации нужна всеобщая солидарность в противостоянии дегуманизации – этой осовремененной форме варварства. Защита и развитие гуманистических традиций, осмысление новых форм, стандартов, ценностей, образцов, критериев гуманизма в нарождающемся информационном обществе – это глобальная проблема, от которой зависит, перешагнёт ли человеческая цивилизация через порог ноосферы. Или драматическая история земного очага разума завершится самоуничтожением. Ставка достаточно высока, чтобы отнестись к ней с должной мерой ответственности.

Второе пришествие интеллигенции?

Особо следует сказать о роли интеллигенции в формировании гуманистической культуры. Как известно, понятие «интеллигенция» российского происхождения. В России XIX века этот термин стал употребляться для обозначения той образованной прослойки населения, которая была носителем высоких нравственных принципов, выступая против крепостничества и деспотизма в защиту угнетённых и униженных. Россия была традиционалистски консервативной страной, где, как отмечал В. О. Ключевский, дремучая «русская старина преображала» все реформы [Ключевский 1959: 362–363]. Поэтому морально-этическая составляющая стала определяющей для понятия «интеллигенция»; в отличие от западных стран, где для обозначения образованных слоёв общества используется термин «интеллектуалы».

Несмотря на гетерогенность и даже антиномичность интересов и воззрений, гражданское общество как носитель самодеятельного начала в социуме таит в себе неисчерпаемые ресурсы общегуманистической солидарности – краеугольного камня гражданского фундамента «исторических компромиссов», способных сохранить и оформить целостное единство глобального «мира миров».

Новый гуманизм – жизненная потребность социума в самосохранении. Для её реализации нужна всеобщая солидарность в противостоянии дегуманизации – этой осовремененной форме варварства. Защита и развитие гуманистических традиций, осмысление новых форм, стандартов, ценностей, образцов, критериев гуманизма в нарождающемся информационном обществе – это глобальная проблема, от которой зависит, перешагнёт ли человеческая цивилизация через порог ноосферы.

Казалось бы, если ядро гуманистического мировосприятия – морально-нравственные ценности – главный атрибут интеллигенции, то именно она, по определению, должна выступать застрельщиком и ведущей силой гуманизации российского общества. Увы, это далеко не так. В советский период, а затем в годы радикально-либеральных реформ с интеллигенцией произошли метаморфозы, подорвавшие её моральный авторитет в обществе.

Показательны данные о восприятии понятия «интеллигентность» пользователями интернет-сети, полученные с помощью *когнитометрии* – технологии анализа смыслов употребления слов в интернет-коммуникациях. Вот что на этот счёт пишет автор статьи Г. Любарский: «Комплекс описаний интеллигентности ещё недавно обладал ценностным значением, имелся список обязательных свойств, кодекс интеллигентности. Теперь он всё чаще не воспринимается всерьёз, а над отвергнутыми святынями смеются. Это и есть акт разрушения ценности – смех. То, что только эти слова несут нормативный аспект значения, и именно они чаще употребляются в ироническом ключе, указывает на уходящую в прошлое, разрушающуюся, отвергаемую, но всё ещё живую систему ценностей» [Любарский 2012].

Когнитометрия беспристрастно зафиксировала фактическое положение дел: морально-этический кодекс интеллигентности – стержень формирования из образованных граждан особой социальной прослойки, способной по убеждению противостоять безнравственности и несправедливости, разрушается в процессе дегуманизации российского общества. Научные знания и высокая культура человечности – самое действенное оружие интеллигенции в противоборстве с невежеством, фундаментализмом и мракобесием – нынешние адепты рыночной и криминальной дегуманизации общества пытаются нейтрализовать насаждением субкультуры обывательского примитивизма и низкопробной развлекательности.

Интересные соображения по этому поводу высказывает философ и публицист Владимир Пастухов. Говоря об упадке в России городской субкультуры, он замечает: «Присущие последней способности к рефлексии, гибкости и сложности мышления оказываются в условиях «рентной экономики» совершенно бесполезными и даже обременительными, не помогают, а мешают приспособиться к простым реалиям варварского общества. Такая субкультура пребывает в состоянии постоянной подавленности и деградирует» [Пастухов 2012].

Торжествующая культура примитивизма и дилетантства – как чёрная дыра, неотвратимо поглощающая духовные ценности общества и лишаящая его перспективы. Она-то и поглощает интеллигенцию, выталкивая её на обочину обще-

Когнитометрия беспристрастно зафиксировала фактическое положение дел: морально-этический кодекс интеллигентности – стержень формирования из образованных граждан особой социальной прослойки, способной по убеждению противостоять безнравственности и несправедливости, разрушается в процессе дегуманизации российского общества.

ственно-политической жизни. Однако этой пагубной для России тенденции противостоит другая, расширяющая возможности изменить матрицу развития российского общества. Это, как уже отмечалось, нарастающая потребность государства и общества перейти на инновационный путь социально-экономического развития.

Такая тенденция может стать пружиной реформаторского прессинга на политический режим, на правящую элиту, на общество в целом. Можно надеяться, что следствием прессинга станет возникновение новых и новых очагов напряжения во власти, в элите, в обществе. От них при каждом общественном повороте с возрастающей силой будут исходить импульсы, побуждающие к реформам инновационного характера; тогда появятся рычаги воздействия на публичную политику, появятся и люди с горячими сердцами, способные привести эти рычаги в действие.

Для лучшей части интеллигенции, которая в годы лихолетья и произвола со стороны «богатых и сильных» сохранила верность кодексу интеллигентности, нет иного выбора, кроме как действовать в унисон с этой дающей надежду тенденцией. Возможно, в решимости поступать, как должно, – ключ к возрождению российской интеллигенции. Ведь программа инновационной модернизации общества (настоящей, демократической, общенациональной, а не «оранжерейно-сколковской») выдвигает великую цель, которая будет в состоянии разжечь великую энергию творчества.

Если это произойдёт, тогда история русской интеллигенции будет иметь социально значимое продолжение. Интеллигенция станет костяком того «креативного класса», на долю которого выпадет миссия воплотить идею нового гуманизма в реальность сознательно регулируемого социума.

Эпоха больших перемен – время неопределённости и сомнений. Не ясно, куда движется мировая цивилизация, какие метаморфозы претерпит социум, сумеет ли человечество найти адекватные ответы на вызовы современности. Вправе ли мы ждать, что метаидеология гуманизма высветит путь в будущее? Правомерные сомнения. Но... быть может, мы находимся на переломе, когда идеология не просто рисует картину мироздания и выясняет возможности адаптации к нему. Быть может, перед нами приоткрывается перспектива *проектировать* и *творить* мир, пробуждая и мобилизуя креативный потенциал социума.

Библиографический список

- Арендт Х. 1996. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом. 672 с.
- Байдаков М., Белкин С. 2013. Идеологии и ценности // Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. № 6. С. 8–23.
- Гегель. 1934. Философия права. Сочинения. Т. VII. М.–Л.: Соцэкгиз. 380 с.
- Горшков М., Тихонова Н. 2013. Социокультурные факторы консолидации российского общества // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. № 1. М.: ИС РАН. 80 с.
- Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 1993. 96 с.
- Ключевский В. 1959. Сочинения. Т. VIII. М.: Соцэгиз. 490 с.
- Любарский Г. Когнитометрия: Вера. Религия. Церковь // Полит.ру URL: http://polit.ru/article/2012/07/10/cognitometry_church1/ [Дата посещения: 15.02.2015].
- Марков А. 2012. Эволюция человека. Кн. 1 и 2. М.: Астрель: CORPUS. 496 и 512 с.
- Маркс К. и Энгельс Ф. 1969. Сочинения. Т. 46. Часть II. М.: Политиздат. 618 с.
- Маркс К. и Энгельс Ф. 1955. Сочинения. Т. 3. М.: Политиздат. 629 с.
- Миропорядок XXI века: ноосфера или зоосфера? Исследовательский проект «Россия в формирующейся глобальной системе». М.: Горбачёв-Фонд, 2001. 129 с.
- Ортега-и-Гассет Х. 2000. Избранные труды. М.: Весь мир. 704 с.
- Пастухов В. 2012. Герои в толпе // Полит.ру URL: <http://polit.ru/article/2012/08/28/geroi/> [Дата посещения: 15.02.2015].
- Хэйвуд Э. 2005. Политология. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 526 с.
- Цвейг С. 1977. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. М.: Детская литература. 288 с.
- Castells M. 2012. Networks of outrage and hope: social movements in the internet age. Cambridge, UK-USA: Polity Press. 200 p.
- Judt T. 2011. III Fares the land. A treatise on our present discontents. L.: Penguin Books. 218 p.

Keane J. 2009. The life and death of democracy. N.Y.–London: W.W. Norton and Company. 992 p.

Marcuse H. 1968. One-dimensional man. Studies in the ideology of advanced industrial society. Boston: Beacon Press Books. 260 p.

Marcuse H. 1969. An essay on liberation. Boston: Beacon Press Books. 96 p.

Ideological Pluralism and Meta-ideology of New Humanism

Krasin Yury Andreyevich

Doctor of philosophical sciences, head of the department of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: krasinyua@mtu-net.ru

Abstract. There is every indication that human civilization is entering into an epoch of the deepest transformation or the “great reformatting” of social reality. Humankind meets challenges and risks, which demand of it unity of understanding of coming changes, and above all, the consolidation of efforts for the solution of global problems. Meanwhile, the imperative nature of these activities is not in line with ideological pluralism on a world or national level, which is intrinsic to social consciousness. This leads to a wide range of ideological differences and is contrary to consolidation. This contradiction is manifesting itself especially acutely in Russia, because the country is undergoing fundamental reformation and experiencing the effect of traditions of confrontational political culture. The author attempts to ascertain possibilities and trace the contour of solutions to this contradiction. Previously, the formation of industrial society called on the need for free human beings and the birth of the demand for humanism. Now the start of the transition to an innovative type of development is initiating a new demand for creativity of humans and for the meta-ideology of new humanism which can become the ideal and moral basis for a national and universal policy of “historical compromises”. This may maintain and form the integral unity of the global “world of worlds”. Social, international and civilizational stability of human society depends on how these resources are brought into play.

Keywords: social consciousness, ideology, ideological pluralism, meta-ideology, innovation development, new humanism.

References

Arendt H. Istoki totalitarizma [Origin of multiculturalism]. Moscow, CentrKom, 1996. 672 p.

Baydakov M., Belkin S. Ideologii i cennosti [Ideology and values – Razvitie i ekonomika. Nauchny i obschestvenno-politichesky al'manakh, 2013, No 6, pp. 8–23.

Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge, UK-USA: Polity Press. 2012. 200 p.

Gegel G. W. F. Filosofija prava [Philosophy of law]. Sochinenija. Vol. VII. Moscow – Leningrad, Socekgiz, 1934. 380 p.

Gorshkov M., Tikhonova N. Sociokul'turnye faktory konsolidacii rossiyskogo obschestva [Social and cultural factors of Russian society consolidation] – Informacionno-analitichesky biulleten' Instituta sociologii RAN. No 1. Moscow, IS RAS. 2013. 80 p.

Haywood E. Politologija [Politology]. Moscow, UNITI-DANA, 2005. 526 p.

Judt T. III Fares the land. A treatise on our present discontents. London, Penguin Books, 2011. 218 p.

Keane J. The life and death of democracy. New York – London, W.W. Norton and Company, 2009. 992 p.

Kliuchevsky V. Sochinenija [The works]. Vol. VIII. Moscow, Socekgiz, 1959. 490 p.

Konstitucija Rossijskoj Federacii [Constitution of Russian Federation]. Moscow, Juridicheskaja literatura, 1993. 96 p.

Liubarsky G. Kognitometrija: Vera. Religija. Cerkov' [Kognitometria: belief, religion, church]. – Polit.ru. Website. URL: http://polit.ru/article/2012/07/10/cognitometry_church1/ [date of visit 15.02.2015].

Marcuse H. One-dimensional man. Studies in the ideology of advanced industrial society. Boston, Beacon Press Books, 1968. 260 p.

Marcuse H. An Essay on Liberation. Boston: Beacon Press Books, 1969. 96 p.

Markov A. Evoliucija cheloveka [Encyclopedia of human]. Vol. 1, 2. Moscow, Astrel': CORPUS, 2012. 496, 512 p.

Marx K., Engels F. Sochinenija [The works]. Vol. 46. Part II. Moscow, Politizdat, 1969. 618 p.

Marx K., Engels F. Sochinenija [The works]. Vol. 3. Moscow, Politizdat, 1955. 629 p.

Miroporiadok XXI veka: noosfera ili zoosfera? [World order of XXI century: noosphere or zoosphere?] Issledovatel'sky proekt «Rossija v formirujushejsia global'noy sisteme». Moscow, Gorbachiov-Fond, 2001. 129 p.

Ortega-y-Gasset H. Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow, Ves' mir, 2000. 704 p.

Pastuhov V. Geroy v tolpe [The hero in the crowd]. – Polit.ru. Website. URL: <http://polit.ru/article/2012/08/28/geroi/> [date of visit 15.02.2015].

Zweig S. Triumf i tragedija Erazma Rotterdamskogo [The triumph and tragedy of Erasmus Roterdamsky]. Moscow, Detskaja literature, 1977. 288 p.

Д о м и н а н т ы общественного сознания в политической сфере

Массы и власть: массовое сознание и политическая система в России

Вебер Александр Борисович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела анализа социально-политических процессов, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: mailbox@polisma.ru

Массы и власть: массовое сознание и политическая система в России

Аннотация

Почему существующая в современной России система власти, несмотря на её очевидные дефекты с точки зрения сущностных критериев демократизма, пользуется всё же широкой массовой поддержкой? Ответ следует, в частности, искать в особенностях массового сознания россиян. Данные социологических опросов свидетельствуют о высоком в целом уровне поддержки идеи сильной власти, о предпочтении, отдаваемом ценностям порядка и стабильности перед принципами либеральной демократии, о распространённости патерналистских ожиданий. В то же время общая картина неоднозначна, оставляя возможность различных интерпретаций. Автор излагает свою гипотезу, связывая типичные черты массового сознания россиян с особенностями истории страны, с теми условиями, в которых на протяжении многих столетий формировалась российская государственность, тип культуры, менталитет народа. Нынешняя власть находит опору в массовом сознании, поскольку оно, как и сама политическая система, несёт на себе печать этих условий. Политические системы не конструируются в соответствии с некоей идеальной моделью, они – продукт исторического развития нации, общества, государства в «заданных» внешних условиях.

Ключевые слова: общество, массовое сознание, основные ценности, политическая система, авторитаризм, демократия

Вопросы, рассмотрению которых посвящена данная статья, можно сформулировать следующим образом: почему существующая в России политическая система, несмотря на её очевидные дефекты, с точки зрения сущностных критериев демократизма, пользуется широкой массовой поддержкой? Что в массовом сознании россиян позволяет власти находить в нём опору? Каким образом обеспечивается поддержка народа, несмотря на недовольство людей различными аспектами политики, повседневной жизни и общественного устройства?

Основные понятия

Массовое сознание – особый тип общественного сознания, отличающийся от таких его форм, как сословное, классовое, этническое, религиозное сознание, присущих более или менее устойчивым группам населения, образующим основные структурные элементы социума. Общественное сознание обусловлено развитием общества, оно отражает особенности этого развития на тех или иных его этапах. Феномен массового сознания связан с распространением новейших средств массовой коммуникации и информации, массовых потребительских стандартов, всеобщего избирательного права, массовой культуры, т. е. с массовизацией условий и форм жизнедеятельности социума, что особенно резко проявилось в современном обществе в размывании его прежних сословных и классовых границ.

Одним из тех, кто зафиксировал становление *массового общества*, идущего на смену индустриально-классовому, был испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, автор знаменитой книги «Восстание масс» [Ортега-и-Гассет 2008]. Верно уловив новые тенденции в развитии общества, он воспринял их как угрозу для «творческого» меньшинства, угрозу со стороны людей толпы, стремящихся завладеть дорогами этому меньшинству благами цивилизации. Это была высокомерно-снобистская реакция на подъём массовых движений в Европе, левых и правых, вызванных последствиями Первой мировой войны¹.

Трагический опыт XX столетия дал сильнейший импульс к изучению массового сознания как социально-психологического феномена. При всех различиях в трактовках есть общее понимание того, что от массового сознания не следует ожидать отрефлексированного, рационального знания; в нём присутствуют, причудливо переплетаются рассудок и предрассудки, здравый смысл и иллюзии, собственные убеждения и внушённые мифы. И именно в этом качестве, в смешении рационального и иррационального, оно представляет собой объективную реальность, многое объясняющую в общественно-политических процессах прошлого и настоящего [Канетти 2011; Поршнева 1979; Хевеши 2001].

В отечественной социологии первопроходцем в теоретическом осмыслении феномена массового сознания, его природы, основных характеристик, условий возникновения и функционирования, его соотношения с процессами, происходящими в обществе, в том числе в сфере политики, был Борис Грушин [Грушин 1987]. Развитая им научная теория массового сознания получила широкое признание. Показательно, что знаменитая Википедия открывает эту тему изложением «Концепции массового сознания Б. А. Грушина».

¹ Содержательный обзор теорий массового общества, получивших дальнейшее развитие в XX веке, см.: Е. Л. Петренко // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т.2. С. 627–629.

Специфика массового сознания – не в способе отражения действительности, а в свойствах его носителя, его *субъекта*, т. е. «массы» как особой общности, отличной от сословия, класса, этноса, религиозной общины или какого-то профессионального сообщества. Масса не является каким-то целостным образованием, отличным от составляющих его элементов. Согласно определению Б. Грушина, «*массы – это ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования)*» [Грушин 1987: 234–235].

Границы массовых общностей размыты, а сами они отличаются изменчивостью, неустойчивостью количественного и качественного состава. Их отличает внегрупповая природа, т. е. они не укладываются в границы основных структурообразующих классовых, этнических, демографических групп. *Действительные* массы, как заметил ещё К. Маркс, «образуют внутри себя и между собой весьма массовые противоположности» [Маркс, Энгельс 1955, Т. 2: 171].

Массовое сознание получает выражение в *общественном мнении* – той специфической форме, в которой проявляется и фиксируется отношение людей к тем или иным событиям или аспектам действительности в тот или иной момент или период. «Замеры» общественного мнения посредством социологических опросов позволяют «измерять» состояние массового сознания, его структуру и динамику под разными углами зрения и в различных временных интервалах.

Охватить массовое сознание во всём его объёме и многообразии практически невозможно. В нём отражаются все стороны общественного бытия, оно многослойно, представляет широкий спектр специфических черт, свойственных тем или другим группам населения. В данном тексте речь пойдёт о самых общих чертах, характеризующих политически значимые аспекты массового сознания россиян, взятого в конкретной временной привязке, т. е. в постсоветский период.

В качестве основного источника сведений о состоянии массового сознания россиян использованы данные опросов Левада-Центра (до 2003 г. ВЦИОМ), публикуемые на его сайте и в издаваемых им сборниках «Общественное мнение» (доступных также в электронной форме). В общей сложности ниже использованы более 100 опросных блоков из указанных источников¹. Привлекались и некоторые другие источники.

¹ URL: <http://www.levada.ru/archive/> [Дата посещения: 04.01.2014 и неоднократно позднее]; Общественное мнение – 2012. М.: Левада-Центр, 2012. 232 с.; Общественное мнение – 2013. М.: Левада-Центр, 2013. 252 с.; URL: <http://www.levada.ru> [Даты посещения 21.01.2014 и 21.02.2014]. Большинство приводимых в тексте данных основывается на этих источниках, если не указано иное.

Основные черты массового сознания россиян

Данные социологических опросов позволяют представить в основных чертах массовое сознание россиян в период, предшествовавший «майданной революции» в Украине, возвращению Крыма в состав Российской Федерации и другим событиям, которые за этим последовали. Эти события не могли не отразиться в массовом сознании, вызвав такие подвижки, значение которых можно будет оценить в полной мере лишь позднее.

Если говорить о наиболее типичных чертах постсоветского массового сознания, то прежде всего обращает на себя внимание тяга россиян к стабильности, вполне объяснимая на фоне пережитых в XX веке потрясений и невзгод. В шкале ценностей приоритетное место отдаётся «порядку», для поддержания которого, по мнению большинства, допустимы некоторые нарушения гражданских прав и свобод. К началу 2010-х гг. это большинство несколько сократилось, но по-прежнему преобладало по сравнению с теми, кто считают, что демократия важнее, даже если ею могут воспользоваться разрушительные элементы.

В дальнейшем перевес первых, по-видимому, вновь увеличился: в начале 2014 г., согласно данным Фонда «Общественное мнение», 76% респондентов сказали, что «стабильность» важнее «свободы». При том, что, по мнению большинства, люди в России имеют «достаточно свободы», которая, правда, в контексте проводимого опроса понималась не столько в политическом, сколько в бытовом плане.

Приверженность «порядку» коррелирует с идеей *сильной власти*. На протяжении 1994–2012 гг. доля тех, кто считают, что нашему народу постоянно нужна «сильная рука», колебалась в пределах 35–45%. Другие принимают это мнение с оговоркой: бывают-де случаи, когда нужно сосредоточить власть в одних руках (25–30%). Спрос на «порядок» и «сильную власть» объясняется, конечно, реакцией на хаос «лихих 90-х». В начале 2010-х гг. число сторонников «сильной руки» несколько сократилось, но потом вновь увеличилось. Их по-прежнему значительно больше, чем тех, кто не считают возможным поступать демократическими ценностями.

Является ли российская государственная власть «сильной»? В нулевые годы было равное количество людей, считающих её как сильной, так и слабой. Возможно, потому, что смысл сильной власти понимается по-разному. Примерно для трети респондентов это власть, которая регулирует *все* сферы общественной жизни – экономику, образование, культуру, мораль и пр. Но больше тех, для кого сильная власть та, которая гарантирует и обеспечивает выполнение законов всеми учреждениями, организациями и гражданами.

В начале 2010-х гг. число сторонников «сильной руки» несколько сократилось, но потом вновь увеличилось. Их по-прежнему значительно больше, чем тех, кто не считают возможным поступать демократическими ценностями.

Примерно для трети респондентов сильная власть та, которая регулирует все сферы общественной жизни. Но больше тех, для кого это такая власть, которая гарантирует и обеспечивает выполнение законов всеми учреждениями, организациями и гражданами.

Большинство россиян высоко оценивают *роль государства* как института, призванного быть представителем интересов всего общества. Многие – очень высоко, отдавая предпочтение единому централизованному государству с назначаемыми из Центра руководителями местной власти. Другие – за такой тип государства, где центральная власть только координирует местные власти. В начале 2010-х гг. доля первых несколько сократилась, а вторых увеличилась. Выросло число сторонников разделения властей и общественного контроля, эта позиция получила некоторый перевес по сравнению с тем мнением, что Россия больше нуждается в укреплении власти.

Россияне традиционно весьма критически настроены в отношении власти, чиновничества. Большинство отдаёт дань известным устойчивым стереотипам: власть представляет, мол, преимущественно интересы силовиков, олигархов, высшего слоя бюрократии, вообще сверхбогатых; «начальство» озабочено прежде всего сохранением собственной власти и своих привилегий, а не интересами простых людей; во властных верхах царит система круговой поруки и коррупции.

В то же время в массовом сознании преобладают *патерналистские настроения*. Люди ощущают уязвимость своего положения, они убеждены: большинство без поддержки, опеки со стороны государства прожить не смогут. Власть должна заботиться о людях, а люди – иметь возможность добиваться этого от властей. Таков, по мнению россиян, основной принцип, на котором должно быть устроено наше общество. В начале нулевых более половины опрошенных считали, что власть не выполняет своих обязанностей перед гражданами: в дальнейшем их доля несколько сократилась, но одновременно увеличилось число тех, кто видит ситуацию так: «сколько выполняет, столько и не выполняет».

Что понимается обычно под обязанностью государства обеспечивать социальную защиту? Большинство считают, что государство обязано обеспечивать «нормальный» уровень благосостояния *всем* гражданам. Меньшинство хотело бы ограничить круг претендующих на помощь только теми, кто попал в трудное положение (потерял работу, пострадал от стихийных бедствий и т. п.). Ещё меньшая часть выступает за то, чтобы помощь оказывалась *только* тем, кто не в состоянии позаботиться о себе сам (пенсионеры, инвалиды, сироты). Наконец, ещё 2–3% уверены, что все люди должны сами заботиться о себе, не ожидая помощи от государства.

Патерналистские ожидания проявляются весьма противоречивым образом. Многие полагают: государство даёт нам так мало, что мы ему ничем не обязаны. Другое распространённое мнение – надо заставить государство служить нашим интересам, требовать от него большего. В обычных условиях

Власть должна заботиться о людях, а люди – иметь возможность добиваться этого от властей. Таков, по мнению россиян, основной принцип, на котором должно быть устроено наше общество.

лишь немногие готовы идти на какие-то жертвы ради того, чтобы помочь государству в решении сложных проблем социально-экономического развития страны.

В то же время большинство граждан называют себя патриотами. В понимании патриотизма есть нюансы: для большинства это значит «любить Россию», для многих – ставить свою страну выше других. Хотя нельзя сказать, что национализм доминирует в массовом сознании, да и само слово «национализм» воспринимается большинством скорее негативно, на деле националистические и ксенофобские настроения стали проявляться всё сильнее. Свидетельством усиления русского национализма стало одобрительное отношение многих к лозунгу «Россия для русских» и растущая популярность идеи «русского мира» в её имперском понимании.

Об отношении к демократии. Есть значительное меньшинство, которое не приемлет демократическую форму правления, это-де не для России. Большинство в принципе за демократию. Но какая демократия нужна России? Широкой поддержкой пользуется мнение, что России нужна особая демократия, соответствующая национальным традициям и специфике нашей страны. Но лишь небольшая часть за такую демократию, «как была в Советском Союзе». Ещё меньше тех, кто предпочёл бы модель демократии западного типа – «как в Европе и Америке».

Демократия, по мнению россиян, это соблюдение основных гражданских свобод, возможность свободно высказывать своё мнение, равенство граждан перед законом, порядок и стабильность, экономическое процветание. Но прежде всего демократия ассоциируется с социальными и экономическими правами, с социальной справедливостью, которая часто понимается в духе уравнительности. Неравенство, особенно в его крайних формах, порождает у большинства ощущение несправедливости.

Показательны данные о порядке предпочтений, выбираемых респондентами, когда их спрашивают, какие свободы они считают особенно важными лично для себя? В духе патерналистской парадигмы большинство ставят на первые места защищённость со стороны государства в случае болезни, утраты работы, равные для всех шансы в жизни и на работе, равный доступ к образованию и медицинской помощи, возможность «купить то, что хочешь», приобретать собственность и т. п.

Если правящая элита склонна сводить демократию к политике и выборным процедурам, то большинство ценят эти её атрибуты относительно низко. В отношении к политике преобладают отрицательные установки. По сравнению с концом 1990-х гг. фиксируется снижение интереса к политике, к участию в ней. Судя по ответам респондентов, основная масса граждан не очень интересуется политикой или совсем ею не интересуется и не стремится в ней участвовать.

В понимании патриотизма есть нюансы: для большинства это значит «любить Россию», для многих – ставить свою страну выше других.

Прежде всего демократия ассоциируется с социальными и экономическими правами, с социальной справедливостью, которая часто понимается в духе уравнительности. Неравенство, особенно в его крайних формах, порождает у большинства ощущение несправедливости.

Является ли Россия демократическим государством? Здесь мнения очень разные и отчасти противоположные. Уверенно отвечали «да» немногие, хотя со временем их стало несколько больше (4% в 2010 г., 6 – в 2013 г.). Более распространённая точка зрения: «да, отчасти». По мнению других, демократия в России пока не утвердилась или её становится всё меньше. В то же время большинство не согласны с утверждением, будто Россия является «полицейским государством».

Опросы свидетельствуют о высокой степени *отчуждённости* между властью и гражданами. Немногие верят в возможность влиять на решения и действия властей, даже на местном уровне (хотя в последние годы таких стало несколько больше). Большинству приходится полагаться в основном на себя. Власть далека от народа, «чужда» ему – такая оценка стала высказываться чаще, чем в последние советские годы. Одни считают, что власть контролирует действия граждан, по мнению других ни власти, ни граждане не контролируют друг друга или же обманывают друг друга.

При всём критическом отношении к состоянию отечественной экономики, во всяком случае до недавнего времени, россиян в целом более или менее устраивала их нынешняя жизнь. Для большинства важнее сохранение уже достигнутого, чем стремление к чему-то большему. Преобладающее мнение: «жить трудно, но можно терпеть», однако оно не единственное. Люди говорят о проблемах, тревогах, о беспокойстве в отношении будущего; их представления о развитии страны неоднозначны.

Мнение о том, что страна движется по правильному пути, в 2013 г. разделяли чуть более 40% опрошенных, почти столько же придерживались противоположного мнения. Тогда же большинство россиян признавались, что либо не имеют представления, в каком направлении движется страна, либо имеют об этом смутное представление. В среднем классе владело убеждение: существующая политическая система – это надолго, в ближайшие годы она едва ли может существенно измениться.

Ответы на вопрос: как следует относиться к проблемам, с которыми приходится сталкиваться (декабрь 2013 г.), высветили три основных поведенческих модели: а) условно говоря, электоральную: надо воспользоваться очередными выборами, чтобы попытаться изменить положение – 42%; б) конформистскую: надо проявлять терпение, стойкость, приспособляться и ждать, пока ситуация не изменится к лучшему – 21%; в) активистскую: устраивать акции протеста, уличные демонстрации, добиваясь изменения политики – 18%.

При этом в конце 2013 г. в протестных акциях готовы были участвовать лишь немногие (13%), а в протестах с политическими требованиями – и того меньше,

Опросы свидетельствуют о высокой степени отчуждённости между властью и гражданами. Немногие верят в возможность влиять на решения и действия властей, даже на местном уровне.

Мнение о том, что страна движется по правильному пути, в 2013 г. разделяли чуть более 40% опрошенных, почти столько же придерживались противоположного мнения.

всего 9,4%. Исследователи отмечают низкий в целом уровень общественной активности граждан, что связано с невысокой эффективностью инструментов общественного влияния, в особенности политических инструментов влияния [Волков, Гончаров 2014].

Интерпретация эмпирических данных

Вернёмся к вопросу, поставленному нами в начале статьи: почему большинство избирателей, не считая власть отвечающей их представлениям о должном, тем не менее её поддерживают?

Исследователи по-разному отвечают на этот вопрос. Интерпретация эмпирического материала зависит от мировоззренческих установок авторов, нередко весьма тенденциозных. Такова, на наш взгляд, позиция директора Левада-Центра Льва Гудкова, которая сводится, в сущности, к утверждению о тотальной аморальности российского социума, унаследованной от *homosoveticus* [Гудков 2013]. Как ни странно, приведя весьма неоднозначные данные опросов, автор предлагает, тем не менее, прямолинейную, одномерную их интерпретацию: российское общество лишено понятий морали и общего блага, оно пронизано ложью и насилием, в основе его отношений с коррумпированной, репрессивной властью лежат «потребительские соблазны» как условие «сделки с дьяволом»... [Гудков 2013: 154]. За внешними атрибутами научной статьи проглядывает злой политический памфлет.

Настаивая на тотальной аморальности россиян, насаждаемой, по его мнению, властью, Л. Гудков соотносит российскую ситуацию с идеальным образом современного общества, где индивиды автономны, где они сами, без внешнего принуждения, выбирают и определяют для себя ориентиры и правила поведения, но умалчивает при этом о моральной ущербности рыночного капитализма, навязывающего людям свои правила, свою мораль, безразличную к тому, что не имеет денежной цены. Позиция в общем типичная для определённого круга отечественных либералов.

Более объективно к сути интересующей нас проблемы подошли Ричард Роуз и его коллеги из британского Центра исследований публичной политики (Centre for the Study of Public Policy) при университете Стрэтклайд (Глазго) в своей работе «Народная поддержка недемократического режима» [Rose, Mishler, Munro 2011]. Их анализ основан на материале ежегодных обзоров «Барометр новой России» (New Russia Barometer), где также использовались данные опросов Левада-Центра.

Интерпретация эмпирического материала зависит от мировоззренческих установок авторов, нередко весьма тенденциозных.

Все правительства нуждаются в общественной поддержке – говорится в предисловии. В этом утверждении нет ничего нового. Давно замечено, что легитимность власти, её авторитет напрямую зависят от того, в какой степени её поддерживает большинство народа. Но на чём основывается поддержка обществом недемократического, как считают авторы, российского режима?

Отвечая на этот вопрос, Ричард Роуз и его коллеги использовали рыночную модель «спроса и предложения». На политическом рынке связь между спросом (общественная поддержка) и предложением (тип политического режима) складывается по-разному. При демократическом режиме общественная поддержка носит добровольный характер, поскольку политическая элита выполняет волю избирателей. Но в мире преобладают недемократические режимы, в этом случае можно говорить о «навязанном консенсусе» – если режим воспринимается как меньшее зло, отсутствует явная альтернатива или если отказ в поддержке грозит возможными санкциями на работе и в быту, применением репрессий и т. п.

Опираясь на данные Левада-Центра, авторы стремились объяснить, почему в России, которая с распадом Советского Союза начала эволюционировать в направлении демократии, на определённом этапе поддержка режима стала возрастать даже в условиях, когда он становился менее демократическим, более авторитарным? А также оценить, насколько прочной является эта поддержка перед лицом критических вызовов, с которым он сталкивается.

Их вывод свелся к следующему: массовая политическая поддержка режима определяется не столько его характером и требованиями к гражданам (subjects), сколько отношением последних к власти, их мнением о том, как она должна действовать и как действует. Способность российской власти мобилизовать массовую поддержку, хотя бы пассивную, свидетельствует о наличии у нее потенциала, позволяющего режиму сохранять в перспективе достаточную прочность [Rose, Mishler, Munro 2011: 9].

Другая версия интерпретации тех же социологических данных принадлежит Кириллу Рогову – ведущему научному сотруднику Института экономической политики (Институт Гайдара). Он, кстати, упоминает в сносках книгу Р. Роуза, но никак её не комментирует. Российское общественное мнение, утверждает К. Рогов, не расколото на сторонников авторитаризма или демократии, как считают некоторые. Оценки существующего режима по шкале от 1 (полный авторитаризм) до 10 (полная демократия) позволяют выделить относительно твёрдое большинство (около 45%), которое отдаёт предпочтение гибриднему режиму «электорального авторитаризма», т. е. признаёт определённые достоинства как за демократическими, так и за авторитарными ценностями и практиками.

К. Рогов придерживается гипотезы *цикличности* политической истории России в последние десятилетия. Сопоставив ситуации конца 1980–90-х, начала 2000-х и начала 2010-х гг., он выстроил концепцию десятилетних политических циклов: поворот от советской системы к демократии, затем контрреформаторский курс в нулевые годы и... возвращение «к новой реформаторской повестке».

Ожидаемый новый поворот (подразумевается – либеральный) он связывал с некоторыми подвижками в массовом сознании россиян на рубеже 2011–12 гг.: сокращением числа сторонников «сильной руки», увеличением числа тех, кто поддержал идею распределения власти, принцип многопартийности, необходимость оппозиции и т. п. Интерпретируя эти сдвиги в пользу гипотезы цикличности, К. Рогов сделал следующий вывод: «В перспективе «большого перехода» (!) путинская «стабильность», носившая во многом реваншистский характер, была передышкой, а вовсе не долгосрочным равновесием» [Рогов 2012: 27].

Представляется, что упомянутые выше подвижки в массовом сознании россиян, проявившиеся пока на очень коротком отрезке времени, не давали достаточных оснований для столь далеко идущего вывода. Впрочем, и сам автор был не очень категоричен. Приведённые данные, отмечал он, «отнюдь не свидетельствуют о каком-то принципиальном повороте во взглядах россиян на политическое устройство общества: патерналистская модель всё ещё занимает очень прочные позиции, а политическое участие и политические права <...> ценятся относительно низко» [Рогов 2012: 19].

Стремясь предотвратить распад «навязанного консенсуса» и сохранить консолидированность элит, власть, прогнозировал Рогов, будет повышать уровень авторитарности, а это-де в условиях растущего спроса на демократию создаст новые и возрастающие риски. Концепция К. Рогова несёт на себе, на мой взгляд, печать иллюзий, связанных с завышенной оценкой протестных акций в Москве конца 2011 – весны 2012 гг. Справедливости ради следует отметить, что возможность «консолидации демократического режима» К. Рогов отнёс к периоду после 2020 г.

Борис Дубин, возглавлявший отдел социально-политических исследований Левада-Центра до своей кончины в августе 2014 г., в книге «Россия нулевых» сосредоточил внимание на том *общем* в представлениях большинства россиян, что характеризует собирательное «мы» в противоположность «им», т. е. власти [Дубин 2011]. Преобладающая часть россиян, констатировал он, ограничивается в повседневных коммуникациях кругом ближайших родственников и друзей. Доверять можно только им. И только это пространство можно как-то контролировать. Всё остальное лежит за пределами возможного контроля снизу.

К тому же большинство считают, что политика – вообще не их дело. Фактически «низы» делегируют право на управленческие макрорешения и ответственность за них «верхам». Власть, политика считаются чем-то грязным, коррупционным, где все продажны, все действуют под влиянием корыстных интересов. Таков стереотип представлений о чиновниках, депутатах, бизнесменах, тех, кто олицетворяют власть. Правят «они», а не «мы».

Общее для россиян усматривается и в том, что большинство ориентировано на адаптацию к существующим условиям. Причём часто это *адаптация* «понижающая» (термин Юрия Левады), т. е. готовность со временем удовлетворяться меньшим и, соответственно, предъявлять меньше требований к условиям окружающей жизни.

Другая общая черта, отмеченная Дубиным, – *амбивалентность* ориентаций и оценок. В психологии россиян прослеживаются два кода: один – уничижительный (я – маленький человек, от которого ничего не зависит), другой – возвышающий (мы – великая держава и нужно, чтобы другие это признавали и с этим считались). Эта двойственность, по мнению Б. Дубина, характерна для русской культуры двух последних столетий, она и по сию пору остаётся постоянным механизмом смыслопорождения, формирования образов «себя» и «других», их соотношения. Здесь причудливым образом соединяются представления о себе, какими бы мы хотели себя видеть или быть, и обида по поводу того, что страна не занимает сейчас того места в мире, на которое вправе претендовать.

Историко-социологическая гипотеза

В эволюции общественного мнения на протяжении последних десятилетий можно усмотреть признаки цикличности. Но можно также предположить, что видимые колебания массового сознания происходят вокруг некой доминанты, определяемой более глубокими причинами. Эти причины, на мой взгляд, коренятся в особенностях российской истории, а точнее «истории с географией» (если вспомнить гоголевское: «многое в истории разрешает география»).

Одна из главных – тенденция к сверхцентрализации власти, которая просматривается на протяжении многих столетий. «Россия, по своему естественному, т. е. географическому, положению должна иметь самодержавный образ правления» – таков центральный постулат знаменитого «Наказа» Екатерины II [Ключевский 1989: 75]. Самодержавие, т. е. монархия в её абсолютистской форме, просуществовало в России дольше, чем где-либо в Европе. Все попытки ограничить самодержавие –

как со стороны аристократической (боярской) оппозиции или церкви, так и со стороны дворянских революционеров – потерпели неудачу [Холодковский 2013: 301].

Объяснение этому следует, видимо, искать в тех особых условиях, которые на протяжении столетий определяли формирование российской государственности. Это, прежде всего, огромная протяжённость территории, её вековое расширение в стремлении достичь защищаемых естественных рубежей; трудности хозяйственного освоения этой территории, усугубленные преобладающим на большей её части суровым континентальным климатом; рассредоточение населения на этом необъятном пространстве; его этническая, конфессиональная и социокультурная неоднородность; относительная обособленность локальных миров; особая значимость местной идентичности в ущерб общенациональной¹.

В этих условиях моноцентризм власти выступал как государственная необходимость, диктуемая «силой вещей». Этого требовали задачи отражения внешних угроз, удержания завоёванных территорий, сохранения целостности страны, управления ею. Государство становилось главным социальным интегратором, компенсируя слабость внутренних связей в социуме, но обременяя его одновременно засильем бюрократии и избыточными издержками контроля. Крайне низкий уровень прибавочного продукта способствовал длительному сохранению общинных традиций и крепостного права, а это, наряду с помещичьим и фискальным гнѐтом, сдерживало социально-экономическое развитие, обуславливая отставание от Запада [Милов 2001].

Система самовластия не могла бы сохраняться столь долгое время, если бы не некоторые особенности народной психологии, обусловленные спецификой развития российского социума. Такие, как преклонение перед сакральной властью государя, ставшие привычными патерналистские ожидания, долготерпение, покорность, прерываемые время от времени «бессмысленными и беспощадными» бунтами. В крестьянской массе царская власть воспринималась как противовес произволу помещиков и местных властей. В оппозиции «мы» и «они» представление о «нас» подразумевало не только сельский «мир», но обязательно царя и Бога [Литвак 1971: 209].

Сталинизм в своеобразной форме воспроизвѐл эти черты народной психологии, унаследованной от прошлого. Поощрялись возвеличение и идеализация Ивана Грозного, Петра I, что должно было служить историческим оправданием «варварских методов» модернизации, утверждения националь-

¹ В старину у местного населения принято было говорить: «мы рязанские», «мы псковские» и т. п. А в наше время связь со своим городом, деревней, селом чувствуют «очень сильно» или «довольно сильно» соответственно 24 и 38%, со своей областью, краем, республикой – 20 и 36%, с Россией – 24 и 38%.

ных интересов в их великодержавной трактовке и укрепления государственной власти. С именем Сталина по сей день в сознании многих россиян связана идея «сильной власти». Согласно опросам, не менее половины россиян в основном положительно оценивают его роль в истории страны, причём доля таких оценок в последние годы росла.

Склонность Б. Ельцина, первого после распада Советского Союза российского президента, к самовластию и самодурству не помешала его популярности. Приблизённые в своём кругу называли его «царем». Мифологема «царь и бояре» оказалась у нас очень живучей. «Продавленная» Ельциным в 1993 г. Конституция, основанная на принципе «сильной президентской власти», по своему основному смыслу была фактически направлена на реставрацию авторитаризма [Шейнис 2014].

В. Путин, став Президентом Российской Федерации, оказался перед лицом серьёзных вызовов: как укрепить расшатанную российскую государственность, обеспечить целостность страны, подрываемую сепаратизмом, восстановить международный престиж России и её позиции в мире. Он нуждался в поддержке общества и получил её. Позиционируя себя как государственника, приверженца традиционных ценностей, он учитывает, несомненно, отмеченные выше особенности массового сознания той немалой части российского электората, которая склонна оценивать его правление по критериям сильной власти, порядка, стабильности, великодержавности. Политическая система «беневоленного авторитаризма» отразила доминирующие в массовом сознании черты, а консерватизм был официально провозглашён идеологией правящей партии.

В распоряжении власти немало рычагов прямого или косвенного воздействия на массовое сознание, которыми она широко пользуется. Это и создаваемые или поддерживаемые Кремлём провластные партийные и общественные структуры, и подконтрольные ему федеральные телевизионные каналы, и организация массовых зрелищ, и государственная политика патриотического воспитания, и выстраивание «национальной идеологии», представление о которой сильно напоминает знаменитую триаду графа Уварова – «православие, самодержавие, народность». Сложившиеся отношения с РПЦ в чём-то похожи на «симфонию» светской и духовной власти по византийскому образцу.

Показательно и то, какое заметное место в телевизионной пропаганде последних лет (при активном участии видных деятелей в мире культуры и политики) заняли сюжеты, содержащие идеализацию монархии как формы правления, прославление российских самодержцев как творцов мощи и величия российского государства, радетелей народного блага. О многом

В распоряжении власти немало рычагов прямого или косвенного воздействия на массовое сознание, которыми она широко пользуется.

говорит кампания по случаю 400-летия «Дома Романовых». Российским самодержцам посвящают выставки, снимают сериалы, им ставят памятники. Это не остаётся без последствий: многие россияне в принципе одобряют монархический принцип правления.

Специалисты-психологи говорят об изменении национального российского психотипа. Выросли все отрицательные характеристики: налицо высокая степень взаимного недоверия граждан; ослабло уважение к окружающим, закону, власти, упала трудовая мораль. Казалось бы, этому должен препятствовать возросший уровень религиозности, но тут она себя заметным образом не проявила. Зато проявилась в другом: множество людей (не без влияния средств массовой информации) верят в религиозные чудеса. Вместе с тем в обществе стало больше алчности, злости, агрессивности, насилия, жестокости, жульничества; меньше порядочности, человечности, доброты¹.

Если в перестроечные годы советский авторитарный режим был отвергнут, как говорится, «на уровне культуры», то нынешнее падение уровня культуры и нравственности, навязанное скороспелым и нецивилизованным рыночным порядком, играет, по-видимому, в пользу власти, облегчая манипулирование массовым сознанием, позволяя настраивать провинцию, «настоящих русских», против так называемой несистемной оппозиции.

Что принёс украинский кризис?

События в Украине, развернувшиеся с ноября 2013 г., и последовавшее затем присоединение Крыма к России в марте 2014 г. обозначили новую ситуацию, которая не могла не сказаться как на массовом сознании, так и на внутренней политике. Большинство россиян восприняло бесчинства украинских ультранационалистических сил с возмущением, а принятое по результатам народного волеизъявления крымчан решение о воссоединении Крыма с Российской Федерацией – как восстановление исторической справедливости. В сознании россиян Крым и после распада Советского Союза оставался российским, несмотря на административное переподчинение его Киеву в советское время. Большинство россиян поддержали политику российского руководства в связи с украинским кризисом.

Подъём патриотических чувств по случаю возвращения Крыма повлиял на общее состояние массового сознания в других отношениях. Показательно, как изменилось пред-

¹ См., например: Интервью с психологом С. Н. Ениколоповым // Комсомольская правда. 9 января 2014 г.

ставление о положении дел в России: в марте–ноябре 2014 г. примерно 60% респондентов высказывали мнение, что страна движется в правильном направлении, и лишь 22–26% не соглашались с этим, тогда как ещё осенью 2013 г. соотношение было обратным – соответственно 40 против 43%. На вопрос, является ли Россия демократическим государством, в марте 2014 г. утвердительно ответили 46%, тогда как за год до этого – 37%. Увеличилось число сторонников «сильной руки». Вновь стала набирать поддержку идея «особого пути» России. Активизировались националисты. Ухудшилось отношение к США, вообще к Западу. Резко пошёл вверх индекс доверия Путину, одобрения его деятельности.

Насколько устойчивыми окажутся эти подвижки в среднесрочном плане, покажет будущее. Судя по опросам, некоторые черты массового сознания россиян, характерные для постсоветского периода, не претерпели существенных изменений. Остаётся недовольство положением дел в сфере ЖКХ, в здравоохранении, в сфере образования и науки, раздражает засилье бюрократии, масштабы коррупции, так же велика неприязнь к олигархам-миллиардерам. Сохранилась приверженность «порядку» как главной ценности, по-прежнему большинство сторонится политики, а показатели ожидания протестных акций и готовности в них участвовать к августу 2014 г. снизились даже по сравнению с концом 2013 г.

То, что ранее в кругах либеральной оппозиции склонны были интерпретировать как повышение «спроса на демократию» и предвестие «большого поворота», оказалось не столь значительным, чтобы перевесить общий консервативный настрой. Больше стало тех, кто поддерживают «закручивание гаек» во внутренней политике. Киевский «майdan» на первых порах вдохновил наших либералов, однако они сильно дискредитировали себя в глазах общества, безоговорочно приняв сторону новой киевской власти и уклонившись от должной оценки бесчинств ультраправых националистов в Украине, а тем самым ещё больше дискредитировали планы радикального преобразования российской политической системы по модели идеализируемой западной демократии.

Особенности политической системы любой страны – продукт исторического развития нации, общества, государства в «заданных» по отношению к ней внешних условиях. Общественный строй, справедливо отмечает академик М. К. Горшков, «не пустая и мёртвая оболочка, которую можно менять, как кому заблагорассудится. Он неразрывно связан с жизнью народа, с природой и размерами страны, её геополитическим положением, историческими судьбами, более того – с характером и духом народа, т. е. с его религией, обычаями, уровнем правосознания или культуры в целом». И добавляет: «действенные политические и экономические формы создаются

не логически, но историческим путём: каждый народ приходит к ним самостоятельно в процессе собственного развития» [Горшков 2012: 9].

Такое понимание не предполагает, конечно, ни согласия с реакционными веяниями, которые тянут общество назад, мешают поступательному развитию, ни отрицания права граждан требовать перемен. Нарастание экономических трудностей, рост цен, тарифов, валютный кризис, страх потерять работу порождают у многих неуверенность в будущем. Запрос на перемены присутствует в обществе, хотя сторонников «более быстрых, решительных перемен» стало меньше. К тому же в это вкладываются разные смыслы: национал-патриотов и радикальных левых у нас, скорее всего, больше, чем тех, кто поддержал бы реформы неолиберального толка. Большинство же настроено на то, чтобы при осуществлении необходимых реформ действовать «осторожно, осмотрительно». Но нельзя исключать и обострения кризиса власти, которое может проявиться в связи с будущим электоральным циклом 2016–18 гг., а возможно и раньше.

Библиографический список

Волков Д., Гончаров С. 2014. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет. М.: Левада-Центр. 58 с.

Горшков М. К. 2012. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики // Россия реформирующаяся. Вып. 11. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф. С. 3–26.

Грушин Б. А. 1987. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат. 368 с.

Гудков Л. 2013. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе // Вестник общественного мнения. № 3–4 (116), июль-декабрь. С. 118–179.

Дубин Б. 2011. Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. М.: РОССПЭН. 391 с.

Канетти Э. 2011. Масса и власть / Пер. с нем. М.: Астрель. 574 с.

Ключевский В. О. 1989. Сочинения. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. М.: Мысль. 476 с.

Литвак Б. Г. 1971. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX века // История и психология. М.: Наука. С. 199–214.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Сочинения. Издание второе. Том 2. М.: Госполитиздат.

Милов Л. В. 2001. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН. 573 с.

Ортега-и-Гассет Х. 2008. Восстание масс / Пер. с исп. М.: АСТ. 352 с.

Поршнева Б. Ф. 1979. Социальная психология и история. М.: Наука. 235 с.

Рогов К. Ю. 2012. Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra. № 4–5 (56), июль-октябрь. С. 6–32.

Хевеши М. А. 2001. Толпа, массы, политика. Историко-философский очерк. М.: ИФРАН. 223 с.

Холодковский К. Г. 2013. Самоопределение России. М.: РОССПЭН. 326 с.

Шейнис В. Л. 2014. Власть и закон. Политика и конституции в России в XX и XXI веках. М.: Мысль. 1088 с.

Rose R., Mishler W., Munro N. 2011. Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians. Cambridge, Cambridge University Press. 206 p.

Masses and Power: Mass Consciousness and Political System in Russia

Veber Alexander Borisovich

Doctor of historical sciences, senior researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: mailbox@polisma.ru

Abstract. Why does the existing system of power in modern Russia, despite its obvious faults in terms of the essential criteria of democracy, nevertheless enjoy broad mass support? One should look for the answer, in particular, in the special characteristics of mass consciousness of Russians. Opinion polls show a high level of support for the idea of strong power and for the values of order and stability as a priority to the principles of liberal democracy, as well as the prevalence of paternalistic expectations. At the same time, the overall picture is mixed, leaving the possibility of different interpretations. The author presents his hypothesis, linking typical characteristics of mass consciousness of Russians with features of the history of the country, the specific conditions in which the Russian statehood, the type of culture and people's mentality were formed over many centuries. The current regime is finding support in popular consciousness because it bears, like the political system itself, the seal of these conditions. The political systems not constructed in accordance with some ideal model cannot be stable in the long-term, and are a product of historical development of the nation, society and state under the given external conditions.

Keywords: society, mass consciousness, core values, political system, authoritarianism, democracy.

References

Dubin B. Rossiya nulevykh: politicheskaja kul'tura, istoricheskaja pamiat', povsednevnaia zhizn' [Russian in first decade of XXI century: political culture, historical memory, everyday life]. Moscow, ROSSPEN, 2011. 391 p.

Gorshkov M. K. Grazhdanskoe obschestvo i grazhdanskaja kul'tura v sovremennoj Rossii: opyt sociologicheskoy diagnostiki [Civil society and civic culture in modern Russia: the experience of sociological diagnosis]. Rossiya reformirujushchajasja. Vyp. 11. Ezhegodnik / ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novy khronograf, 2012. 480 p.

Grushin B. A. 1987. Massovoe soznanie: Opyt opredelenija i problemy issledovanija [Mass consciousness: Experience of the definition and research problems]. Moscow, Politizdat. 368 p.

Gudkov L. Chelovek v nemoral'nom prostranstve: k sociologii morali v posttotalitarnom obschestve [Man in immoral space: the sociology of morality in the post-totalitarian society]. – Vestnik obschestvennogo mnenija, 2013, No 3–4 (116), pp. 118–179.

Heveshi M. A. Tolpa, massy, politika. Istoriko-filosofsky ocherk [The crowd, mass, politics. Historical and philosophical essay]. Moscow, IFRAN. 2001. 223 p.

Kanetti E. Massa i vlast' [Mass and power]. Moscow, Astrel', 2011. 574 p.

Kholodkovsky K. G. Samoopredelenie Rossii [Self-determination of Russia]. Moscow, ROSSPEN, 2013. 326 p.

Kliutchevsky V. O. Sochinenija [Works]. Vol. 5. Kurs russkoy istorii [Course of Russian history]. Part 5. Moscow, Mysl', 1989. 476 p.

Litvak B. G. O nekotoryh chertah psihologii russkih krepostnykh pervoy poloviny XIX veka [Some features of the psychology of Russian serfs of the first half of the XIX century]. – Istorija i psihologija. Moscow, Nauka, 1971, pp. 199–214.

Marx K., Engels F. Sochinenija [Works]. Second edition. Vol. 2. Moscow, Gospolitizdat, 1955.

Milov L. V. Velikorussky pakhar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa [Great plowman and features of the Russian historical process]. Moscow, ROSSPEN, 2001. 573 p.

Ortega-y-Gasset H. Vosstanie mass [Mass uprising]. Moscow, AST, 2008. 352 p.

Porshnev B. F. Social'naja psihologija i istorija [Social philosophy and history]. Moscow, Nauka, 1979. 235 p.

Rogov K. Y. Politicheskie cikly postsovetskogo tranzita [Political cycles of post-Soviet transition]. – Pro et Contra, 2012, No 4–5 (56), pp. 6–32.

Rose R., Mishler W., Munro N. Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. 206 p.

Sheynis V. L. Vlast' i zakon. Politika i konstitucii v Rossii v XX i XXI vekah [Power and law. Politics and constitutions in Russia in XX and XXI centuries]. Moscow, Mysl', 2014. 1088 p.

Volkov D., Goncharov S. Potencial grazhdanskogo uchastija v reshenii social'nykh problem. Svodny analitichesky otchiot [The potential of citizen participation in solving social problems. Consolidated analytical report]. Moscow, Levada-ctntre, 2014. 58 p.

Массовое сознание и консолидация общества

Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности

Козырева Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Смирнов Александр Ильич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования динамики социальной адаптации, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: smir_al@bk.ru

Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности

Аннотация

В статье на основе данных социологических исследований, выполненных Институтом социологии РАН, рассматриваются особенности политического доверия в постсоветской России, выступающего одним из ключевых факторов политического процесса, играющих огромную роль в обеспечении политической стабильности и поступательном развитии общества. Анализ показал, что политическое доверие непосредственно связано с реализацией основополагающих идей и принципов демократии, является важнейшим условием расширения и углубления демократических процессов, создания полноценного гражданского общества в современной России. Установлено наличие непосредственной связи степени и распространённости политического доверия с результатами рыночных и демократических реформ 1990-х и 2000-х гг. И в то же время выявлен огромный разрыв в показателях доверия россиян в целом и отдельных групп граждан к тем или иным политическим лидерам, основным властным институтам, который сохраняется несмотря на существенное повышение уровня доверия к отдельным политическим субъектам, отмеченное в самые последние годы. Подобная несбалансированность, разбросанность становится одной из причин нынешней противоречивости массового общественно-политического сознания. С учётом этих важных обстоятельств предпринята попытка поставить и обсудить вопрос о поиске оптимальных границ доверия к политическим лидерам, институтам государственной власти и политическим партиям, рассмотреть последствия экстремальных уровней доверия и недоверия в политике. Прослеживается зависимость институционального доверия от межличностного в политической сфере. Значительное внимание уделяется характеристике и анализу основных причин недоверия граждан к политическим и общественным институтам, общественно-политическим организациям, результаты которого позволяют наметить пути нейтрализации или преодоления выявленных проблем.

Ключевые слова: государственная власть, гражданское общество, демократия, оптимальность, политический капитал, политическое доверие

Анализ содержания и тенденций политических процессов в современной России убеждает, что политическое доверие является важнейшим феноменом политической действительности, серьёзнейшим фактором, обеспечивающим функционирование и развитие общества. Как один из ключевых элементов политической жизни, политическое доверие выступает неотъемлемым условием успешной деятельности институтов государственной власти, политических партий и организаций, государственных и политических деятелей.

Доверие относится к числу наиболее объёмных и размытых понятий, улавливаемых нередко на интуитивном уровне, т. е. понятий, которые принято относить к многомерным или многозначным ментальным образованиям. Именно по причине этой многогранности и расплывчатости не удаётся найти определение политического доверия, которое было бы исчерпывающим и всеобъемлющим. В самом общем плане политическое доверие означает уверенность граждан страны (или некоторой их части) в правильности политических позиций и действий тех или иных политических сил, институтов, государственных и политических деятелей, соответствии их политических позиций своим собственным убеждениям, в способности конкретных политических субъектов реализовать провозглашённые цели и программные установки, готовность оказывать им поддержку. И в то же время политическое доверие – это не только доверие к тем или иным политическим субъектам, но и доверие к политике в целом. Оно в определённой мере отражает уровень развития политического сознания, характеризует отношение граждан конкретным субъектам политической жизни, выступает одним из важнейших показателей их авторитета.

Политическое доверие предполагает превентивную оценку, сочетающую в себе рациональное и эмоциональное начала, и поддержку гражданами на основе собственного или чужого опыта позиции или конкретных действий того или иного политического субъекта. В отличие от слепой веры, доверие возникает в процессе социального взаимодействия, находится в сфере компетенции человеческого познания и поэтому нуждается в некоторых доказательствах или основаниях. Такими основаниями политического доверия могут быть общая политическая компетентность, информированность о конкретных политических событиях, авторитетное или общепринятое мнение, жизненный, политический и иной опыт, которые формируют некоторые ожидания, уверенность или убеждённость, обеспечивающие поддержку позиции или действий политического субъекта. Распространёнными примерами проявления доверия в конкретных ситуациях являются уверенность в легитимности политического режима, ожидания, связанные с деятельностью институтов власти различного уровня, отношение к государственным деятелям, ведущим политическим лидерам, представителям политической элиты, поддержка позиции политической партии, оценка её деятельности и др.

Но некоторые исследователи придерживаются иных точек зрения. По мнению одних, доверие в политике нередко бывает немотивированным, спонтанным и даже иррациональным [Белянин, Зинченко 2010: 45]. Другие же полагают, что в отличие от личного доверия, которое базируется на эмпирическом опыте, политическое доверие выражается без глубокого погружения в суть проблемы и предстаёт в виде

спектра мотиваций политической поддержки, объединённых одним общим свойством – в их основе лежит не опыт, а вера. Эта вера носит эмоциональный характер, а иногда напоминает религиозное чувство [Москвин 2011: 68].

В последнее время в России наблюдается значительное усиление интереса к изучению проблем политического доверия, играющего важную роль в развитии демократических процессов, обеспечении политической стабильности и устойчивости функционирования политической системы. В связи с этим важно отметить, что практически все научные концепции, развивающиеся в рамках теории политической культуры, в качестве одной из главных предпосылок демократии включают широкое распространение таких культурных норм и ценностей, которые предполагают признание демократических принципов, доверие к основным государственным и политическим институтам, межличностное доверие, политическую толерантность, чувство гражданственности и т. п. Это те установки и ценности, которые, как правило, ассоциируются с «гражданской культурой» Г. Алмонда и С. Вербы [Almond, Verba 1963].

Но при этом нельзя игнорировать тот факт, что в демократическом обществе политическое доверие не может быть постоянно устойчивым и безграничным. Наличие определённого недоверия к институтам власти в условиях демократии объясняется пониманием несовершенства любого устройства общества, того, что даже самая современная демократия не гарантирует выдвижения на вершины власти только добросовестных, честных, добропорядочных граждан. Акцентируя внимание на этой исключительно важной мысли, Р. Дальтон отметил, что гражданин демократического общества – это тот, кто верит в индивидуальную свободу и кто политически толерантен; кому свойственно определённое недоверие к политическим властям, но кто в то же время доверяет своим согражданам; кто послушен, но, тем не менее, готов отстаивать свои права перед государством; кто принимает государство, сдерживаемое законом, и кто поддерживает основные демократические институты и процессы [Dalton 1994: 469–493]. Обращаясь к российской действительности, не сложно увидеть, что по ряду перечисленных критериев очень многих россиян трудно отнести к гражданам демократического общества.

Согласно данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)¹ и результатам ряда других исследований наибольшим

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Российской академии наук. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/org/hse/rllms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rllms>).

доверием у россиян пользуется президент (около 80%). Свыше половины граждан доверяют церкви, религиозным организациям и армии. За ними с 10-процентным отрывом следует правительство, а затем с ещё большим отрывом Совет Федерации, Государственная дума и средства массовой информации. Только около трети россиян доверяют прокуратуре, около четверти – профсоюзам, судам и местным органам власти. И, наконец, менее одной пятой опрошенных доверяют полиции и политическим партиям. Причём анализ данных, полученных Левада-Центром осенью 2014 г., показал, что за последний год уровень доверия россиян к большинству институтов власти повысился [Доверие институтам... 2014]. Объяснить это можно возросшей поддержкой населением политического курса, который проводит сегодня руководство страны, и усилением сплочённости граждан в ответ на мощное политическое и экономическое давление западных стран. Обладая таким огромным кредитом доверия, политическая элита получила, по сути, мандат на лишённое эффективного контроля управление государством. В отсутствие развитой системы политической конкуренции, учёт мнений, взглядов и интересов тех или иных групп населения и оппозиционных политических сил становится преимущественно добровольным делом власти.

Характерно, что доверие к институтам власти зависит от ценностных ориентаций, политических и экономических позиций и предпочтений индивидов. Но эта зависимость оказывается крайне противоречивой и неоднозначной. Анализ, в частности, выявил, что сложившаяся картина доверия во многом отражает предпочтения респондентов, для которых социальные гарантии являются приоритетными по отношению к гражданским правам. Россияне больше доверяют тем институтам власти, деятельность которых непосредственно связывается с обеспечением важнейших прав и социальных гарантий (право на жизнь, право на медицинскую помощь и социальную защиту, право на бесплатное образование и равный доступ к образованию, право на работу, хорошие условия и справедливую оплату труда и т. д.). Гораздо меньшим доверием пользуются институты, помогающие реализовывать гражданские и политические права. Участие в политической жизни не воспринимается большинством россиян как инструмент изменений, а право пользоваться такого рода инструментами не особенно ценится.

Но в эту картину не очень-то органично вписывается тот факт, что уровень доверия к институтам власти повышается вместе с ростом оценки значимости демократических ценностей. Так, среди респондентов, которые отмечают особую важность для страны свободных и честных выборов, доля лиц, доверяющих правительству, оказалась почти в три раза больше, а доля не доверяющих почти вдвое меньше, чем

Обладая огромным кредитом доверия, политическая элита получила, по сути, мандат на лишённое эффективного контроля управление государством. В отсутствие развитой системы политической конкуренции, учёт мнений, взглядов и интересов тех или иных групп населения и оппозиционных политических сил становится преимущественно добровольным делом власти.

среди тех, кто придерживается противоположного мнения. Аналогичные тенденции наблюдались и в отношении других институтов власти. Одним из вероятных объяснений этого является наличие взаимосвязи институционального и межличностного доверия. Как в своё время установили Г. Алмонда и С. Верба, межличностное доверие является базовым условием формирования вторичных ассоциаций, которые, в свою очередь, необходимы для обеспечения эффективного политического участия в любой демократической системе [Almond, Verba 1963].

Интереснейшим феноменом современной политической жизни является огромное доверие россиян к Президенту РФ В. В. Путину, которое сохраняется на протяжении многих лет, независимо от характера, темпов происходящих в стране изменений и несмотря ни на какие кризисы, неурядицы и протестные действия. Во всех российских рейтингах наиболее авторитетных и популярных политиков он неизменно занимает первое место, намного обходя своих ближайших соперников. Не смогли снизить уровень доверия к В. В. Путину ни военный конфликт на юго-востоке Украины, ни последовавшее за ним ухудшение экономической ситуации в стране и снижение уровня жизни населения России. Наоборот, в условиях роста враждебности со стороны западных стран люди попытались консолидироваться вокруг своего лидера.

Особый интерес данный феномен вызывает прежде всего потому, что, доверяя президенту страны и одобряя его деятельность, люди одновременно выражают недоверие власти в целом и большинству властных институтов. Одним из объяснений этого является то, что для многих россиян В. В. Путин выступает главным символом стабильности, порядка и нового курса реформ, образцом поведения настоящего политика, правильного отношения к действительности, того, как надо реагировать государственному или политическому деятелю на происходящие события. В массовом сознании с его деятельностью ассоциируются конструктивные решения и главные позитивные перемены в стране. Так, в ходе опроса, проведённого в 2012 г. в рамках мониторинга электорального поведения (МЭП), к выигравшим от путинских реформ 2000-х гг. отнесли себя в шесть раз больше россиян, чем к выигравшим от реформ 1990-х гг. – 36,7 против 6,3% (см. рис. 1). Огромным оказался так же разрыв в количестве «в чём-то выигравших, в чём-то проигравших» (соответственно 39,5 и 21,8%).

Другое объяснение сложного, противоречивого отношения к властям разного уровня вытекает из противоречивости самого процесса трансформации властных отношений и его закрытости от общества. Как давно отмечают исследователи, для современной России характерно «свёртывание публичной сферы вообще и публичной политики в особенности»

[Ворожейкина 2002: 38]. Если результаты экономических и демократических реформ лежат на поверхности и хорошо видны, проникают в жизнь каждого человека, затрагивают его интересы, то изменение властных отношений, как правило, скрыто от населения плотной завесой вымыслов, тайн и мифов. Общество, как и прежде, остаётся в неведении относительно реальных причин перемен во власти, а, следовательно, не может в этих переменах участвовать. Внезапные кадровые перестановки на высшем уровне являются неожиданными не только для общества, но и для наиболее осведомлённых политических аналитиков, приближенных к президентской администрации. Даже маститые политологи и другие опытные специалисты склоняются к тому, что прогнозировать развитие политической ситуации в России практически невозможно.

Для многих россиян В. В. Путин выступает главным символом стабильности, порядка и нового курса реформ, образцом поведения настоящего политика, правильного отношения к действительности, того, как надо реагировать государственному или политическому деятелю на происходящие события.

Даже маститые политологи и другие опытные специалисты склоняются к тому, что прогнозировать развитие политической ситуации в России практически невозможно.

Рис. 1. Оценки влияния результатов реформ 1990-х и 2000-х гг. на жизнь респондентов и их семей, %

Всё вышесказанное во многом объясняет, почему почти половина россиян в очень непростом для В. В. Путина в 2012-ом «протестном» году положительно оценили принятое в 2008 г. решение об увеличении срока полномочий Президента РФ с четырёх до шести лет (см. рис. 2). Среди «знаковых» событий, предложенных респондентам для оценки, более высокую поддержку получила только частичная замена льгот денежными выплатами, проведённая правительством России в 2005 г. (полностью и скорее поддержали 55%),

т. е. инициатива, затрагивающая самые насущные интересы подавляющего большинства россиян. Вместе с тем, когда речь идёт об изменениях, которые не имеют прямого отношения к деятельности В. В. Путина, но противоречат основополагающим демократическим принципам, их поддержка заметно падает. Так, отмену прямых губернаторских выборов (декабрь 2004 г.) поддержали только 26,9% опрошенных россиян, тогда как 49,9% заняли противоположную позицию. И в то же время 46,8% поддержали создание Общественной палаты (апрель 2005 г.), что почти в пять раз больше, чем доля тех, кто не одобрил это решение (10,5%).

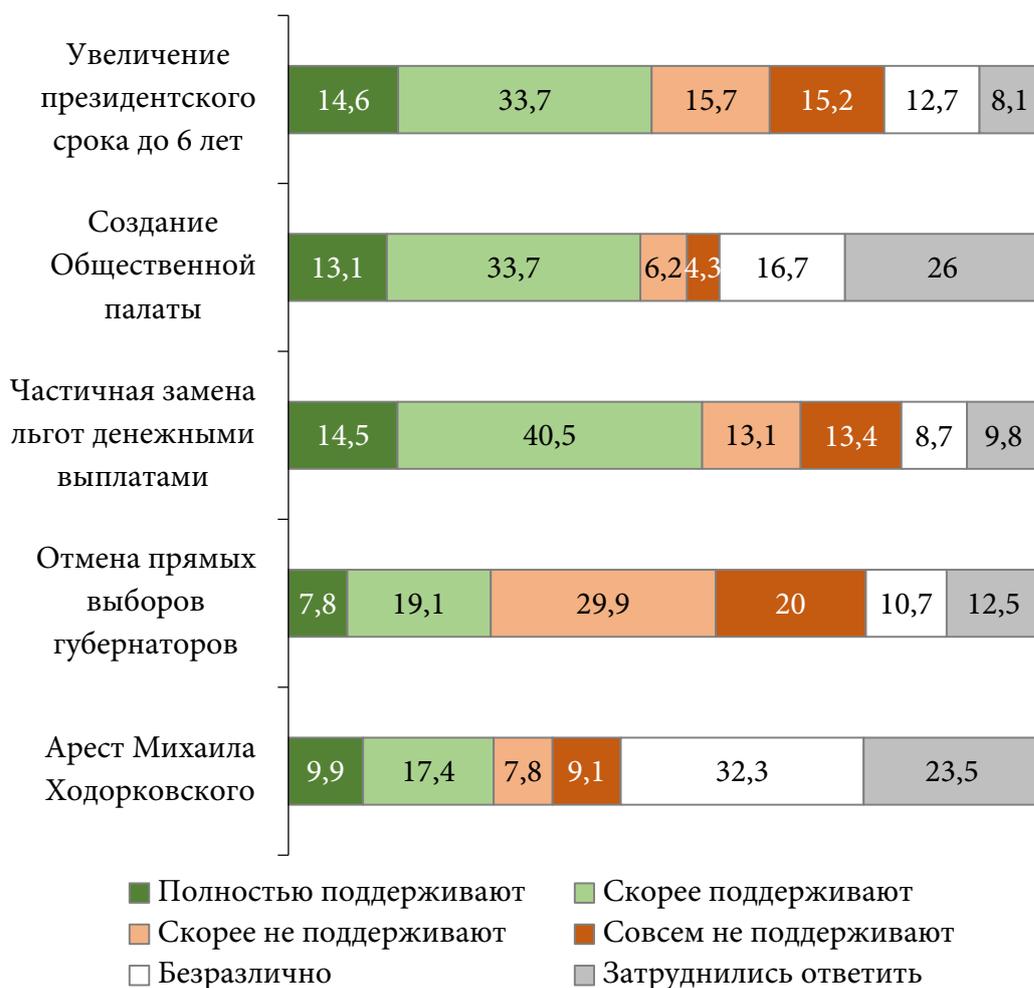

Рис. 2. Отношение населения к «знаковым» событиям, %

Значительным является влияние такого фактора, как авторитет Президента России В. В. Путина, и на электоральные предпочтения россиян. Около 80% респондентов, голосовавших за «Единую Россию» на выборах в Государственную думу в декабре 2011 г., указали, что при принятии ими этого решения *очень важное* или *важное* значение имело то, что председателем партии был В. В. Путин. Вместе с тем среди тех, кто проголосовал за В. В. Путина на президентских выборах в марте 2012 г., только 48,9% респондентов отметили, что при принятии данного решения учитывали, что он выдвинут

«Единой Россией». В. В. Путин является в последние годы самым популярным и востребованным политиком в России, о чём свидетельствуют результаты опроса населения в 2012 г. (см. таблицу 1). 97% опрошенных россиян считают его умным и знающим человеком; 92,8% – сильным и волевым руководителем; 70,4% – честным, ответственным человеком, заслуживающим доверия; 64,4% – руководителем, действительно думающим об интересах простых людей. Многие респонденты отмечают его властность, целеустремлённость, находчивость, сметливость, политическую грамотность, отличную память и т. д.

Таблица 1

Оценка востребованности различных публичных политиков, %

Ф. И. О	Его время прошло	Необходим сейчас	Его время ещё не наступило	Не известен	Затруднились ответить
Путин В. В.	17,0	75,7	1,5	-	5,8
Медведев Д. А.	39,2	41,3	11,2	0,1	8,2
Прохоров М. Д.	2,7	6,8	59,9	12,0	18,6
Навальный А. А.	4,2	1,5	10,2	67,3	16,8
Немцов Б. Е.	45,1	1,2	11,1	21,2	21,4
Удальцов С. С.	7,1	0,8	9,4	63,9	18,8

Существующий в России огромный разброс в показателях доверия к институтам власти актуализирует вопрос о его оптимальных границах. Как показывает практика, и дефицит доверия, и избыток доверия выступают барьерами на пути укрепления демократических устоев общества. Значительный дефицит доверия ограничивает возможности властей и снижает активность граждан, препятствует развитию интеграционных процессов в обществе, тормозит принятие и реализацию конструктивных планов и задач. В то же время чрезмерное доверие к институтам государственной власти и политическим лидерам, порождая бесконтрольность и вседозволенность, не может привести ни к чему иному, как к произволу властей, который является первым шагом на пути к усилению авторитаризма. Поэтому, для того чтобы политическое доверие способствовало развитию демократических процессов, его уровень не должен приближаться к экстремальным значениям.

Подобный подход находит поддержку и у специалистов, разрабатывающих теорию оптимальности. Так, на положительное значение позиции социологов, политологов, философов и других учёных, соотносящих понятия экстремума и оптимума, обозначающих аномальные состояния и ситуации как экстремальные, а «нормальные» – как оптимальные, не раз обращал внимание один из ведущих специалистов в данной области О. С. Разумовский. Такая позиция, по мнению учё-

Как показывает практика, и дефицит доверия, и избыток доверия выступают барьерами на пути укрепления демократических устоев общества.

ного, позволяет точнее оценить конкретные отношения действительности, разнообразные «нормы» деятельности, ожидаемые результаты этой деятельности, особенности и парадоксы нашего мышления [Разумовский 1990: 37]. Как показывает опыт, попытки связать друг с другом понятия экстремальности и целесообразности при помощи понятия оптимальности, применительно к политической сфере в исследовательской практике, очень часто оказываются несостоятельными, а в реальной действительности приводят к негативным последствиям.

Чтобы понять это, достаточно представить, к каким тяжёлым последствиям может привести признание целесообразным одного из экстремальных состояний общественно-политической активности граждан. Её снижение до минимального уровня, сопоставимого с пассивностью, ведёт в лучшем случае к утверждению авторитаризма, произволу властей, а нарастание до максимума, сопровождающееся усилением стихийности, преобладанием инициативы над ответственностью, распространением несанкционированных форм активности – к дезорганизации и политической нестабильности. Представляется, что оптимальным может быть такое состояние общественно-политической активности, которое ограничивается, с одной стороны, в направлении антиэнтропийных процессов и характеристик, при которых достигается новое «качество» активности, и, с другой стороны, в направлении энтропийных в целях сохранения стабильности, обеспечивающей нормальное функционирование политических и общественных институтов.

Принимая во внимание вышесказанное, ещё раз следует подчеркнуть, что демократическая форма правления хотя и имеет целый ряд очень серьёзных достоинств и преимуществ в сравнении с другими формами правления, но и она не предполагает ни совершенного гражданина, ни идеального лидера, который способен пользоваться безграничным доверием. «Как бы то ни было, – указывает известный американский историк А. М. Шлезингер-младший, – даже к «хорошим», «подлинно демократическим» лидерам следует относиться с известной долей недоверия. Лидеры не демиурги, а люди, как и все. Непогрешимых вождей нет, и каждому из них надо время от времени напоминать об этом. Беспрекословное подчинение развращает руководителя и унижает идущих за ним граждан» [Шлезингер 1992: 628–629]. Необходимо не только постоянно напоминать об этом политическим лидерам, лицам, возглавляющим структуры политической власти, но и устанавливать определённые политико-правовые механизмы, ограничивающие их власть, контролирующее разделение и распределение властных полномочий, как то: выборность основных органов власти и должностных лиц, их подчинённость и подотчётность избирателям; построение государства по принципу разделения

властей; подконтрольность и ответственность государственных органов, формируемых посредством назначения, перед выборными органами; равенство всех граждан без исключения перед законом; обеспечение демократических прав и свобод; соблюдение прав меньшинства иметь своё мнение и отстаивать его и др.

Реализация демократических принципов, вынуждая должностных лиц находиться в рамках закона и нести ответственность за свои решения и действия, снимает многие причины подозрительности и недоверия к представителям власти, создаёт благоприятные предпосылки для сплочения общества, обеспечения согласованных и эффективных действий граждан. Но на практике довольно часто наблюдаются отступления от этих принципов, что усиливает отчуждение власти от общества, замедляет развитие демократических процессов. Далеко не все важные вопросы, связанные с реализацией демократических принципов, утверждением демократических ценностей и норм, находят понимание в обществе.

Все эти принципы особенно актуальны для российского общества, которое практически никогда не жило в условиях эффективной демократии. По сути, это выражение актуальных требований, обеспечивающих рост доверия к демократическим институтам и формирование современной политической культуры демократического типа. Но в российской истории не демократические принципы, а личность правителя всегда играла колоссальнейшую роль. И сегодня, когда общество пытается двигаться по демократическому пути, огромная масса населения продолжает жить прежней надеждой на сильного и влиятельного лидера, способного подчинить своей воле и повести за собой других людей.

Независимо от того, какая модель демократии реализуется в стране, необходимо, чтобы выборы были честными, суды независимыми, средства массовой информации свободными, чтобы осуществлялся контроль над бюрократией и т. д., что предполагает выполнение определённых, соответствующих демократическим принципам, правил и процедур. Для обычных граждан процедурные вопросы зачастую важны гораздо больше, чем особенности выработки и формирования демократического курса. По тому, насколько они понятны и привычны, как они реализуются, граждане судят о степени демократичности политического режима. Однако в последние годы многие правила и процедуры, обеспечивающие функционирование демократических механизмов, меняются неоправданно часто, что особенно хорошо заметно на примере организации избирательного процесса. Частые и скороспелые изменения электорального законодательства дезориентируют избирателей, тормозят развитие электоральной культуры населения, снижают доверие к избирательной системе и легитимность выбо-

Сегодня, когда российское общество пытается двигаться по демократическому пути, огромная масса населения продолжает жить прежней надеждой на сильного и влиятельного лидера, способного подчинить своей воле и повести за собой других людей.

ров. Многие граждане усматривают в них желание правящей власти получить дополнительные преимущества в конкурентной борьбе, обеспечивающие ей победу на выборах. Понимание предопределённости результатов голосования становится фактором, снижающим доверие к самому институту выборов.

Огромная часть населения относится к выборам, представляющим собой важнейшую форму современной политической жизни, как к определённому государственному ритуалу, рутинной процедуре или бесполезной, но вынужденной общественной обязанности. В российском обществе довольно широко распространено мнение, что «от того, как люди будут голосовать, в стране ничего не изменится». Даже среди тех российских граждан, которые участвовали в выборах в Государственную думу 4 декабря 2011 г., только 54,7% указали, что голосование оказывает значительное или умеренное влияние на ситуацию в стране. Примерно таким же оказался данный показатель (53,8%) среди тех респондентов, которые участвовали в выборах Президента России 4 марта 2012 г.

В массовых слоях населения сохраняется недоверие к сложившейся в России практике организации выборов разного уровня и подсчёта результатов голосования. Так, выражая своё отношение к проведению последних выборов в Государственную думу, которое вызвало немало подозрений, разнотолков и послужило катализатором массового протестного движения, только 34,5% опрошенных назвали их в целом честными (см. рис. 3). Намного меньше сомнений в честности вызвали выборы Президента России. Это выражается прежде всего в более высокой доле респондентов, которые назвали президентские выборы честными (50,8%), и в гораздо меньшей доле лиц, затруднившихся высказать определённое мнение (7,3%).

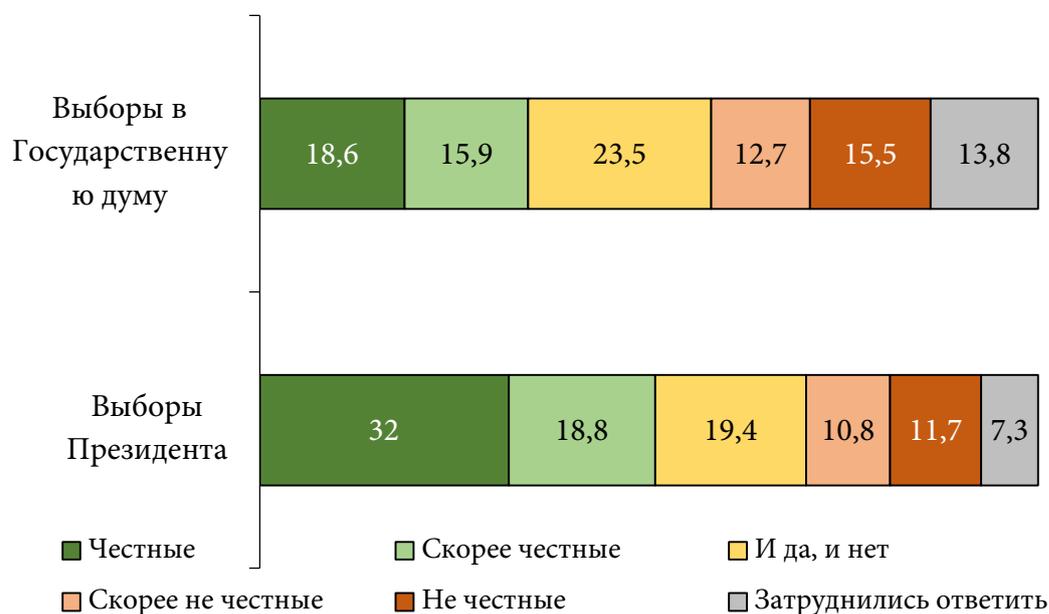

Рис. 3. Оценка честности последних выборов в Государственную думу и выборов Президента России, %

Но в целом большинство респондентов всё же не сомневаются в убедительной и заслуженной победе «Единой России» на парламентских выборах и В. В. Путина на президентских выборах. Так, 12,5% опрошенных россиян отметили, что при условии полностью честных выборов «Единая Россия» набрала бы ещё больше голосов и ещё 45,9% указали, что результат был бы точно таким же или близким к нему. И только 27,7% опрошенных высказали мнение, что в ситуации честных выборов единороссы не набрали бы и половины голосов, т. е. не получили бы большинства мест в Государственной думе. Из них около 23% являются сторонниками оппозиционных партий, тогда как подавляющее большинство не имеют каких-либо партийно-политических привязанностей и не выражают сочувствия ни одной из действующих в России политических партий. Остальные респонденты, доля которых достигает 13,9%, не смогли определиться с ответом. Ещё более убедительной представляется населению победа В. В. Путина на последних президентских выборах. В частности, 14,2% респондентов отметили, что если бы президентские выборы были полностью честными, то он набрал бы ещё больше голосов, а 53,6% указали, что результат в этом случае остался бы прежним, т. е. победным для В. В. Путина и его команды.

Существенным моментом, характеризующим политическое доверие в современном российском обществе, является слабость связей больших групп населения с традиционными партийно-политическими институтами, постоянное расшатывание и деформация партийных привязанностей. Так, всего лишь около 30% опрошенных российских граждан ощущают приверженность к какой-либо политической партии, движению или объединению, о котором они могут сказать: «Это – моя партия, моё движение, моё объединение». Причём 15,8% считают, что конкретная партия или движение отражает их взгляды и интересы полностью, а 14,2% – частично. Среди тех, кто участвовал в выборах в Государственную думу 4 декабря 2011 г., доля граждан, ощущающих партийную привязанность, составила более 35% (среди тех, кто не участвовал – 20%).

Если в 1996 г. львиную долю людей, испытывающих партийную приверженность, составляли сторонники Коммунистической партии (около 60%), то в 2012 г. – сторонники «Единой России» (около 65%). Что касается адептов коммунистов, то их доля за этот период сократилась до 16,3%. Ещё 6,7% пришлось на лиц, симпатизирующих ЛДПР, и около 5,6% – на сторонников «Справедливой России». Аналогичным образом распределились респонденты, указавшие на наличие партии, движения или объединения, которое они не могут назвать «своим», но которое больше других отражает их взгляды и интересы. Характерно, что наиболее высокий уро-

вень партийной приверженности отмечен среди чиновников разного уровня (48,9%), а наименьший – среди студентов высших учебных заведений (16%).

Полное отсутствие или слабая степень политической привязанности зачастую является следствием утраты человеком доверия не только к партийно-политическим структурам, к их деятельности, но и к другим людям. Анализ, в частности, показал, что потеря доверия к окружающим почти вдвое сокращает удельный вес лиц, ощущающих привязанность к какой-либо политической партии, движению или объединению (с 41,3 до 23,1%). В данном случае мы можем наблюдать, как недостаточность доверия, интолерантность, дефицит понимания и взаимного уважения на межличностном уровне генерирует рост недоверия на институциональном уровне, вызывает высокий уровень недоверия к большинству институтов государственной власти, политическим партиям и общественным организациям, бизнесу, экономической и политической элите.

Другим фактором, заметно снижающим ощущение партийно-политической привязанности, который определённым образом связан с фактором межличностного доверия, является повышение уровня образования (с 38,8% среди респондентов с начальным образованием до 27,1% среди лиц с высшим образованием). Последние исследования показывают, что образование создаёт положительные внешние эффекты как в форме повышения горизонтального доверия, так и в форме повышения уровня освоения гражданских норм, большей информированности и более активного участия в политическом процессе [Натхов 2011: 353–373]. Но если пойти дальше, то оказывается, что рост образования, хотя и повышает уровень межличностного доверия, что позитивно сказывается на уровне институционального доверия, в конечном счёте снижает доверие к государственным и общественным институтам в целом, и к политическим партиям в частности, повышая политическую грамотность и информированность граждан. Чем выше уровень образования респондентов, тем выше у них склонность к обоснованному сомнению, вдумчивому осмыслению действительности, они более чётко выражают стремление понять суть происходящих событий, не полагаясь на поверхностные суждения и непроверенные факты. Необходимо сказать также о таких более развитых качествах, как осторожность, осмотрительность и взвешенность.

Низкий уровень доверия населения к политическим партиям, не способным обеспечить решение острых социальных проблем и защиту интересов граждан, является одним из убедительных свидетельств кризиса партийной системы в России. Сегодня ни одна из существующих в России политических партий не имеет массовой социальной базы. Достаточно указать,

Существенным моментом, характеризующим политическое доверие в современном российском обществе, является слабость связей больших групп населения с традиционными партийно-политическими институтами, постоянное расшатывание и деформация партийных привязанностей.

что только 5,4% россиян признают себя членами политических партий и общественных движений. Из них 75,6% – члены «Единой России», большинство которых демонстрируют своё членство в партии «по долгу службы» во властных структурах. В 2012 г. только около 48% опрошенных россиян указали, что «Единая Россия» – это политическая организация единомышленников, в то время как 23,5% назвали её организацией карьеристов без собственных взглядов, 14,4% – объединением людей, взгляды которых по принципиальным вопросам значительно различаются. И 14,1% затруднились сказать что-то определённое о партии власти.

Утрата частью российских граждан чувства близости к традиционным партиям в постсоветский период обусловлена разными причинами. Важную роль играет тот факт, что многие из них, возникнув на начальном этапе радикальных преобразований, сохранили приверженность устаревшим подходам к решению общественных проблем, не соответствующим современной реальности, новым задачам, которые выдвигает динамично меняющаяся жизнь. Инерционность мышления руководства ряда политических партий существенно снизила способность последних адекватно реагировать на новые вызовы, генерировать инновационные подходы к ослаблению и нейтрализации рисков, решению острых проблем политического и социально-экономического развития. Наблюдается усталость от давно надоевших парламентских партий и их бессменных руководителей, огромный дефицит новых авторитетных оппозиционных партий с сильными, харизматическими лидерами. Весомая часть граждан, не ощущая созвучности функционирования политических партий своим интересам, ослабляют внимание к их деятельности. Традиционные партии воспринимаются многими людьми как нечто застывшее, окостенелое, препятствующее поступательному развитию общества, «как часть властвующей элиты, роль которой заключается в том, чтобы канализировать общественное недовольство в нужное властям русло» [Петухов 2012: 268].

Возможности политических партий, играющих большей частью роль статистов на политической сцене, адекватно реагировать сегодня на возросшие запросы и требования людей зачастую оказываются существенно ограниченными или ничтожными. Немаловажное значение имеет и то, что требования, предъявляемые различными группами граждан, а иной раз и представителями одной группы, к политическим партиям и их лидерам, приобретают в целом ряде случаев совершенно разную, в том числе противоположную направленность и мотивированность, что формирует объективную основу для сохранения и усиления недовольства нереализованностью этих требований. Такая разнонаправленность имеет вполне понятную логику. На современном этапе развития общества

Чем выше уровень образования респондентов, тем выше у них склонность к обоснованному сомнению, вдумчивому осмыслению действительности, они более чётко выражают стремление понять суть происходящих событий, не полагаясь на поверхностные суждения и непроверенные факты.

значительно меняется соотношение разных сторон социального опыта людей. Содействуя ослаблению инерционного начала в общественном мировоззрении, эти динамичные процессы ведут к трансформации политической культуры, к снижению зависимости масс от казавшихся незыблемыми традиционных представлений.

По мнению опрошенных граждан, только «Единая Россия» располагает реальными возможностями для реализации заявленных ими намерений (см. таблицу 2). В 2012 г. около половины респондентов МЭП указали, что «Единая Россия» может лучше других партий справиться со сложными задачами подъёма и модернизации экономики (48,2%), обеспечения прав человека и демократических свобод (43,3%), защиты интересов России на международной арене (52,5%). И в то же время только около 8% респондентов позитивно оценили потенциал КПРФ и немногим более 3% – реальные возможности ЛДПР и «Справедливой России» по решению важнейших внутривнутриполитических и внешнеполитических задач. Что касается оценок реальных возможностей остальных политических партий, то они оказались крайне низкими. Кроме того, примерно каждый пятый респондент отметил, что между действующими в России политическими партиями нет существенной разницы, а приблизительно каждый седьмой опрошенный не смог оценить возможности конкретных политических партий в различных сферах деятельности.

Таблица 2

Оценка возможностей различных политических партий, %

Партия	Какая из партий смогла бы лучше других справиться с задачей		
	Подъёма экономики	Обеспечения прав человека и демократических свобод	Отстаивания международных интересов России
Единая Россия	48,2	43,3	52,5
КПРФ	8,7	8,0	7,0
ЛДПР	2,3	3,6	3,3
Патриоты России	0,1	0,4	0,2
Правое дело	1,0	0,4	0,5
Справедливая Россия	3,3	4,1	2,8
Яблоко	1,9	1,8	1,6
Между ними нет разницы	19,5	21,9	17,8
Затруднились ответить	15,0	16,5	14,3

Кроме политических партий, в России создано большое число разного рода добровольных организаций и ассоциаций (некоммерческих, неправительственных), формально независи-

мых от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти, которые служат основой гражданского общества и призваны придавать устойчивость, основательность демократическому порядку. Для них в той или иной степени характерны такие признаки, как автономность деятельности, гражданственность, социальность, добровольность участия и связей. Главной задачей этих организаций является расширение границ свободы и наделение населения властью, вовлечение граждан в процесс социальных изменений. Диапазон их деятельности охватывает чрезвычайно широкий спектр проблем: от развития творческих способностей у детей, экологических вопросов до общественного контроля над правоохранительными органами, защиты прав инвалидов, этнических меньшинств и других категорий граждан. В отношении этих структур гражданского общества доверие выступает основой самоорганизации, совместной деятельности людей, обеспечивает определённый уровень интеграции сообщества, коммуникации индивидов. Граждане, добровольно объединяясь в разного рода организации и ассоциации, вступают во взаимоотношения, реализуя посредством этого свои интересы и пытаясь обеспечивать гармоничное развитие общества без участия государства.

Несмотря на значительные количественные показатели, самодеятельные организации ещё не образуют плотную общественную среду, а результаты их функционирования остаются очень скромными. Как показывает опыт, значительная часть гражданских союзов и общественных объединений независима лишь формально и продолжает тяготеть по ряду причин (материальных, организационных) к властным структурам [Шиманская 2010: 137]. Их деятельность разобщена и мало способствует защите и реализации законных прав и интересов граждан. Во многом по этой причине доверие к этим структурам и степень участия граждан в их деятельности пока незначительны. В обществе пока не сложилось более или менее чёткого понимания того, что сильные и ответственные профсоюзы, принципиальные правозащитные и другие общественные организации, отстаивающие интересы наёмных работников, ассоциации, открывающие новые горизонты доверия, толерантности и взаимопомощи, являются важнейшим условием преодоления бедности и нищеты, снижения аномально глубокой социально-экономической дифференциации, справедливого решения разного рода спорных проблем.

Особое место среди этих институтов гражданского общества занимают профсоюзы, формально являющиеся основными защитниками интересов работающего населения во взаимоотношениях с работодателями, деятельность которых способствует реализации прав трудящегося населения, улучшению условий труда и обеспечению достойной заработной платы

Несмотря на значительные количественные показатели, самодеятельные организации ещё не образуют плотную общественную среду, а результаты их функционирования остаются очень скромными.

наёмным работникам. Однако в настоящее время российские профсоюзы, по оценкам очень многих экспертов, так и «не стали полноценными институтами представительства интересов и защиты прав наёмных работников, реализующими отношения равноценного партнёрства с работодателями в сфере регулирования трудовых отношений» [Мирясова 2013: 327]. Они крайне слабы, зависимы от федеральных и региональных властей, демонстрируют свою несостоятельность и не связаны тесно с другими организациями гражданского общества. Поэтому не случайно они относятся к институтам, которые характеризуются самым низким уровнем доверия у россиян.

Политико-правовой анализ различных институтов и структур гражданского общества выявляет неоправданно медленное развитие и даже некоторое искажение процесса становления местного самоуправления, обеспечивающего автономию граждан по отношению к государству, выражающего и защищающего права граждан на местном уровне. Образовавшийся разрыв между потенциальной и реальной ролью местного самоуправления, объёмом ответственности и ресурсами муниципалитетов негативно сказывается на уровне доверия к местной власти. Несмотря на то, что местное самоуправление – это власть, наиболее приближенная к гражданам, интерес к муниципальным выборам намного слабее, чем к выборам федерального и регионального масштабов. В основе такого отношения к муниципальной власти лежит понимание того, что у этой власти нет реальной возможности решать проблемы населения в силу отсутствия достаточных полномочий, финансовых и других ресурсов. К наиболее существенным проблемам, затрудняющим работу местного самоуправления, россияне относят коррупционность и семейственность, низкий уровень квалификации представителей органов местного самоуправления. Муниципалитеты остаются практически полностью зависимыми от руководства своих регионов и центральной власти. По этим и некоторым другим причинам большинство россиян не могут понять, в чём заключается принципиальное отличие органов местного самоуправления от органов государственного управления.

Крайне слабо представлены сегодня в российском обществе и различные гражданские инициативы, основанные на тесных личных контактах, полной добровольности, свободе участия, нацеленные на решение локальных задач (гражданские комитеты и союзы, инициативные и рабочие группы и т. п.). Во время опросов в рамках RLMS-HSE всего лишь около 2–3% опрошенных россиян постоянно указывали, что в последние три года работали на добровольных началах в сотрудничестве с другими людьми в своём или близлежащем населённом пункте, пытаясь решить какие-либо важные проблемы, и ещё меньше респондентов принимали какое-либо

Образовавшийся разрыв между потенциальной и реальной ролью местного самоуправления, объёмом ответственности и ресурсами муниципалитетов негативно сказывается на уровне доверия к местной власти.

участие в создании новых групп или организаций для решения общественных проблем местного характера. Эти данные лишней раз демонстрируют отсутствие у нынешних российских граждан желания и, особенно, умения самоорганизовываться для взаимопомощи или защиты своих законных интересов от ущемляющих их решений и действий властей, выступающего важнейшей предпосылкой формирования полноценного гражданского общества.

В целом только формирующееся в России полноценное гражданское общество, не обладающее высокой сплочённостью и поддержкой больших групп и слоёв населения, не способно эффективно выполнять свои функции, успешно противостоять укрепившей свои позиции бюрократии. В последние несколько лет центральная власть, следуя традициям, прилагает значительные усилия, направленные на создание «структурированного гражданского общества». Однако если власть намерена и дальше двигаться по пути демократического развития, она должна строить свои отношения с обществом на равной, симметричной, взаимодополняющей основе, не заглушать или подчинять общественные инициативы, а содействовать их развитию. В связи с этим огромное значение для продолжения демократических реформ и создания подлинного гражданского общества приобретает оказание помощи населению в осознании демократических ценностей, освоении демократических правил и процедур, принципов построения правового государства, новых правил политической жизни, основ правовой защиты своих прав и свобод.

Библиографический список

Белянин А. В., Зинченко В. П. 2010. Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия». 164 с.

Ворожейкина Т. Е. 2002. Государство и общество в России: исчерпание государственно-центричной матрицы развития // Куда идёт Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН. С. 34–42.

Доверие институтам власти. Сентябрь, 2014 // Официальный сайт Аналитического центра Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/13-11-2014/doverie-institutam-vlasti> [Дата посещения: 30.01.2015].

Мирясова О. А., Павлова Т. В., Патрушев С. В., Цысина Г. А. 2013. Гражданское и политическое в профсоюзных практиках // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН. С. 327–353.

Москвин Л. Б. 2011. Доверие как важнейшая предпосылка согласия в обществе // Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты) / Отв. ред. О. М. Михайлёнок. М.: Институт социологии РАН. С. 67–78.

Натхов Т. В. 2011. Образование и доверие в России. Эмпирический анализ // Экономический журнал ВШЭ. Том 15. № 3. С. 353–373.

Петухов В. В. 2012. Эволюция представлений россиян о демократии: от мечты до запроса на работающие институты // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф. С. 264–288.

Разумовский О. С. 1990. Закономерности оптимизации в науке и практике. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 176 с.

Шиманская Э. С. 2010. Особенности развития институтов гражданского общества // Россия в поиске эффективной политики модернизации / Отв. ред. Михайлёнок О. М. М.: Институт социологии РАН. С. 131–143.

Шлезингер А. М. 1992. Циклы американской истории / Пер. с англ. М.: Прогресс, Прогресс-Академия. 688 с.

Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press, 1963. 562 p.

Dalton R. 1994. *Communists and Democrats: Attitudes Toward Democracy in the Two Germanies* // *British Journal of Political Science*. № 24. 469–493 p.

Political Trust in Russia: Peculiarities and Problem of Optimality

Kozyreva Polina Mikhailovna

Doctor of sociology, first deputy director of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science; director of the Center for Longitudinal Studies of the NRU Higher School of Economics, Moscow, Russia. Email: pkozyreva@isras.ru

Smirnov Alexander Ilyich

Doctor of sociology, senior researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: smir_al@bk.ru

Abstract. The article discusses the features of political trust in post-Soviet Russia, one of the key factors in the political process, which plays an important role in ensuring political stability and sustainable development of society. Analysis has shown that political trust is directly related to the implementation of the basic ideas and principles of democracy, essential for expansion and deepening of democratic processes, and for creation of a full-fledged civil society in modern Russia. The data reveals the existence of a direct link between the degree and prevalence of political trust and the results of market and democratic reforms of the 1990s and 2000s. At the same time, analysis reveals a huge gap in the level of trust in certain political leaders and the main government institutions, which persists despite the significant increase in the level of confidence in individual political entities noted in recent years. Such imbalance and incoherence is one of the reasons for the current contradictions of mass social and political consciousness. In view of these important circumstances, an attempt is

made to raise and discuss the issue of optimum limits of confidence in political leaders, institutions of public authorities and political parties. The authors consider the impact of extreme levels of trust and distrust in politics. They trace the dependence of institutional trust from interpersonal trust in the political sphere. Considerable attention is paid to the analysis of the main reasons for people's distrust in political and social institutions, and socio-political organizations, results of which can highlight ways of neutralizing or overcoming problems revealed.

Keywords: government, civil society, democracy, optimality, political capital, political trust.

References

Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations. Princeton, Princeton University Press, 1963. 562 p.

Belianin A. V., Zinchenko V. P. Doverie v ekonomike i obschestvennoy zhizni [Trust in economic and social life]. Moscow, Fond "Liberal'naja missija", 2010. 164 p.

Dalton R. Communists and Democrats: Attitudes Toward Democracy in the Two Germanies // British Journal of Political Science, 1994, No 24, pp. 469–493 p.

Doverie institutam vlasti [Trust to the institutes of power]. Sept. 2014. – Levada-center official website. URL: <http://www.levada.ru/13-11-2014/doverie-institutam-vlasti> [date of visit 30.01.2015].

Miriasova O. A., Pavlova T. V., Patrushev S. V., Cysina G. A. Grazhdanskoe i politicheskoe v profsojuznykh praktikah [Civic and political in trade unions' activity]. – Grazhdanskoe i politicheskoe v rossijskikh obschestvennykh praktikah. Moscow, ROSSPEN, 2013, pp. 327–353.

Moskvin L. B. Doverie kak vazhneyshaja predposylka soglasija v obschestve. – Soglasie v obschestve kak uslovie razvitija sovremennoy Rossii (politicheskie i social'nye aspekty). Moscow, IS RAS, 2011, pp. 67–78.

Nathov T. V. Obrazovanie i doverie v Rossii. Empirichesky analiz. – Ekonomicheskij zhurnal VSHE, 2011, Vol. 15, No 3, pp. 353–373.

Petuhov V. V. Evoliucija predstavlenij rossijan o demokratii: ot mechty do zaprosa na rabotajuschie instituty [Education and trust in Russia: empirical analysis]. – Rossija reformirujushajasja. Ezhegodnik. Vyp. 11. Moscow, Novy khronograf, 2012, pp. 264–288.

Razumovsky O. S. Zakonomernosti optimizacii v nauke i praktike [Pattern optimization in science and practice]. Novosibirsk, Nauka (Siberian div.), 1990. 176 p.

Shimanskaja E. S. Osobennosti razvitija institutov grazhdanskogo obschestva [Features of the institutes of civil society development]. – Rossija v poiske effektivnoy politiki modernizacii. Moscow, IS RAS, 2010, pp. 131–143.

Shlezinger A. M. Cikly amerikanskoj istorii [Cycles of American history]. Moscow, Progress, Progress-Akademija, 1992. 688 p.

Vorozheykina T. E. Gosudarstvo i obschestvo v Rossii: ischerpanie gosudarstvenno-centrichnoy matricy razvitija [State and society in Russia: depletion state dominant paradigm of development]. – Kuda idiot Rossija? Formal'nye instituty i real'nye praktiki. Moscow, MHSSES, 2002, pp. 4–42.

М а с с о в о е с о з н а н и е и к о н с о л и д а ц и я о б щ е с т в а

Массовое сознание в современной Росси и: р а з м е ж е в а н и я , п р о т и в о р е ч и я , с о п р я ж е н и я

Пантин Владимир Игоревич – доктор философских наук, заведующий отделом, Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, главный научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: v.pantin@mail.ru

Массовое сознание в современной России: размежевания, противоречия, сопряжения

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые важные размежевания и противоречия, характерные для массового сознания в современной России. Показано, что наиболее значимые факторы размежевания в сегодняшнем российском обществе включают отношение к США и другим западным странам, отношение к западному пути развития, а также разделение на сторонников России как великой державы и сторонников высокого уровня жизни. Тем не менее отношение к США и к странам Европейского союза сильно зависит от международной политической ситуации, от конфликтов на Ближнем Востоке или в постсоветских государствах. Так, отношение к США и к странам Европейского союза резко ухудшалось во время конфликтов в Ираке в 2003 г., в Грузии в 2008 г., на Украине в 2014 г. В то же время в массовом сознании существует согласие по поводу наиболее серьезных проблем российского общества. Среди этих проблем рост цен, бедность, резкое разделение на богатых и бедных, безработица, кризис в экономике, коррупция. Согласно данным массовых опросов, протестный потенциал российского общества в 2014 г. был минимальным по сравнению с предыдущими годами. Однако этот потенциал может возрасти в связи со сложной экономической ситуацией. Массовое сознание рассматривает политическую активность, политический протест и модернизацию политической системы в России только в сочетании с экономической модернизацией, экономическим развитием и улучшением социального и экономического положения. Поэтому многие действия политической оппозиции, направленные на смену политического режима в России, не поддерживаются большинством населения. Сделан вывод, что основные размежевания в российском массовом сознании являются устойчивыми на протяжении 1990-х и 2000-х гг.; эти размежевания во многом определяют политическую динамику сегодняшнего российского общества.

Ключевые слова: массовое сознание, факторы общественной мобилизации, Россия, западные страны, размежевания, политические процессы, политическая система

Как известно, **общественное сознание** представляет собой многослойное, структурированное и дифференцированное по социальным группам и классам явление. Общественное сознание включает более или менее отчетливо выраженные и структурированные в данном обществе взгляды, установки,

ориентации, идеологии, характерные для тех или иных социальных групп. Общественное сознание и его структура представляют собой результат длительного исторического и культурного процесса, на протяжении которого происходят конкуренция и отбор разных идейно-политических течений, взглядов, ценностей, предпочтений, формируется соответствующая социальная структура данного общества.

Массовое сознание – это форма проявления и особый тип общественного сознания, отличающиеся, в частности, ситуативностью, способностью к быстрым и неожиданным изменениям, усреднённостью и конгломеративностью, т. е. одновременным присутствием различных, подчас противоположных интересов, взглядов, ориентаций. Объединяет эти разнородные интересы та или иная ситуация (неполитическая или политическая), которая поляризует общество и заставляет людей с различными взглядами и принадлежащих к разным социальным группам объединяться для достижения каких-либо конкретных, актуальных в данный момент целей. Субъектами массового сознания могут служить болельщики той или иной команды, недовольные поведением иммигрантов группы населения (пример – события 2013 г. в районе Бирюлёво в Москве), поклонники той или иной рок-группы, люди, придерживающиеся нового направления в моде и т. п., которые, по крайней мере первоначально, могут выступать с неполитическими лозунгами.

В то же время, как это показывают недавние примеры «арабской весны» на Ближнем Востоке или майдана в Киеве, массовое сознание, объединяющее противостоящие власти совершенно различные группы интересов (например, олигархов, радикальные группы экстремистов, националистов, религиозные организации, массовые слои, недовольные коррупцией во властных структурах и др.), может играть важную роль в современных политических процессах. Как известно, немалую роль в перевороте, который произошёл в Киеве в феврале 2014 г., сыграли так называемые «фанаты» (болельщики футбольных клубов), недовольные действиями украинской милиции, а также автомобилисты, представители «автомайдана», протестовавшие против коррупции правоохранительных органов. Немалую роль сыграли футбольные «фанаты» и в трагических событиях в Одессе 2 мая 2014 г., в ходе которых погибли (в том числе сгорели или были отравлены неизвестным веществом) многие мирные граждане. Таким образом, неполитические поначалу возмущения и выбросы массового сознания могут быстро перерасти в политические всплески и соответствующие массовые политические действия, в том числе весьма радикального толка. В этом состоит одна из характерных особенностей современного массового сознания, которую необходимо учитывать не только социологам, соци-

альным психологам, специалистам по поведению массовых групп, но и политологам, а также действующим политикам и представителям государственных органов власти.

Классическое определение массового сознания принадлежит Б. А. Грушину. «Массовое сознание – специфический род общественного сознания, получивший широкое распространение и весьма важное значение в обществах современного типа... В отличие от названных форм общественного сознания (классового, национального, профессионального и др.), носителем которых являются те или иные группы общества, в случае массового сознания в качестве такого субъекта выступает особая совокупность (множество, общность) индивидов, именуемая массой... При этом главными формами выражения и функционирования массового сознания являются общественное мнение и общественное настроение» [Грушин 2001: 503–504]. Очевидно, что феномен массового сознания тесно связан с процессами «массовизации» и стандартизации современного общества, с появлением и доминированием массового производства, массового потребления, массовой культуры и массового поведения. Изучение массового сознания и его особенностей в современных обществах может дать важный материал для социологии в целом и для политической социологии в частности.

Важно ещё раз подчеркнуть, что всплески массового сознания вполне реально и подчас весьма сильно влияют на политику, особенно в кризисных и конфликтных ситуациях, которые переживает то или иное общество. Значит, эти всплески и возмущения нужно фиксировать и изучать, например, с помощью массовых опросов, показывающих резкие изменения общественного мнения и общественных настроений. Необходимо также исследовать наиболее значимые факторы мобилизации массового сознания и различные формы его влияния на политику.

Массовые опросы и массовое сознание в современном российском обществе

В целом массовые опросы служат инструментом исследования не только общественного, но и массового сознания, они показывают, каким образом проявляется массовое сознание в его агрегированном виде, где именно присутствуют основные точки размежеваний, противоречий, сопряжений, как и когда проявляются всплески массового сознания. Но без специальных и кропотливых исследований массовые опросы не могут дать ответа, почему массы людей думают именно так, а не иначе, почему наблюдаются резкие изменения, всплески массового сознания, изменения массовых, в том числе политических ориентаций. Массовые опросы, наряду с углублёнными

интервью и фокус-группами, дают возможность исследовать также и общественное сознание, его наиболее важные, устойчивые характеристики и доминанты. Однако в данном случае результаты массовых опросов использованы прежде всего для исследования массового сознания в современной России и прогнозирования его изменений.

Общероссийские опросы, проведённые ВЦИОМ, Левада-Центром, Фондом «Общественное мнение» и др., показывают, что ответы на многие вопросы либо мало меняются на протяжении 1990–2000-х гг., либо происходят характерные колебания общественных настроений. В то же время в случае отдельных вопросов наблюдается определённая динамика, резкие изменения и всплески массового сознания. Поэтому в данной работе использованы как последние данные массовых опросов, так и данные опросов 1990–2000-х гг.

Основные размежевания российского массового сознания, выявляемые с помощью массовых опросов, включают, во-первых, отношение к Западу и западному опыту общественного развития; во-вторых, разделение на сторонников России как великой державы и на сторонников высокого уровня жизни при уменьшении роли России в мире; в-третьих, разделение на сторонников сосредоточения власти в одних руках и на сторонников её распределения между разными политическими структурами.

1. Отношение к Западу, западному опыту, западному варианту общественного устройства и значение этих утверждений для России.

В мае 2011 г. Левада-Центр в ходе очередного всероссийского опроса задал респондентам следующий вопрос: «Как Вы считаете, в какой мере для России подходит «западный» (то есть западноевропейский, американский) вариант общественного устройства?». Ответы на этот вопрос, которые включали согласие опрошенных россиян с различными развёрнутыми утверждениями, распределились следующим образом: 1) «Это универсальный образец общественного устройства, который целиком подходит для российских условий» – с таким утверждением согласились 7% опрошенных; 2) «Тот образец общественного устройства, который можно приспособить для российских условий» – ответили 20% респондентов; 3) «Не вполне подходит для российских условий, вряд ли может прижиться в России» – ответили 31% опрошенных; 4) «Совершенно не подходит для российских условий, противоречит укладу жизни русского народа» – ответили 35% респондентов и ещё 7% опрошенных затруднились ответить [Исследование Левада-

Основные размежевания российского массового сознания, выявляемые с помощью массовых опросов, включают, во-первых, отношение к Западу и западному опыту общественного развития; во-вторых, разделение на сторонников России как великой державы и на сторонников высокого уровня жизни при уменьшении роли России в мире; в-третьих, разделение на сторонников сосредоточения власти в одних руках и на сторонников её распределения между разными политическими структурами.

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, в какой мере для России подходит «западный» (то есть западноевропейский, американский) вариант общественного устройства?» мало менялось с 2000 г.

Центра 2011]. Такое распределение ответов на этот вопрос мало менялось с 2000 г., когда впервые задавался такой вопрос, что свидетельствует об устойчивости представлений о применимости «западного» варианта общественного устройства для российских условий и для самих россиян.

Несколько иной, но в конечном счёте сходный по смыслу вопрос был задан Левада-Центром относительно исторического пути современного российского общества. На вопрос: «Как Вы считаете, по какому историческому пути должна идти Россия?» были получены следующие ответы. «Идти по своему собственному особому пути» ответили 53% респондентов в 2001 г. и 46% в 2014 г. «Вернуться на путь, которым двигался Советский Союз» ответили соответственно 18 и 22%. «По общему для современного мира пути европейской цивилизации» – по 21% респондентов и в 2001 г., и в 2014 г., затруднились ответить соответственно 7 и 11%. [Особый российский путь 2014].

В данном случае динамика почти отсутствует или выражена слабо, размежевание на сторонников и противников использования западного варианта общественного устройства для России почти не меняется. Это свидетельствует об устойчивости данного размежевания, но мотивы противников использования западного варианта (или западного пути) развития, как показывают более углублённые исследования, могут быть разными. В частности, как показано в работе Г. Г. Дилигенского «Люди среднего класса», многие респонденты считают, что в России пока что отсутствуют условия для западного пути развития и западного варианта общественного устройства, но в будущем такие условия можно создать [Дилигенский 2002]. В то же время значительная часть противников западного варианта общественного устройства считает его в принципе непригодным для России ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем.

Важно подчеркнуть, однако, что неприменимость западного варианта общественного устройства для России, с точки зрения российского массового сознания, не связана или связана лишь незначительно с негативным восприятием западных стран как таковых. По данным всероссийских опросов, проведённых Левада-Центром, хорошее (положительное) отношение к США на протяжении 1990-х и 2000-х гг. колебалось на уровне около 60% опрошенных, а плохое (негативное) – на уровне около 30% [Отношение россиян... 2014]. Иными словами, размежевание российского массового сознания по отношению к США заключалось в том, что примерно две трети россиян в целом относились к США хорошо, а примерно одна треть – плохо. Это означает, что многие из тех, кто выступают против использования для России западного варианта общественного устройства (или западного пути раз-

вития), относятся к США позитивно. В то же время следует отметить, что характерные всплески негативного отношения к США в связи с международными конфликтами наблюдались в 2003 г. (ввод американских войск в Ирак), в 2008–9 гг. (конфликт вокруг Южной Осетии и Абхазии), а также в 2014 г. (конфликты вокруг Крыма и Донбасса, санкции Запада против России, обострение российско-американских отношений). Сходная картина наблюдалась и в отношении к Европейскому союзу: на протяжении 1990–2000-х гг. хорошо относились к ЕС примерно 60–70% респондентов, а плохо – 10–20%, причём всплески негативного отношения к ЕС происходили синхронно с всплесками негативного отношения к США, т. е. в 2003, 2008–9 и в 2014 гг. [Отношение россиян... 2014]. Эти данные указывают на то, что при общем преобладании в российском массовом сознании положительного отношения к США и особенно к странам ЕС всплески негативных настроений являются ответной реакцией массового сознания на агрессивные действия США и других западных стран, в том числе по отношению к близким или потенциально дружественным России народам. Иными словами, несмотря на длительный период антизападной пропаганды в советский период, укоренённое антизападничество в российском массовом сознании в целом выражено относительно слабо, а всплески антизападных настроений вызываются прежде всего действиями США и других западных стран по установлению угодных им порядков в других государствах.

2. *Сторонники великой державы и сторонники высокого уровня жизни.*

Согласно данным опросов Левада-Центра в различные годы, соотношение сторонников существования России как великой державы, которую уважают или побаиваются другие страны, и сторонников превращения России в страну с высоким уровнем жизни, пусть и не одну из самых сильных, приведено в [таблице 1](#) [Позиции России 2014].

Таблица 1

Динамика распределения ответов на вопрос:
«Какой страной Вы бы хотели видеть сейчас Россию?», %

Ответы	2003	2005	2007	2011	2014
Великой державой, которую уважают и побаиваются другие страны	43	36	39	42	48
Страной с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных стран мира	54	62	56	53	47
Затруднились ответить	3	2	5	6	5

Как видим, разделение на сторонников великой державы и сторонников высокого уровня жизни является достаточно устойчивым, причём тех и других примерно поровну. Это

размежевание характерно для условий сегодняшней России, которая в силу недостаточной эффективности экономики и слабого инновационного развития не может быть одновременно и великой державой, и страной с высоким уровнем жизни. В то же время оно показывает односторонность и ограниченность как позиций сторонников России в качестве великой державы, так и позиций сторонников России как страны с высоким уровнем жизни, но не сильной в политическом и военном отношении. В первом случае существует значительный риск, что создание «великой державы», как это не раз было в истории России, будет осуществляться за счёт резкого снижения жизненного уровня большинства населения и больших жертв. Во втором случае не учитывается то важное обстоятельство, что переход России в число второразрядных в политическом отношении стран грозит агрессией или экспансией со стороны более сильных держав (такое тоже неоднократно бывало в российской истории и подтверждается современным опытом Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии, Украины). Более того, ослабление позиций России на мировой арене в итоге может привести к распаду России и к утрате ею своего суверенитета. Решить эту нерешаемую с помощью традиционных российских политических методов задачу мог бы переход к инновационному типу развития (ИТР), но пока что ни политическая элита, ни массовые группы в России не осознают в полной мере всю важность и необходимость такого перехода. В этом состоит одно из характерных противоречий российского массового сознания, которое не видит путей одновременного повышения уровня жизни населения и восстановления Россией статуса великой державы за счёт перехода к инновационному типу развития.

3. Сторонники сосредоточения власти в одних руках и сторонники её распределения между разными политическими структурами.

Соотношение сторонников той и другой точек зрения приведено в [таблице 2](#) [Позиции России 2014].

Таблица 2

Динамика распределения ответов на вопрос:
«Вы считаете, что было бы лучше...», %

Ответы	2006	2010	2012	2013	2014
Чтобы вся власть в стране была сосредоточена в одних руках	50	45	38	39	40
Чтобы власть была распределена между разными структурами, контролирующими друг друга	36	42	46	46	49
Затрудняюсь ответить	14	13	17	15	11

Разделение на сторонников великой державы и сторонников высокого уровня жизни является достаточно устойчивым, причём тех и других примерно поровну.

В данном случае, согласно приведённым данным всероссийских опросов, наблюдается некоторая динамика: доля сторонников сосредоточения власти в одних руках со временем несколько падает, а доля сторонников распределения власти между контролирующими друг друга структурами немного растёт. Даже обострение внешнеполитической ситуации, связанное с присоединением Крыма и конфронтацией с западными странами, а также заметный рост рейтинга В. Путина, достигший весьма высокого уровня, не увеличили долю сторонников сосредоточения всей власти в стране в одних руках. Тем не менее, доля сторонников авторитаризма остаётся достаточно высокой, и в случае нового резкого обострения внутри- и внешнеполитической ситуации в России она может возрасти. Поэтому размежевание между сторонниками авторитаризма и сторонниками распределения власти, как можно прогнозировать, будет сохраняться и дальше, причём ни те, ни другие не смогут в ближайшие годы составить подавляющего большинства. Объясняется это, помимо прочего, сложностью и неоднозначностью внутривнутриполитической ситуации в сегодняшней России и особенностями её внешнеполитического положения. Помимо прочего, сложная экономическая и политическая ситуация в мире объективно требует известной централизации управления, что в определённой степени работает на усиление тенденций поддержки авторитаризма в российском массовом сознании. В то же время исторический опыт России и очевидная для многих низкая эффективность существующей «вертикали власти», порождающей бюрократизм и коррупцию, напротив, толкает массовое сознание в сторону распределения власти между разными структурами и к их контролю друг над другом. В этом состоит ещё одно очевидное противоречие российского массового сознания, которое разрывается между традиционным стремлением к сильной централизованной власти, сосредоточенной в одних руках, и ощущением её низкой эффективности в современных условиях.

Таким образом, отношение к Западу и западному опыту общественного развития, разделение на сторонников России как великой державы и на сторонников высокого уровня жизни, наконец, разделение на сторонников авторитаризма и сторонников распределения власти между различными структурами во многом формируют устойчивые размежевания и противоречия в российском массовом сознании.

В связи с анализом динамики российского массового сознания и его возможными всплесками важно оценить также потенциал протестных настроений, поскольку этот потенциал реально существует в сегодняшней России и при определённых обстоятельствах может из скрытой, латентной формы перейти в явную и открытую. При этом следует различать потенциал протеста, связанный преимущественно с экономическими

Согласно данным всероссийских опросов, наблюдается некоторая динамика: доля сторонников сосредоточения власти в одних руках со временем несколько падает, а доля сторонников распределения власти между контролирующими друг друга структурами немного растёт.

требованиями, и потенциал протеста, включающего непосредственно политические требования. Как следует из данных всероссийских опросов, регулярно проводимых Левада-Центром, на вопрос: «Насколько возможны сейчас в Вашем городе/сельском районе массовые выступления населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав?» на протяжении 2000–2014 гг. от 20 до 30% респондентов отвечали, что такие выступления возможны. В то же время, как следует из данных тех же опросов, были готовы принять участие в протестных выступлениях с экономическими требованиями меньшее количество людей – от 15 до 20% опрошенных.

Несколько иная картина наблюдается, когда речь заходит о возможности протестных выступлений с политическими требованиями. Согласно данным тех же источников, в ответах на вопрос: «Возможны ли, на Ваш взгляд, в Вашем городе/сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями?», на протяжении 2000–2014 гг. их считали возможными от 15 до 25% респондентов. Одновременно готовность принять участие в выступлениях с политическими требованиями проявляли около 10–15%, т. е. в полтора раза меньшее число людей по сравнению с готовыми выступить с экономическими требованиями. Иными словами, протестный потенциал и, главное, готовность принять участие в выступлениях с *политическими* требованиями в современном российском обществе ниже, чем протестный потенциал и готовность принять участие в выступлениях с *экономическими* требованиями. Это обстоятельство имеет существенное значение как с точки зрения исследования массового российского сознания, так и с точки зрения оценки перспектив развития политической ситуации в современной России и деятельности оппозиционных российских политических партий (речь идёт как о системной, так и о внесистемной оппозиции).

На основании приведённых социологических данных можно констатировать, что протестный потенциал сегодняшнего российского общества не столь уж велик, и в настоящее время (2014 г.) существует тенденция к его снижению. Так, по данным всероссийского опроса, проведенного Левада-Центром в августе 2014 г., ожидали протестных выступлений с экономическими требованиями всего 17% опрошенных россиян, а готовы были принять в них участие лишь 8% респондентов; политических протестов ожидали всего 12% опрошенных, а готовы были принять в них участие лишь 7% респондентов [Россияне протестовать... 2014]. Это объясняется прежде всего событиями, связанными с переворотом на Украине в феврале 2014 г., которые, с одной стороны, привели к присоединению Крыма к России, одобренному подавляющим большинством россиян, а с другой – продемонстрировали тяжелейшие последствия радикальных политических выступлений. Как известно,

свержение законной власти на Украине в итоге привело к гражданской войне с большими человеческими жертвами, к экономическому кризису и резкому ухудшению социального положения большинства украинского населения. Таким образом, можно констатировать, что «майданный» переворот на Украине дал некоторую «прививку» российскому обществу и российскому массовому сознанию от радикально-революционных выступлений, а также временно изолировал руководителей и участников выступлений на Болотной площади от основной массы населения. Насколько сильной и продолжительной окажется эта «прививка» (своего рода «обратный всплеск» массового сознания, колебание протестных настроений в сторону их уменьшения), к каким политическим последствиям для российской политической системы она приведёт, сейчас сказать трудно. Можно лишь предположить, что в ближайшее время у радикальной, внесистемной оппозиции в России, несмотря на политическую, финансовую и иную поддержку со стороны западных стран и сложную экономическую ситуацию, шансов устроить переворот, подобный киевскому майдану, не так уж много. В то же время политическая система в России, чтобы стать более эффективной и современной, допускающей инновации в различных областях общественной жизни, должна изменяться в направлении большей открытости и конкурентности, но эти изменения должны происходить не революционным, а главным образом эволюционным путем.

Вместе с тем важно иметь в виду, что протестные выступления на экономической почве более вероятны в сегодняшней России, чем протестные выступления с чисто политическими требованиями. Это обстоятельство необходимо учитывать российским властным структурам и политическим партиям, чтобы не провоцировать население излишними поборам и резким имущественным расслоением на выступления с экономическими и социальными требованиями. Учитывая общую неэффективность экономической и политической системы, замедление или прекращение экономического роста в России, а также многочисленные препятствия на пути перехода к инновационному типу развития, можно утверждать, что российскому обществу будет очень непросто сохранить социальную и политическую стабильность и вместе с тем обеспечить экономическое развитие.

«Противоречивое единство» и точки сопряжения российского массового сознания

Существует целый ряд позиций и ценностей, по которым, согласно массовым опросам, подавляющее большинство россиян выражают согласие или единство. Так, по результа-

Протестный потенциал сегодняшнего российского общества не столь уж велик, и в настоящее время (2014 г.) существует тенденция к его снижению. Вместе с тем важно иметь в виду, что протестные выступления на экономической почве более вероятны в сегодняшней России, чем протестные выступления с чисто политическими требованиями.

там опросов, проведённых различными службами изучения общественного мнения, на протяжении 1990–2000-х гг. ценность (или идеологема) *порядка* стабильно является наиболее важной для 70–85% опрошенных [Лапкин, Пантин 1997]. Однако основания и способы достижения порядка в российском обществе понимаются совершенно по-разному. Так, по данным исследования, проведенного Институтом социологического анализа в 1997 г. (к сожалению, в более поздний период детальные исследования представлений массового сознания об основаниях и способах достижения желаемого порядка в стране не проводились), 19% опрошенных считали, что в основе порядка в России должна лежать демократия, 3% – что диктатура, 18% – частная собственность и свобода предпринимательства, 23% – воссоздание социалистической экономики, 4% – идеология [Лапкин, Пантин 1997: 82]. Очевидно, что основания порядка, а, следовательно, и сам порядок понимались совершенно по-разному. Таким образом, единого, устоявшегося мнения о том, каким должен быть российский порядок, в массовом сознании нет. Представления о политических и экономических основах порядка у многих граждан России фрагментарны, противоречивы и недостаточно конкретны. В результате образ желаемого порядка в российском массовом сознании довольно абстрактен, а его черты размыты и неопределённые.

Если говорить о точках или областях сопряжения российского массового сознания, то, согласно многочисленным опросам Левада-Центра, Фонда «Общественное мнение», ВЦИОМ, на первом плане устойчиво находятся социально-экономические проблемы. На протяжении 1990–2000-х гг. среди наиболее болезненных и важных для большинства россиян проблем первые места стабильно занимают рост цен, бедность, резкое расслоение на богатых и бедных, кризис в экономике, рост безработицы, коррупция (см. таблицу 3) [Проблемы... 2014].

Таблица 3

**Динамика распределения ответов на вопрос:
«Какие из следующих проблем нашего общества тревожат Вас
больше всего, и Вы считаете их самыми острыми?» %
(несколько вариантов ответа)**

Ответы	2006	2010	2014
Рост цен	770	772	771
Бедность, обнищание большинства населения	551	551	440
Резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов	330	229	330
Кризис в экономике, плохое состояние промышленности и сельского хозяйства	227	336	228
Рост безработицы	334	338	226
Коррупция, взяточничество	225	333	226

На протяжении 1990–2000-х гг. ценность (или идеологема) *порядка* стабильно является наиболее важной для 70–85% опрошенных. Однако основания и способы достижения порядка в российском обществе понимаются совершенно по-разному.

Разумеется, массовое сознание не может определить и отразить наиболее глубокие причины, порождающие многочисленные противоречия, дисфункции и дисбалансы в развитии современного российского общества. В частности, рост цен и бедность, обнищание большинства населения, выделенные опрошенными как наиболее острые проблемы российского общества, являются не причиной, а следствием неэффективности экономической и политической системы, многочисленных препятствий, стоящих на пути внедрения инноваций, перехода к инновационному типу развития. В чистом виде вопросы внутренней политики, модернизации политической системы волнуют россиян значительно меньше, чем социально-экономические проблемы, но в сочетании экономика и политика, экономическая и политическая модернизация затрагивают интересы и ориентации значительной части населения сегодняшней России.

При этом большинство россиян считают, что главным способом вхождения России в число наиболее развитых стран является использование новых технологий и рост производительности труда, т. е. внедрение инноваций в российскую экономику. Так, по данным опроса Левада-Центра в 2014 г., на вопрос: «Что, по Вашему мнению, сейчас важнее для того, чтобы Россия заняла достойное место среди наиболее развитых стран?» были получены следующие ответы: «добиваться устойчивого развития экономики за счёт использования новых технологий и роста производительности труда» – 60% респондентов, «повысить уровень жизни населения хотя бы до среднеевропейского» – 15%, «получать большие доходы от продажи за рубеж нефти, газа, сырья, других ресурсов» – 12%, «не жалеть средств для укрепления военной мощи» – 8% и ещё 6% респондентов затруднились с ответом [Участие России... 2014].

Эти и другие ответы указывают на то важное обстоятельство, что в условиях сегодняшней России модернизация политической системы в принципе может совершаться, но, с точки зрения массового сознания, она должна происходить только в сочетании с модернизацией экономики. Здесь, по-видимому, сказывается опыт перестройки конца 1980 – начала 1990-х гг., когда изменение и модернизация политической системы в СССР происходили почти вне всякой связи с модернизацией экономики. Массовое сознание в России в определённой мере восприняло этот опыт и ориентируется либо на модернизацию только экономики, либо на одновременную модернизацию и политической, и экономической системы. К сожалению, пока что наблюдается явное расхождение модернизационных устремлений во власти и в обществе: власть в России, опирающаяся на большинство населения, хочет модернизировать в основном экономику (да

Большинство россиян считают, что главным способом вхождения России в число наиболее развитых стран является использование новых технологий и рост производительности труда, т. е. внедрение инноваций в российскую экономику.

и то фрагментарно и непоследовательно), а непримиримая, внесистемная оппозиция, опирающаяся на меньшинство (но активное меньшинство) населения, напротив, стремится осуществить модернизацию прежде всего политической системы. Думается, что и то, и другое не слишком продуктивно: только более или менее одновременная и взаимосвязанная инновационная модернизация как экономической, так и политической системы может в итоге решить самые насущные проблемы России.

Краткие выводы

На основании приведённых выше социологических данных можно сделать следующие основные выводы относительно ряда наиболее значимых размежеваний и сопряжений в российском массовом сознании, а также сформулировать некоторые осторожные прогнозы относительно его динамики в ближайшие месяцы и годы.

Во-первых, анализ данных массовых опросов показывает наличие множества размежеваний в российском массовом сознании, а также его противоречивость, фрагментарность, ситуативность (например, в отношении к США и странам Европейского союза). В целом это неудивительно, учитывая не только переходный характер российского общества, российской политической системы, но и турбулентное, нестабильное состояние глобального (мирового) сообщества в целом, наличие в разных регионах мира множества сложных, противоречивых и неоднозначных социальных, политических, экономических и культурных процессов. Одна из основных особенностей российского массового сознания, отличающая его от массового сознания в США или в большинстве европейских стран, состоит в отсутствии согласия по некоторым принципиально важным вопросам и ориентирам развития общества. К числу таких вопросов и ориентиров развития относятся, например, отношение к западным странам и западному варианту общественного устройства, отношение к частной собственности, выбор между авторитаризмом и демократией.

Во-вторых, основные и наиболее устойчивые на протяжении 1990–2000-х гг. размежевания в современном российском обществе состоят прежде всего в разделении на сторонников и противников западного пути развития, сторонников демократии (распределения власти между разными структурами, контролирующими друг друга) и авторитаризма, сторонников великой державы и высокого уровня жизни. В этом отношении противопоставление 1990-х и 2000-х гг., которое часто встречается в средствах массовой информации и в публицистике, не является продуктивным в научном и политиче-

В условиях сегодняшней России модернизация политической системы в принципе может совершаться, но, с точки зрения массового сознания, она должна происходить только в сочетании с модернизацией экономики.

ском плане: Политические и социальные процессы, которые происходили и происходят на протяжении 2000-х гг., для российского общества и российского массового сознания представляют собой логическое продолжение процессов, происходивших в 1990-е гг.; при этом массовое сознание в России, несмотря на все перемены, пертурбации и сдвиги, не слишком изменилось в 2000-е гг. по сравнению с 1990-ми гг.

В-третьих, необходимо различать кажущееся и реальное единство российского массового сознания. Преобладающие настроения в пользу поддержки президента В. Путина, «особого пути» России или в пользу «порядка» вызваны различными мотивами, представлениями и ориентациями. Так, основания «порядка» понимаются совершенно по-разному, а под «особым российским путём» часть россиян понимает «экономическое развитие страны, но с большей заботой о людях, а не о проблемах и интересах хозяев жизни», другая часть – «несоответствие ценностей и традиций России и Запада», третья часть – учёт в политике духовной, моральной стороны отношений государства и граждан» [Особый российский путь... 2014]. В то же время в массовом сознании существует вполне реальное согласие по поводу самых острых и болезненных проблем российского общества, среди которых наиболее актуализированными являются такие острые социальные проблемы, как рост цен, бедность, резкое расслоение на богатых и бедных, безработица, кризис в экономике, коррупция.

В-четвёртых, на уровне массового сознания политические изменения и модернизация политической системы прочно сцеплены, сопряжены с социально-экономическими изменениями и экономической модернизацией, а протестные выступления с экономическими требованиями в массовом сознании оцениваются как более вероятные и важные по сравнению с чисто политическими протестами. Иными словами, с точки зрения массового сознания, политические сдвиги без социально-экономических изменений во многом неэффективны и нежелательны, и потому людей, активно участвующих в российской политике, подавляющее меньшинство. Представителям умеренной, адекватной в политическом отношении российской оппозиции и деятелям гражданских движений необходимо это учитывать в полной мере и не отрывать свои политические выступления и призывы от животрепещущих социальных и экономических проблем, которые наиболее важны для российского массового сознания.

Наконец, в-пятых, протестный потенциал российского массового сознания реально существует, что свидетельствует об известной нестабильности российской политической и социально-экономической системы. В то же время этот потенциал не стоит преувеличивать, так как реальная готовность принять участие в протестных акциях с полити-

ческими требованиями пока что остаётся сравнительно низкой. В настоящее время (2014 г.), во многом под влиянием «майданного» переворота на Украине, присоединения Крыма к России и обострения отношений между Россией и западными странами, протестный потенциал российского массового сознания находится на минимальном уровне. Однако это не означает, что так будет всегда и что не возникнут всплески протестных настроений в связи с обострением социально-экономических и политических проблем. Напротив, учитывая нестабильную ситуацию в мире, а также низкую эффективность экономической и политической системы в сегодняшней России, можно прогнозировать некоторое усиление протестных настроений в российском обществе на фоне ухудшения экономической ситуации в 2015–2016 гг. Масштабы и конкретные формы протестных акций в России во многом будут зависеть от поведения центральных и местных органов власти, политических партий и общественных движений, от того, насколько чуткими они будут к изменениям и сдвигам в российском массовом сознании, насколько своевременными, взвешенными и адекватными будут их действия.

Библиографический список

Грушин Б. А. 2001. Массовое сознание // Новая философская энциклопедия. Т. II. М.: Мысль.

Дилигенский Г. Г. 2002. Люди среднего класса. М.: Институт фонда «Общественное мнение». 285 с.

Исследование Левада-Центра: Насколько подходит для России западный путь общественного устройства с точки зрения россиян. 2011 // Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал. URL: <http://gtmarket.ru/news/2011/06/23/6252> [Дата посещения: 26.01.2015].

Лапкин В. В., Пантин В. И. 1997. Русский порядок // Политические исследования. № 3. С. 85–91.

Особый российский путь. Пресс-выпуск Левада-Центра 07.04.2014 // Официальный сайт АНО Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/07-04-2014/osobyi-rossiiskii-put> [Дата посещения: 26.01.2015].

Отношение россиян к другим странам. Пресс-выпуск Левада-Центра 06.08.2014 // Официальный сайт АНО Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/06-08-2014/otnoshenie-rossiyan-k-drugim-stranam> [Дата посещения: 26.01.2015].

Позиции России на мировой арене. Пресс-выпуск Левада-Центра 17.03.2014 // Официальный сайт АНО Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/17-03-2014/pozitsii-rossii-na-mirovoi-arene> [Дата посещения: 26.01.2015].

Проблемы, более всего тревожащие россиян. Пресс выпуск Левада-Центра 12.09.2014 // Официальный сайт АНО Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/12-09-2014/problemy-bolee-vsego-trevozhashchie-rossiyan> [Дата посещения: 26.01.2015].

Россияне протестовать пока не хотят. Пресс-выпуск Левада-Центра 08.09.2014 // Официальный сайт АНО Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/08-09-2014/rossiyane-protestovat-poka-ne-khotyat> [Дата посещения: 26.01.2015].

Участие России в «большой восьмёрке». Пресс выпуск Левада-Центра 11.04.2014 // Официальный сайт АНО Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/11-04-2014/uchastie-rossii-v-bolshoi-vosmerke> [Дата посещения: 26.01.2015].

Mass Consciousness in Modern Russia: Cleavages, Contradictions, Conjugations

Pantin Vladimir Igorevich

Doctor of philosophical sciences, head of the department, Institute of world economy and international affairs, Russian Academy of Sciences; senior researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: v.pantin@mail.ru

Abstract. Some important cleavages and contradictions of mass consciousness in modern Russia are considered in the article. It is demonstrated that the most significant cleavages of contemporary Russian society include attitudes to the USA and other Western countries, consideration for the Western way of development and division on adherents of Russia as a great power and adherents of a high living standard. Nevertheless, consideration for the USA and for European Union depends on the international political situation, and on conflicts in the Middle East or in post-Soviet states. For example, consideration for the USA and for the European Union became more negative during the conflicts in Iraq in 2003, in Georgia (2008) and in Ukraine (2014). At the same time, there is consent in the Russian mass consciousness to the most serious problems in modern Russian society. These problems are increasing prices, poverty, the split between the rich and the poor, unemployment, economic crisis, and corruption. It was found that in 2014, the potential of protest in Russian society was minimal in comparison with previous years. However, this potential may increase owing to the difficult economic situation. Russian mass consciousness considers political activity, political protest and modernization of political system in combination with economic modernization, economic development and social improvement. That is why most people do not support campaigns of Russian political opposition. It is concluded that the basic cleavages of Russian mass consciousness were stable during the 1990s and 2000s; these cleavages determine largely the political dynamics of contemporary Russian society.

Keywords: mass consciousness, social mobilization factors, Russia, Western countries, cleavages, political processes, political system.

References

Diligensky G. G. Liudi srednego klassa [Middle class people]. Moscow, Institut fonda «Obschestvennoe mnenie», 2002. 285 p.

Grushin B. A. Massovoe soznanie [Mass consciousness] – Novaja filosofskaja enciklopedija. Vol. II. Moscow, Mysl', 2001.

Lapkin V. V., Pantin V. I. Russky poriadok [Russian order]. – Politicheskie issledovaniya, 1997, No 3. pp. 85–91.

Naskol'ko podhodit dlia Rossii zapadny put' obschestvennogo ustroystva s tochki zrenija rossijan [Is the Western way of social organization suitable for Russia according to view of Russians]. – Centr gumanitarnykh tehnologiy. Informacionno-analitichesky portal. URL: <http://gtmarket.ru/news/2011/06/23/6252> [date of visit 26.01.2015].

Osoby rossijsky put' [Special Russian way]. Press-release of Levada-Center 07.04.2014. – Levada-Center official website. URL: <http://www.levada.ru/07-04-2014/osobyi-rossiiskii-put> [date of visit 26.01.2015].

Otnoshenie rossijan k drugim stranam [Russians' attitudes toward other countries]. Press-release of Levada-Center 06.08.2014 – Levada-Center official website. URL: <http://www.levada.ru/06-08-2014/otnoshenie-rossiyan-k-drugim-stranam> [date of visit 26.01.2015].

Pozicii Rossii na mirovoy arene [Russia's position on the world stage]. Press-release of Levada-Center 17.03.2014. – Levada-Center official website. URL: <http://www.levada.ru/17-03-2014/pozitsii-rossii-na-mirovoi-arene> [date of visit 26.01.2015].

Problemy, bolee vsego trevozhaschie rossijan [The problems which are most disturbing Russians]. Press-release of Levada-Center 12.09.2014. – Levada-Center official website. URL: <http://www.levada.ru/12-09-2014/problemy-bolee-vsego-trevozhashchie-rossiyan> [date of visit 26.01.2015].

Rossiiane protestovat' poka ne hotiat [Russians are not ready to protest]. Press-release of Levada-Center 08.09.2014. – Levada-Center official website. URL: <http://www.levada.ru/08-09-2014/rossiyane-protestovat-poka-ne-khotyat> [date of visit 26.01.2015].

Uchastie Rossii v «bol'shoy vos'miorke» (G8) [Russian participation in G8]. Press-release of Levada-Center 11.04.2014. – Levada-Center official website. URL: <http://www.levada.ru/11-04-2014/uchastie-rossii-v-bolshoi-vosmerke> [date of visit 26.01.2015].

Современные войны: социальные причины и последствия

Развитие публичной сферы в России как необходимое условие разрешения социальных противоречий

Воронкова Ольга Алексеевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела анализа социально-политических процессов, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: olden@lianet.ru

Развитие публичной сферы в России как необходимое условие разрешения социальных противоречий

Аннотация

Обострившиеся к началу второго десятилетия XXI века социальные противоречия, выявившие серьезные различия идеологических установок массового сознания, очевидно требуют скорейшего разрешения. Активно разрабатываемые и реализуемые российской политической элитой технологии погашения разногласий на основе возрождения принципов государственного доминирования в социальной жизни не отвечают требованиям современности. Сложные отношения политических элит и активного общества уже не поддаются объяснениям структурно-функциональных теорий, согласно которым элиты призваны осуществлять однонаправленное руководство массами. В статье рассматриваются современные коммуникативные подходы, акцентирующие двусторонний, взаимодействующий характер отношений правящих элит и общества и развивающие принципы «коммуникативной этики», как наиболее приемлемые для задач поиска взаимопонимания и достижения социального согласия. Необходимым условием разрешения противоречий современного общества становится не стремление к «победе на поле боя», а умение договариваться. Поднимаются вопросы развития конкурентно-коммуникативного пространства в России, анализируется теоретическое понятие «публичной сферы», в которой проясняются социальные интересы и требования, приводятся рациональные аргументы в защиту различных точек зрения и формируется дискурсивная культура, предполагающая развитие навыков слушать и слышать оппонента, формирование установок на поиск компромиссов и принятие взаимоприемлемых решений. Автор сравнивает условия становления «публичной сферы» в западноевропейской и российской истории, рассматриваются исторически сложившиеся и современные препятствия на пути становления гражданского сознания в России, а также возможности и перспективы развития публичного пространства.

Ключевые слова: публичная сфера, массовое сознание, идеология, социально-политический дискурс, коммуникативная этика

Для оценки перспектив разрешения противоречий современного общественного сознания необходимо определить факторы, влияющие на его формирование. В научной литературе сосуществуют прямо противоположные трактовки влияния различных факторов на общественное сознание. Взгляды на общество как лишь управляемую элитами массу соседствуют с представлениями, что общественное сознание

развивается вместе с изменениями личностных потребностей, столкновением интересов, сопоставлением господствующих в обществе представлений и идей с фактами повседневной жизни. Подчёркивая сложную гносеологическую и социальную природу массового сознания, «неизменно включающего в себя элементы как обыденного, так и теоретического сознания», Б. А. Грушин справедливо считал, что понимание этого феномена должно достигаться не путём абстрактного противопоставления различных факторов и механизмов, а «путём их совместного рассмотрения в тех или иных конкретных, реальных ситуациях порождения массового сознания, путём фиксирования действительных связей между ними, установления разнообразных форм их взаимодействия» [Грушин 1987: 346].

Очевидным примирением крайних позиций, встречающихся в определениях, можно считать признание сложного диалектического характера формирования и функционирования общественного сознания. С одной стороны, оно органически включено в формирование сложных символических конструкций – традиций, религий, идеологий. С другой – оно продуцирует альтернативные воззрения, мнения и способы оценивания предлагаемых или навязываемых политическими или культурными элитами моделей мышления. Насколько общественное сознание связано с элитарными интерпретациями действительности и насколько оно способно противостоять разного рода претензиям на доминирование зависит от многих факторов. В их числе общее экономическое благополучие, соотношение политических, экономических и общественных весов, ситуативные настроения, внешние факторы и т. д. Общественное сознание соответствует особенностям своего исторического времени и состоянию геополитических условий, которые прямо или косвенно определяют ресурсы и возможности развития.

Взаимодействие элит и общества редко происходит беспроблемно и гармонично. Ни классическая структурно-функциональная модель периода раннего модерна, ни современные социокультурные и коммуникативные теории не объясняют в полной мере всех сложностей взаимодействия. Согласно структурно-функциональной теории, элита (политическая, прежде всего) определяется как носитель коллективной ответственности за формулирование общих целей, установок, норм. Она осуществляет однонаправленное руководство обществом как интегрированным исполнителем поставленных задач. Новые коммуникативные подходы, анализируя структурные изменения эпохи модерна, делают упор на двустороннем, взаимодействующем характере отношений элиты и общества. Основной задачей взаимодействия становится достижение взаимопонимания и социального согласия. Однако практика

реальных взаимоотношений чаще демонстрирует неготовность ни элит, ни масс к идеальному соответствию теоретическим моделям.

В современных развитых обществах механизм взаимодействия политических элит и граждан становится гораздо более сложным и динамичным, нежели в эпоху раннего модерна. При сохранении экономических и статусных доминирующих позиций политических элит их ментальная дистанция от массового сознания существенно сокращается. Значительно усиливается зависимость их деятельности от образованной и активной общественности, для которой политическая элита уже не является безусловным авторитетом и инструктором осуществления жизненного проекта. Основным гарантом стабильности современного общества служит баланс социальных и индивидуальных интересов, достичь которого в условиях растущего многообразия способов и стилей жизни не так просто. От элит требуется принятие решений в интересах всего общества при фактическом невмешательстве в частную жизнь граждан, стремящихся реализовать собственные интересы. На практике это оказывается противоречивой задачей, часто невозможной для исполнения без ущемления чьих-то прав.

Задача сохранения согласованности взглядов и мнений по ключевым вопросам общественного устройства, в том числе базовых норм и ценностей, многократно усложняется в условиях глобализации. Мощные тенденции разрушения межнациональных барьеров в интересах экономической реализации и культурного обмена сталкиваются с политическими задачами охраны национальных интересов, потенциально опирающимися на силовые ресурсы в разрешении противоречий. Несмотря на локальные достижения в деле самоопределения и сохранения территориальных автономий, попытки установить совершенно замкнутые геополитические пространства в глобальном мире всё более явно видятся бесперспективными. Политические элиты вынуждены переключаться с целей совершенствования «искусства воевать» на обучение «искусству договариваться» как на внутреннем, так и на глобальном политическом поле. Несмотря на трудности на пути достижения социального и межнационального согласия, необходимость продвижения вперёд на этом поприще признаётся неизбежным условием дальнейшего развития человечества.

Публичная сфера

Противоречия массового сознания являются прямым следствием складывающихся отношений элит и масс. В процессе производства жизни складываются ментальные системы,

в которых опытным путём накапливаются, перерабатываются и закрепляются наиболее важные для общества ценностные ориентации, нормативные установки и способы поведения. Элиты вербально и символически формулируют и закрепляют ментальные системы, параллельно создавая институциональные механизмы, проводящие их в массовое сознание. Однако в критические моменты истории эти механизмы дают сбой под влиянием факторов, зреющих в процессах саморазвития массового сознания. Противоречия массового сознания развиваются при сопоставлении представлений о должном государственном устройстве, сформированных элитами, с реальной жизнью, в той или иной степени отличающейся от предлагаемой модели. Долго накапливаемое недовольство низших слоёв своим подчинённым и экономически невыгодным положением, периодически выплёскивавшееся в виде отдельных актов неповиновения и массовых открытых бунтов, в определённый момент приводит к серьёзным структурным изменениям в обществе.

Такие изменения стали происходить в странах Западной Европы с конца XVII в. – период начала развития торгово-промышленных отношений. Бурный рост производства, вызванный всплеском научно-технических открытий, требовал расширения обмена продуктами производства и стал определять векторы развития политических принципов управления. Политические процессы постепенно оказывались в подчинении у экономических интересов, требующих открытости, мобильности и обмена информацией.

Потребность в широком обмене информацией, её обсуждении и поиске взаимовыгодных решений стала особенно ощущаться в активно развивающейся среде промышленников и коммерсантов, владеющих и распоряжающихся частной собственностью. В городских поселениях стали появляться особые места, где предприниматели могли встречаться, обмениваться мнениями по вопросам развития бизнеса. Постепенно такая практика укоренилась в широких общественных кругах. Люди стали систематически собираться на площадях, в кафе и барах для обсуждения самых разных вопросов, от бытовых до политических. Новый период развития коммуникации ознаменовался началом широкого использования быстро развивающихся медийных ресурсов в виде писем, газет, журналов и книг для распространения своих или чужих идей. Возникло особое коммуникативное пространство, впоследствии получившее определение «публичной сферы», которое постепенно изменило характер прежних социально-политических отношений.

Традиционный уклад жизни, основанный на жёсткой иерархии слоёв во главе с персонифицированной властью, постепенно трансформировался в качественно иной, при кото-

ром власть теряла «богом данное право» на диктат, а общество требовало и добывало себе право на участие в политической жизни. Эту трансформацию убедительно продемонстрировал Ю. Хабермас в книге «Структурная трансформация публичной сферы» [Habermas 1962]. В концепции «публичной сферы» Хабермас развивает социологические идеи Э. Дюркгейма и М. Вебера, рассматривавших процесс превращения общества традиционного («механического» в терминологии Дюркгейма) в «органическое» или «рациональное» состояние. Инструментально-целевая рациональность стала доминирующим фактором формирования массового сознания в Западной Европе [Вебер 1990]. Эта трансформация характеризуется тем, что общество учится осознавать и отстаивать свои интересы, продвигать их во властные структуры и добиваться их реализации. Рациональное состояние общества меняет основания легитимации власти. Современное государство «основывается на общественных интересах и общей воле, коммуникативно формируемой и дискурсивно проясняемой в политической публичной сфере» [Habermas 1992: 81]. Западная демократия развивалась по пути постепенного освобождения массового сознания от сковывающих его религиозных рамок и традиционных штампов мышления, формирования умения договариваться и оказывать влияние на принятие политических решений. Публичная сфера разрушает «серые», недоступные общественному вниманию сферы принятия решений, требуя открытости и прозрачности самого процесса. Легитимация политических решений становится функцией открытой публичной дискуссии свободно мыслящих личностей.

Хабермас рассматривает два этапа развития публичной сферы. Первый отмечается с конца XVII в. в Англии, Франции, США и Германии, когда феодальные общественные структуры стали трансформироваться в буржуазные. Постепенно стали разграничиваться публичные и частные стороны жизни, сферы государства и общества. Сформировалась так называемая «буржуазная публичная сфера», в которой в процессе дискуссий и дебатов проявился новый элемент массового сознания – «общественное мнение». В развитии понятия «публичной сферы» прослеживается трансформация его пространственного содержания в социально статусное. Свободное обсуждение публично высказываемых личностных позиций и потенциал влияния сформированной в результате обсуждений и споров коллективной позиции на развитие социально-политических отношений придаёт общественному мнению статус особого социального института.

Второй этап в трансформации публичной сферы произошёл уже в XX в., когда из «буржуазного общества» развилось так называемое «общество благосостояния» (welfare state), основанное на принципах равенства возможностей для

всех членов общества и справедливого распределения общественного богатства. На этом этапе чёткая демаркация между публичным и частным, государственным и общественным постепенно размывается, диалектически «снимается» как уже решённая задача. Частная и публичная сферы вступают в «комплиментарные отношения друг к другу», то есть начинают дополнять одна другую, образуя особые формы «социально интегрированных сфер действия» [Habermas 1992: 319]. Общественное самосознание достигает уровня, необходимого для нормативного закрепления механизмов поиска взаимопонимания и достижения согласия. Институциональное ядро частной сферы – семья, выполняет задачу социализации подрастающего поколения: способности к выдвижению и защите личностной позиции, формированию установок толерантности и готовности к компромиссам. Институциональным ядром публичной сферы являются коммуникативные сети, организованные в СМК, которые дают легализованную возможность гражданам участвовать в процессах социальной интеграции через формирование общественного мнения.

Критики концепции Хабермаса упрекают его за то, что он предъявляет слишком строгие требования к социально-политическому дискурсу. Хабермас настаивает, что предъявляемые в дискурсивных процессах позиции должны быть рационально аргументированы, а те, кто приводят аргументы, должны обязательно учитывать другие мнения. В рационально-критических дебатах побеждает «лучший аргумент», а их принципиальной целью является движение от конфликтующих интересов к общему и, как результат, достижение общественного консенсуса. Хабермас считает объективно возможным свести конфликт интересов до минимума и организовать общество, объединённое общими интересами, выраженными в законах, которые прошли сквозь «давление улицы».

Без сомнения, реальная политическая жизнь всегда богаче идеальной модели, в основе которой лежит понятие рационально организованного общества. Реальная публичная сфера не представляет собой строгой рациональной системы, в ней присутствуют лишь фрагменты определённых мыслительных систем, религий, идеологий, научных теорий, либо осмысленных, либо некритически воспроизводимых. На формирование общественного мнения оказывают серьёзное влияние чувственные аспекты сознания, стереотипные суждения и спонтанные реакции на текущие события. Тем не менее, нельзя не согласиться с Хабермасом, что именно высокий уровень рациональности придаёт активистам, выражающим своё мнение в публичной сфере, статус полноправных участников политических процессов. Рациональность является главным качеством, отличающим действия в политической публичной сфере от стихийно-массовых выступлений. Фактор рефлекс-

сивного осмысления позволяет частному интересу публично проявиться, делает возможным формулирование общественных интересов и их продвижение на уровень принятия решений.

Другой вопрос, что само качество рациональности может проявлять себя не всегда так, как ожидают теоретики. Рациональность мышления и поведения, как показала практика, вовсе не является гарантом достижения общественного согласия.

В своё время М. Вебер, анализируя последствия рационализации сознания эпохи раннего модерна, пришёл к пессимистичным выводам. На смену веры в Бога как связующей общество нормативной основы, требующей самоотречения и самопожертвования, пришло множество несоизмеримых интересов, целей и стремлений их реализации любыми средствами, в том числе в ущерб интересам других членов общества. Конфликтующие цели невозможно, как оказалось, примирить иначе как посредством силы, политического или административного давления. Инструментально-целевая рациональность логично привела к созданию формализующих механизмов поддержания целостности социальных систем. Ю. Хабермас назвал этот процесс «колонизацией жизненного мира» с негативными последствиями для развития публичной сферы. Прогрессивные идеи XVIII–XIX вв., составившие фундаментальное ядро мировых идеологий XX в., явились в то же время инструментом обработки массового сознания в целях реализации узкогрупповых интересов. Инструментальный разум стал причиной возникновения фашизма, дегенерации «научного социализма» К. Маркса в сталинизм, тотальной бюрократизации капиталистического общества.

Социокультурный контекст свободного общения и взаимного обмена волеизъявлениями довольно быстро оказался в подчинении у политических идеологий и бюрократических процедур, что привело к развитию тенденции систематического искажения свободной коммуникации или её блокировки в случае противоречия общественного мнения государственным интересам. Свобода экономического взаимодействия также быстро была подавлена развитием крупных корпораций, поделивших между собой рыночное пространство, и постепенно заместивших политический диктат маркетинговым. Маркетинговые технологии, составившие прямую конкуренцию политическим, лишь добавили усмирительного эффекта всем возможным альтернативам, а в отсутствие альтернатив общество теряет рациональные основания [Маркузе 1994].

Колонизация жизненного мира формализующими механизмами, поддерживая формальную целостность, разрушает единство индивидуального и социального миров, в результате чего социальный субъект теряет способность последовательно выстраивать свой жизненный проект, а общество теряет цен-

Рациональность мышления и поведения, как показала практика, вовсе не является гарантом достижения общественного согласия.

Колонизация жизненного мира формализующими механизмами, поддерживая формальную целостность, разрушает единство индивидуального и социального миров, в результате чего социальный субъект теряет способность последовательно выстраивать свой жизненный проект, а общество теряет ценностно-нормативную основу повседневных отношений.

ностно-нормативную основу повседневных отношений. Когда нормативные структуры не находят основы в социальном консенсусе, когда происходит разрыв между содержанием социальной практики и формально-символическими формами регуляции, социальная интеграция находится в опасности. Общество теряет свою функциональность, обеспечиваемую сбалансированным взаимообменом различных уровней.

По мнению Ю. Хабермаса, решение кризисных проявлений должно быть найдено на уровне новой формы рациональности – коммуникативной этики как высшей стадии развития внутренней логики социальных систем. Хабермас считает дискурсивный тип рациональности, характерный для позднего модерна и определяемый как способность общества приходить к взаимопониманию и согласию, высшей ступенью по сравнению с инструментально-целевым типом, описанным М. Вебером. Дискурсивная форма коммуникации проходит в условиях, сознательно очищенных от принуждения и давления со стороны каких-либо господствующих символических форм. Коммуникативное действие может теперь считаться рациональным лишь при условии, что любое высказывание в принципе может быть подвергнуто критике, а предложение одной стороны *принято* другой стороной, а не навязано ей силой. «О рациональном соглашении можно говорить в том случае, когда возникает состояние общей убеждённости» [Habermas 1991: 287].

Публичная сфера, считает Хабермас, обладает высоким потенциалом для противодействия факторам, искажающим коммуникативное пространство. Это социокультурный потенциал, развивающийся теперь по другим линиям, нежели в эпоху раннего модерна. Это уже не столько политический протест, продвигаемый через создание партий и ассоциаций, полностью подчинённый бюрократическим механизмам, сколько «субинституциональные» формы противодействия. Новые формы возникают в сфере индивидуальной реализации, стилей жизни, защиты прав человека и т. д. Они находят своё символическое выражение либо в создании новых идеологий (экологических, гендерных и пр.), которым теперь в условиях социокультурной диверсификации и жёсткой конкуренции трудно претендовать на тотальность; либо в неформальных способах самовыражения различных «субкультур»; либо просто в отстранённых от политики проявлениях «здорового смысла», присущих повседневной практике [Habermas 1992: 391–395].

Возникновению принципиально новых форм коммуникации способствует быстрое развитие информационных технологий. По убеждению М. Кастельса, новые информационные технологии и, прежде всего, развитие интернета выводят общественные структуры на качественно новый уровень.

Включение в электронно-интегрированную коммуникационную систему имеет важные последствия для социальных процессов. Это, прежде всего, развитие стимулов, побуждающих общественные структуры к открытости, прозрачности, расширению возможностей выбора и интеграции по самостоятельно выбираемым критериям. Факторы множественности источников сообщений и возможности их открытого обсуждения серьёзно противостоят тенденциям колонизации средств коммуникации, которые, несомненно, пытаются вторгнуться и в эту сферу. При всех усилиях государственных и коммерческих структур, пытающихся контролировать информационные потоки в интернете, аудитория уже принципиально перестаёт быть объектом однонаправленного воздействия, какой она является для обычных СМИ. Окончательно подрываются традиционные символические механизмы интеграции обществ: религия, мораль, авторитеты, традиционные ценности, политические идеологии. Технологические принципы работы интернета нейтрализуют возможности сокрытия какой бы то ни было информации, а сам факт вовлечения в коммуникационные сети развивает способности к рефлексии и самостоятельности выбора [Кастельс 2000].

Тем не менее, несмотря на многообещающие перспективы, противоречия между тенденциями «колонизации жизненного мира» и сопротивления им со стороны общества, стремящегося отстоять свободу волеизъявления, пока остаются остро ощутимыми на данном этапе исторического развития. Состояние развития общественного сознания и дискурсивной культуры ещё не достигло того уровня, при котором легко разрешаются конфликты и достигается согласие.

Хотя развитие публичной сферы в демократических странах привело к формированию достаточно высокого уровня дискурсивной этики, способности его поддержки на внешнем политическом поле, в условиях многообразия культур и способов жизни, остаются неразвитыми. Политические попытки распространения западноевропейского опыта в глобальном масштабе далеко не всегда оказываются адекватными тем методам, которыми накапливался этот опыт в самой Западной Европе, и потому редко бывают успешными. Политизация демократии возвращает процесс к инструментально-целевой модели рациональности, приводящей к агрессивной нетерпимости к альтернативным способам мышления и поведения, возведению в разряд абсолютной истины собственной ценностно-нормативной системы и её использования для манипуляции массами. Опыт копирования западных ценностей на российском геополитическом пространстве закончился неудачей именно в силу исторического развития совершенно иных принципов жизни и иного содержания социально-политических отношений.

Состояние развития общественного сознания и дискурсивной культуры ещё не достигло того уровня, при котором легко разрешаются конфликты и достигается согласие.

Опыт копирования западных ценностей на российском геополитическом пространстве закончился неудачей именно в силу исторического развития совершенно иных принципов жизни и иного содержания социально-политических отношений.

Непубличная сфера в России

В отличие от западноевропейских условий жизни, где удобнее и выгоднее было проводить политику расширения торговых отношений между более или менее равномерно развивавшимися территориями, в России геофизические и климатические условия диктовали совершенно иную логику экономического и политического развития. Сложившаяся и веками сохраняющаяся социально-политическая структура, выстроенная по жёстко-вертикальной оси: абсолютная власть – беспрекословно подчинённый народ, была определена потребностью физического выживания в суровом климате на бескрайних пространствах.

Представления о должном государственном устройстве формировались в терминах военной мощи, лидерства и народного сплочения. Все понятия о справедливости выстраивались вокруг категорий общинной взаимопомощи на горизонтальном уровне и властной заботе о народе – на вертикальном. Таков был своего рода общественный договор: неограниченные властные полномочия для исполнения защитных функций в обмен на полное народное послушание.

Однако с течением времени векторы развития верхнего и нижнего пластов общества выстраиваются противоположно направленным образом со всё большим расширением дистанции между ними. В результате социальная структура поляризуется настолько, что в рамках одной государственной системы образуются фактически два различных социальных «мира» – элитарный и народный, живущие по своим внутренним правилам, с практическим отсутствием каких-либо ментальных пересечений. Отношения между «мирами» ограничиваются спуском указаний сверху и поставками средств материального обеспечения элит снизу, тогда как срединное коммуникативное пространство остаётся практически неосвоенным.

Развитие социальной коммуникации постоянно сдерживалось искусственным силовым охранением условий существования двух полярных социальных миров в рамках единого государства. Возможности силового поглощения новых экономически малоосвоенных территорий позволяли законсервировать централизованные принципы управления и завершить формирование замкнутого политического пространства с чётко фиксированными религиозно-культурными кодами социальной интеграции.

Такая логика развития привела к тому, что в России, в отличие от западноевропейской истории, не были реализованы возможности для формирования механизмов взаимодействия элит и масс в решении проблем и разрешении противоречий. Социально-экономическая жизнь в России

на протяжении всей истории контролировалась властью. Отношения собственности никогда не были защищены ни юридически, ни фактически. Основным собственником было государство, а промышленники исполняли государственные заказы. Торговля развивалась на принципах государственного протекционизма, то есть путём возведения политических барьеров, ограждавших внутренний рынок от иностранных товаров. Аристократические слои могли рассчитывать на благополучную жизнь лишь при проявлении полной лояльности власти. Приручение аристократии и постепенный захват государством промышленно-торговой сферы никак не способствовали становлению свободного предпринимательства, создающего конкурентную среду и требующего развития публичной коммуникации.

Несмотря на проникновение западно-просветительских идей в Россию в XVIII в., здесь так и не сложилось удобных предпосылок для зарождения публичной сферы. Влияние западных общественных преобразований затронуло лишь поверхностный уровень жизни. Усвоение иностранных манер и церемоний высшими слоями сочеталось с извращённым пониманием свободы нравов, часто выражаемым в пристрастии к распущенным и развратным формам времяпрепровождения. Низшие слои оставались верными своим обычаям и понятиям, лишь укрепляясь во мнении, что всё нравственное и справедливое сосредоточено в древних традициях. Прогрессивные идеи личностной свободы и прав участия в политической жизни были близки лишь узкому слою образованной, но бесправной интеллигенции. Отдельные проявления свободной мысли, указывающие на абсурдность сложившейся социально-политической системы, не встречали понимания и поддержки в создавшемся тандеме господствующих слоёв и подчинённых масс, защищающем имперскую политику как единственно возможную на русской почве.

Невозможность участия в политической жизни привела к перенесению коммуникативной активности в скрытую от публичного внимания сферу. В XVIII–XIX вв. в России резко возрастает количество закрытых литературных салонов, офицерских клубов, масонских лож, тайных обществ. Идеальная продукция салонной коммуникации никак не могла проникнуть в крестьянское массовое сознание, задавленное тяжёлым трудом и бытом. «Русский культурный слой оказался над бездной, раздавленный двумя основными силами – самодержавной монархией сверху и тёмной массой крестьянства снизу» [Бердяев 1990: 21]. Отсутствие какого-либо влияния на массовое сознание и перспектив его постепенного роста приводило к развитию радикалистских настроений, желанию полного слома удушающей политической системы, которую к концу XIX – началу XX вв. уже невозможно было изменить мирными способами.

Именно из интеллигентской среды выросло поколение революционеров, сформировавших в отличие от открытой западноевропейской «буржуазной публичной сферы» узко культурную конспиративную сферу, в которой развернулись идеологические дебаты «западников» и «славянофилов» о судьбе России. Русская интеллигенция всегда была идеологической, а не экономической группой. Она была объединена не профессиональными интересами, а утопическими социально-преобразовательными идеями. Усвоение западных учений было догматическим, максималистским, непримиримым к сложившимся условиям – все эти качества служили самозащитой для узкого интеллигентского слоя. Только таким путём можно было выжить во враждебном мире. При этом русская интеллигенция, выросшая в имперской среде, в полной мере впитывала в себя установки имперского мышления и плохо воспринимала механизмы государственного устройства западного типа. Русскому мышлению всегда был чужд взвешенный критицизм. Российское коммуникативное пространство постоянно поляризовалось на жёстко разграниченные области своих – чужих, наших – не наших, друзей – врагов. В нём было мало места кропотливому анализу деталей и компромиссам. В нём подавлялись любые предпосылки для развития того типа демократии, которая в современном политологическом дискурсе получила определение «делиберативной». Все сомнения и рассуждения решительно отвергались. Революционная интеллигенция фатально недооценивала возможности и перспективы достижения договоренностей между различными социальными слоями, считая «пустой болтовнёй» разного рода дискуссии. Радикалы категорически выступали против «соглашательств» и приспособлений к сложившимся условиям, против всех возможных мирных путей отстаивания общественными группами своих интересов и прав. Приветствовались бескомпромиссность, боевая готовность и безоговорочное принятие одной из двух сторон – либо с нами, либо против нас.

Утопические коммунистические идеи подменили понятие свободного духа личности понятием негативной свободы от личной ответственности за происходящее с логически вытекающим единственным «правом» безоговорочной поддержки сильного и доминирующего – вождя. Противопоставив негативную свободу материальной собственности, идеологи революции жёстко разрывали преемственность семьи и рода – важнейших связей духовной жизни личности, которые направляют свободный дух в русло созидания на основе сохранения всего ценного, что было накоплено поколениями.

В результате не слишком сложных понятийных подмен, освобождавших от необходимости думать и принимать самостоятельные решения, массовое сознание оказалось использованным в качестве материала для реализации коммунистического

инструментально-рационального проекта. В итоге революционная интеллигенция не смогла предложить ничего принципиально нового для российского общественного устройства, возродив по сути прежнюю, но ещё более жёсткую и замкнутую политическую систему, гораздо менее предполагающую создание условий для формирования частного интереса и развития публичной сферы.

Коммунистическая идеология, став доминирующим фактором формирования советского общественного сознания, обеспечила «систематически искажённую форму коммуникации», против которой решительно выступал Хабермас, разрабатывая концепцию рационально-критического дискурса. Коммунистическое просвещение носило совершенно иной характер, чем Западное Просвещение XVIII в. Оно не предполагало умения и обладания мужеством «публично пользоваться собственным разумом» [Кант 1965: 28]. Оно шло не от частного, а от целого, не от роста личностного самосознания, а от укрепления традиционного идолопоклонства, массового преклонения перед вождями и стремления к упрочению замкнутой и монолитной государственной системы.

Условия становления публичности в современной России

Рационально-критическая активность в советские времена, так же как и при самодержавии, вынужденно реализовывалась в непубличной, приватной сфере, в скрытом от чужого глаза и уха, замкнутом и тесном «кухонном» пространстве, никак не способном претендовать на обретение общезначимого статуса. Любой всплеск несогласия оказывался под мощным прессом власти, ревностно охраняющей своё, завоёванное революцией, право на диктат. Альтернативное общественное мнение, так или иначе пробивавшееся сквозь идеологический монолит, изолировалось от народного сознания жёстко выстроенными механизмами информационного обеспечения. Советские СМИ тщательно ограждали граждан от «ненужной» информации. Возникающие проблемы, факты и события, разрушающие образ «счастливой советской жизни», обретали статус строгой секретности и не выпускались в массовый коммуникативный оборот. Сеть негласности и таинственности отделяла сферы принятия политических решений от массового сознания.

Тем не менее, существенные изменения в культурных слоях общественного сознания, долго вызревавшие в «непубличной сфере» через осмысление несоответствий идеологических постулатов советской практической реальности, подготовили изнутри кризис коммунистического проекта.

Однако разрешение идеологического кризиса, переместившись с социально-культурного уровня на политический в 1980-х гг., пошло по привычной для России революционной схеме тотального разрушения не только изжившей себя политической системы, но и сложившихся социально-экономических связей.

Период «перестройки» стал новым витком поверхностного усвоения демократической идеологии и копирования западного образа жизни. Попытки применить демократическую идеологию к российской практике были по характеру точно такими же, как и в период прежних социальных переворотов: нигилистическими, непримиримыми к сложившейся реальности и мечтательно-прожектёрскими. Они были заряжены революционным энтузиазмом смены идеологической формы с той же надеждой, что смена формы автоматически приведёт к кардинальным изменениям массового сознания и социальных отношений. Однако скопированные с западных идеологических образцов принципы частной собственности, рыночной конкуренции, свободы слова, собраний и митингов без фактических гарантий их обеспечения не сформировали у идеологически «перестроенного» российского гражданина чувства базовой социальной защищённости и уверенности в возможности долгосрочного проектирования жизни. Отсутствие проработанных правил «новой игры» и, что важнее, социально-нормативных установок межличностного взаимодействия не позволило избежать политического и социального хаоса 1990-х.

Политически открывшаяся возможность публичной критики дошедшей до абсурда коммунистической риторики затмила важность кропотливой работы по юридическому и фактическому реформированию внутренних социальных отношений. Условия становления формальной и неформальной публичности были заданы в большей степени эмоциональным всплеском социального раздражения, нежели рациональной потребностью постепенного улучшения повседневной жизни – устранения недостатков и сохранения достоинств.

Эмоционально насыщенной была и работа СМИ в «перестроечное время». СМИ энергично искали новые способы самовыражения и установления контактов с обществом. Статус посредника донесения правительственной информации широким массам сменялся на статус Средства Массовой Коммуникации. Соответственно менялись и техники общения: однообразный менторский тон советских дикторов замещался равноправными дружественными интонациями. Общество активно вовлекалось в обсуждение социально-политических вопросов, становилось субъектом коммуникации. Тем не менее, несмотря на развитие таких параметров, как «степень интеграции аудитории» и «интенсивность обращения текстов», это ещё не означало приближения к Хабермасовскому

Период «перестройки» стал новым витком поверхностного усвоения демократической идеологии и копирования западного образа жизни. Попытки применить демократическую идеологию к российской практике были по характеру такими же, как и прежде: нигилистическими, непримиримыми к сложившейся реальности и мечтательно-прожектёрскими.

идеалу, как поспешили интерпретировать политологи [Малинова 2007]. Короткий период свободы обсуждений перспектив общественного строительства не привёл к структурному оформлению публичной сферы в России. При быстром количественном заполнении качественное вызревание так и не успело произойти.

В публичной сфере начала 1990-х были созданы лишь первичные предпосылки для изменения структуры социально-политического взаимодействия – очистка политического поля от доминирующих конструкций. Несмотря на то, что были предприняты определённые шаги по устранению институциональных факторов, препятствующих формированию свободного социально-политического дискурса (монополии КПСС и доминирующей идеологии), условия поиска социального согласия не были созданы. Установки авторитарного мышления не могли исчезнуть из массового сознания по указанию сверху. Несмотря на провозглашение свободы от идеологий, основой публичного дискурса 1990-х была смена одной идеологической доминанты на другую, «демократическую», и любые попытки отойти от новой «генеральной линии» традиционно воспринимались как предательство. Новая идеологическая доминанта, хотя и втиснутая в демократическую риторику, быстро превратилась, как и любая идеология, в «аксиоматическую предпосылку, стремящуюся, в логическом развитии идеологической аргументации, игнорировать всю выходящую за рамки этой аргументации «нелогичную» реальность» [Arendt 1979: 471]. Идеологический стиль мышления, сопряжённый с нетерпимостью к другим идеям, помешал политической элите 1990-х направить усилия на создание рационально-регулирующих механизмов, которые задали бы социальную и политическую установку на примирение противоборствующих позиций и достижение согласия, необходимого для конструктивного проведения реформ.

Первичный этап политической идентификации, при котором на первый план вышли процессы идеологического «переодевания» и лидерского самоутверждения, не перерос в фазу становления общероссийской идентичности на базе договорённостей и компромиссов. Политическая арена быстро наводнилась огромным количеством партий и объединений, большинство из которых были настолько мелкими, что их названия и программы были неизвестны никому, кроме тех, кто их создавал. Со всей очевидностью проявилась российская традиция «доминирования конфронтации над согласием» и отсутствие «культуры толерантности». Стремление заявить свою позицию и быть замеченным затмевало потребность в политических договорённостях, мешало выработать общий «алгоритм взаимодействия» [Красин 2011: 135]. Многообразие мнений и слабость установки на поиск точек соприкосновения

Несмотря на провозглашение свободы от идеологий, основой публичного дискурса 1990-х была смена одной идеологической доминанты на другую, «демократическую», и любые попытки отойти от новой «генеральной линии» традиционно воспринимались как предательство.

привели к невозможности решения общих проблем. Особенно болезненно это ощущалось на уровне принятия государственных решений.

К 2000-м гг. стало очевидным, что глубинные пласты веками складывающегося менталитета не могли сдвинуться ни за 500 дней, как надеялись самые смелые реформаторы, ни за 10 лет. При незавершённости процесса структурного оформления публичной сферы процесс был резко прерван и развёрнут в обратную сторону. Неудачи на пути поиска социального взаимопонимания привели к выхолащиванию самой идеи и фактическому отступлению от неё. Поиск социального *согласия* был подменён активным восстановлением исходящей из глубин традиции риторики национального *единения*, что фактически означало возрождение государственного доминирования в социальной жизни.

В начале 2000-х, не отказавшись полностью от демократической риторики, государство стало использовать «мягкие» механизмы колонизации публичной сферы. Не подавляя открыто альтернативные источники смыслов, государство предлагает массам свой проект коррекции ошибок 1990-х и дальнейшего развития, пытаясь выстроить многоголосие мнений вокруг центральной оси. Все политические технологии подстраиваются под задачу обеспечения доминирования «партии власти», а в самой партии восстанавливается советский принцип «демократического централизма», подразумевающая полное единомыслие. Возникают идеологемы «суверенной демократии» и «российского консерватизма», быстро подменившие культурные ценности политическими принципами удобства управления массовым сознанием. В качестве «культурно-исторического кода» возрождаются религиозные «скрепы» массового сознания. Процесс становления публичной сферы отбрасывается, таким образом, далеко назад в период жёстко иерархической социальной структуры, преклонения перед церковными и властными авторитетами.

С 2012 г. законодательство принимает открыто запретительный по отношению к критической части общества характер. Процесс судопроизводства окончательно теряет признаки независимости от власти. «Суверенная демократия» теряет смысл демократии как «средства минимизирования доминирования власти в социальной жизни» [Shapiro 2003] и постепенно вытесняется риторикой военизированного патриотизма. Всерьёз разрабатываются пути восстановления государственной идеологии. К 2014 г. проект конструирования новой идеологической доминанты: «защиты национальных интересов», даже при незавершённости процесса её официально-риторического оформления, успешно восстановил «должную картину мира» у большинства населения, так и не утратившего государственных и патерналистских установок. Но попытки

К 2000-м гг. стало очевидным, что поиск социального согласия был подменён активным восстановлением исходящей из глубин традиции риторики национального единения, что фактически означало возрождение государственного доминирования в социальной жизни.

консолидации общества на принципах государственного доминирования, оставляя за пределами официального публичного пространства значительную часть альтернативно мыслящего общества, неизбежно создают очаги внутренней социальной напряжённости, скопления протестной энергии тех, кто ощущает себя в состоянии «экзистенциального диссонанса», то есть невозможности самореализации в предлагаемых условиях.

Ко второму десятилетию XXI в. незавершённые конструкции публичной сферы подвергаются откровенному натиску со стороны власти. Набирает обороты процесс поглощения государством пространства СМИ. С территории официальных СМИ шаг за шагом удаляются оставшиеся островки альтернативной подачи и интерпретации политических событий. Методично выстраиваются рамки «дозволенного» в сфере социальной критики власти. Разрешена и даже приветствуется критика недоработок в решении бытовых вопросов, что создаёт видимость открытости власти для общества, но категорически запрещено инакомыслие в политической сфере. СМИ вновь оказываются «мобилизационным агентом власти» [Соловьёв 2013: 21]. Возвращается безапелляционный стиль интерпретаций и назидательный тон подачи официальной версии событий. Главной целью федеральных информативных каналов становится создание «правильных» установок политического участия: безусловного доверия власти и некритического принятия любых политических решений. Политическая оппозиция не просто вытесняется на периферию публичной сферы, но открыто преследуется и парализуется. Тенденции восстановления традиционных политических механизмов общественной консолидации стали заметным фактором торможения процесса продвижения к утверждению в России коммуникативной этики как нового типа рациональности.

Однако при восстановлении СМИ статуса однонаправленного информатора правительственной политики одновременно происходит ослабевание их значимости как основного структурного элемента публичной сферы. По данным социологов, к 2014 г. лишь половина населения признавалась в доверии федеральному телевидению. И хотя доверие официальным СМИ резко возросло весной 2014 г., в период всплеска солидарности общества и государства в отношении к внешним угрозам и территориальным приобретениям (до 70%), некоторая часть общества, хотя пока и небольшая – около 5%, стала декларировать принципиальный отказ от телевидения в пользу интернета. К 2014 г. число пользователей интернета достигло 57%. Количество активных пользователей в стране удвоилось за последние три года. Примерно треть населения (34%) используют интернет для того, чтобы «следить за последними новостями» и 20% – чтобы «разобраться, что происходит в стране и за рубежом» [Волков 2014: 10]. Быстрый рост числа

Попытки консолидации общества на принципах государственного доминирования, оставляя за пределами официального публичного пространства значительную часть альтернативно мыслящего общества, неизбежно создают очаги внутренней социальной напряжённости.

Тенденции восстановления традиционных политических механизмов общественной консолидации стали заметным фактором торможения процесса продвижения к утверждению в России коммуникативной этики как нового типа рациональности.

пользователей и стремительное повышение социальной значимости интернета оказывается серьёзной помехой на пути реализации властной установки на нейтрализацию критической составляющей в обществе.

Интернет и в России постепенно, но довольно быстро начинает перетягивать на себя роль главного структурного элемента публичной сферы. Более высокая оперативность и насыщенность информации, распространяющейся в интернете, всё чаще вынуждают и традиционные СМИ использовать её в качестве основы своего содержания. Растёт количество электронных газет, журналов и книг, не имеющих печатных аналогов. Свободный доступ, возможность обмена информацией, минуя какие-либо посреднические структуры, обеспечивают условия для перехода на качественно новый уровень процесса развития публичной сферы вопреки серьёзно развившимся «колониаторским» тенденциям. Интернет становится ареной не только спонтанного выплеска массового сознания, но и местом, где происходит включение в социально-политический дискурс. И это явление содержит в себе потенциал реальной трансформации массового сознания, его гражданского становления.

В сетевом пространстве, осознанно или нет, массовое общение становится субъектным, и это является главным фактором, отличающим интернет от традиционных СМИ. Разрушая принцип однонаправленности информационных потоков, интернет создаёт условия, стимулирующие коммуникативные процессы. Необходимость выбора контента, знакомство с комментариями и формирование собственного отношения к ним неизбежно развивают способности к рефлексии, что является важным шагом на пути становления коммуникативных навыков и гражданских качеств. Интернет предоставляет широкие возможности для самовыражения, распространения индивидуальных инициатив, согласования интересов и образования сообществ, организации кампаний в поддержку или противодействие различным проектам, координации групповых действий. Кроме того, вырабатываются механизмы внутреннего регулирования общения: от указания на недопустимость ненормативной лексики до отсекаания из круга участников, использующих неприемлемые для других способы самовыражения. Интернет-сообщество так или иначе тяготеет к повышению коммуникативной этики и общей дискурсивной культуры.

Сетевое производство публичности пока представляется единственно перспективным в России в условиях возрождения тенденций государственной колонизации коммуникативного пространства. Установление тотального контроля над информационными потоками интернета, хотя и возможно на определённом отрезке времени, признаётся трудно разрешимой задачей в не слишком отдалённом будущем. Непрерывное совершенствование информационных технологий, которыми

В сетевом пространстве, осознанно или нет, массовое общение становится субъектным, и это является главным фактором, отличающим интернет от традиционных СМИ.

быстро овладевают как специализированные структуры, так и продвинутые пользователи, видится залогом поддержания баланса между возможностями индоктринации сознания и развитием противоборствующих тенденций. Быстрое развитие альтернативных способов коммуникативного поведения, поддерживаемое технологическими возможностями мобильной связи и интернета, служит источником принципиальных изменений в системе социальных и политических диспозиций. И этот процесс необратим! Установки властных структур на производство и укрепление доминирующих идеологических конструкций, используемых в качестве средства манипуляции массовым сознанием, обречены на неизбежное разрушение в новых информационно-технологических реалиях.

Развитие публичной сферы в России, формирующей конкурентную коммуникативную среду, является необходимым, хотя и недостаточным условием разрешения противоречий и конфликтов. Только открытое обсуждение социальных и политических проблем с равными для всех участниками правилами доступа способствует осознанию неизбежности поиска взаимопонимания и принятия общезначимых решений.

Библиографический список

Бердяев Н. А. 1990. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 224 с.

Вебер М. 1990. Избранные произведения. М.: Прогресс. 808 с.

Волков Д., Гончаров С. 2014. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, интернет. Официальный сайт Левада-Центра URL: <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiiskii-media-landshaft-televidenie-pressa-internet> [Дата посещения: 18.09.2014].

Грушин Б. А. 1987. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат. 368 с.

Кант И. 1965. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собрание сочинений в 6 т. Т 6. М.: Мысль. С. 27–35.

Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.

Красин Ю. А. 2011. Политическая рефлексия и модернизация // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 10. / Отв. ред. М. К. Горшков. М.–СПб.: ИС РАН, Нестор-История. С. 127–140.

Малинова О. Ю. 2007. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Политические исследования. № 1. С. 6–21.

Маркузе Г. 1994. Одномерный человек. М.: REFL-book. 368 с.

Соловьёв А. И. 2013. Медиаспособности государства как фактор развития российского общества: проблемы и практики // Политические коммуникации в изменяющейся России / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН. С. 17–24.

Arendt H. 1979. *The Origins of Totalitarianism*. NY: A Harvest Book. 527 p.

Habermas J. 1962 (1991). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge: MIT Press. 301 p.

Habermas J. 1991. *The Theory of Communicative Action. Vol.1: Reason and the Rationalisation of Society*. Cambridge: Polity Press. 465 p.

Habermas J. 1992. *The Theory of Communicative Action. Vol.2: The Critique of Functionalist Reason*. Cambridge: Polity Press. 457 p.

Shapiro I. 2003. *The State of Democratic Theory*. Princeton: Princeton University Press. 200 p.

The Development of Public Sphere in Russia as a Necessary Condition for Social Conflicts' Resolution

Voronkova Olga Alexeyevna

Candidate of political sciences, researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: olden@lianet.ru

Abstract: The social contradictions and serious diversity of ideological dispositions in mass consciousness that have flared up at the beginning of the second decade of the 21st century obviously require urgent resolution. The technologies of social reconciliation on the base of revival of state domination in social life actively elaborated and insistently promoted by the political elite do not correspond to requirements of modern conditions. The complex relationships of political elites and active society can no longer be explained by classic structural-functional theories according to which the elites are called upon to perform unidirectional guidance of the masses. The article examines modern communicative approaches, emphasizing the bilateral, interactive nature of relations of the ruling elites and society and developing the principles of “communicative ethics”, as the tasks most relevant to searching for mutual understanding and reaching social consensus. The process of conflict resolution in modern society should be guided not by the ambitions “to take victory on the battlefield”, but by the “skill to negotiate”. The article raises issues of the development of the competitive communication space in Russia, analyzes the theoretical concept of the “public sphere”, where social interests and demands are clarified, and find support with rational arguments and where the discursive culture is created. The discursive qualities imply the ability to listen to and hear the opponent, and forming attitudes to reach compromises and take decisions acceptable to all sides. The Western European and Russian historical circumstances for public sphere formation are compared, and the current obstacles of formation of civil consciousness in Russia and possibilities and prospects of developing the public sphere are examined.

Keywords: public sphere, mass consciousness, ideology, social and political discourse, communicative ethics.

References

Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New York, A Harvest Book, 1979. 527 p.

Berdiaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* []. Moscow, Nauka, 1990. 224 p.

Grushin B. A. *Massovoe soznanie: Opyt opredelenija i problemy issledovanija*. Moscow, Politizdat, 1987. 368 p.

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge, MIT Press, 1962 (1991). 301 p.

Habermas J. *The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalisation of Society*. Cambridge, Polity Press, 1991. 65 p.

Habermas J. *The Theory of Communicative Action. Vol.2: The Critique of Functionalist Reason*. Cambridge, Polity Press, 1992. 457 p.

Kant I. *Otvet na vopros: chto takoe Prosveschenie? [Answering the Question: What is Enlightenment?]*. – Kant I. *Sobranie sochineniy. Vol 6*. M.: Mysl', 1965, pp. 27–35.

Kastels M. *Informacionnaja epoha: ekonomika, obschestvo i kul'tura [The information age: economy, society and culture]*. Moscow, SU HSE, 2000. 608 p.

Krasin Y. A. *Politicheskaja refleksija i modernizacija [Political reflection and modernization]*. – *Rossija reformirujuschajasja. Ezhegodnik. Vyp. 10*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow–Saint-Petersburg, IS RAN, Nestor-Istorija, 2011, pp. 127–140.

Malinova O. Y. *Ideologichesky pluralizm i transformacija publichnoy sfery v postsovetskoy Rossii [Ideological pluralism and the transformation of the public sphere in post-Soviet Russia]*. – *Politicheskiye issledovaniya*, 2007, No 1, pp. 6–21.

Markuze G. *Odnomerny chelovek [One-dimensional man]*. Moscow, REFL-book, 1994. 368 p.

Shapiro I. *The State of Democratic Theory*. Princeton, Princeton University Press, 2003. 200 p.

Soloviov A. I. *Mediasposobnosti gosudarstva kak faktor razvitija rossiyskogo obschestva: problemy i praktiki [Media possibilities of the state as a factor of the development of Russian society: issues and practices]*. – *Politicheskie kommunikacii v izmeniajuscheysia Rossii / Ed. by L. N. Timofeeva*. 2013. pp. 17–24.

Veber M. *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*. Moscow, Progress, 1990. 808 p.

Volkov D., Goncharov S. *Rossijsky media-landshaft: televidenie, pressa, internet [Russian media space: television, press, internet]*. Levada-Center official website. URL: www.levada.ru/.../files/levada_report_media_0.pdf [date of visit 18.09.2014].

Современные войны: социальные причины и последствия

Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно-мотивационный аспект)

Никовская Лариса Игоревна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела анализа социально-политических процессов, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: nikovsky@inbox.ru

Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно-мотивационный аспект)

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы становления гражданского общества и гражданского сознания в новых условиях, связанных с усилением горизонтальных связей и сетевых технологий коммуникации. Показано, что если подходить к анализу многосторонних и противоречивых процессов общественно-политической трансформации в России с позиции интересов гражданского общества, то можно определенно сказать, что в нынешних условиях оно демонстрирует тренд постепенного перехода от фактора политической модернизации к превращению в один из ее субъектов. При этом в процессе своего развития оно начинает выступать в качестве своеобразного «индикатора» качества институциональной среды политической системы, показывая насколько глубоко и органично в ней представлено демократическое начало. На первый план начинают выходить проблемы формирования культуры гражданского действия, гражданственности, гражданского самосознания. Особый акцент делается на анализ ценностно-мотивационной составляющей, позволяющей проследить изменения в формировании гражданского участия и оценить качество и ценностную направленность гражданского активизма. Опираясь на вторичный анализ социологических данных различных масштабных социологических исследований, показано, что формирование гражданского сознания коррелирует с процессом становления среднего класса, поколенческими сдвигами, улучшением качества человеческого и социального капитала. В целом качество гражданского сознания отличается противоречивостью и амбивалентностью, что отражает всю противоречивую палитру условий формирования гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданское сознание, гражданственность, трансформация, публичная политика, демократические институты, власть, сетевое общество

Гражданское общество выступает пространством формирования тех социально-политических сил, которые сегодня выдвигают «снизу» общественный запрос на полноценную реформу политической системы на основе открытости и соревновательности, реального развития принципов демократии. Гражданское общество заключается в том, «что граждане в качестве индивидов и в своих институциональных связях (семьи, соседские сообщества, предприятия, клубы, объе-

динения, гражданские движения) *берут решение своих дел в собственные руки*, насколько это возможно. Частично это происходит посредством политического участия, партиципаторной демократии, частично же посредством возвращения обществу государственных задач, которое можно назвать ресоциализацией государства или деэтактизацией общества» [Хеффе 2007: 96].

Гражданское общество можно рассматривать как основу становления демократических институтов, поскольку оно само несёт энергию общественной самодеятельности; как сферу структурирования многообразных общественных интересов; как определённую характеристику состояния всего общества, свидетельствующей о степени его цивилизованности. На первый план выходит проблема гражданственности, культуры гражданина: как соотносятся личность и группа, личность и государство, общество и власть, основаны ли эти отношения на доверии, сотрудничестве, солидарности, ответственности и автономии. Совокупность этих слагаемых раскрывает зрелость демократических принципов, характер власти, масштаб влияния гражданского общества на власть.

Акцент на проблему гражданственности в этом смысле показывает, что гражданское общество есть серьёзный ресурс развития, определённый социальный институт, обеспечивающий управляемость на уровне самоорганизации за счёт преодоления антагонизма власти и общества. Неспособность государства в целом и чиновничества в частности воспользоваться гражданской активностью людей, игнорирование ими гражданственности неоднократно становилось одной из важнейших причин кризисов управляемости в истории российского общества, включая современный период. *Гражданственность* можно определить как некий общественный институт, представляющий совокупность интериоризованных социальных ролей, норм, ценностей, регулирующих взаимоотношения людей друг с другом и с властными структурами в обществе, основанном на коммунитарных принципах – а) в процессе самоорганизации; б) на основе индивидуальной инициативы, связанной со способностью брать на себя ответственность за проблемную ситуацию в обществе в сфере своего социального влияния; в) при условии легитимации этой инициативы авторитетом власти или носителем альтернативной легитимации в ситуации мировоззренческого раскола общества; г) при поддержке социальными ожиданиями общества (сообщества). Из этого следует, что институт *гражданственности* состоит из трёх составляющих элементов:

1. *Индивидуума*, проявляющего гражданственность, т. е. готовность взять на себя ответственность за проблемную ситуацию в сфере своего социально-политического влияния в интересах общего блага, а не частного или корпоративного;

Гражданское общество выступает пространством формирования тех социально-политических сил, которые сегодня выдвигают «снизу» общественный запрос на полноценную реформу политической системы на основе открытости и соревновательности, реального развития принципов демократии.

Гражданское общество есть серьёзный ресурс развития, определённый социальный институт, обеспечивающий управляемость на уровне самоорганизации за счёт преодоления антагонизма власти и общества.

2. *Властных институтов* в лице своих представителей, которые либо отрицают инициативу, либо поддерживают её, делегируя инициатору легитимность, властные полномочия и ресурсы, необходимые для осуществления инициативы;

3. *Социального окружения* (общество, сообщество, народ), формирующего общественное мнение и социальное ожидание, оценивающего общественную значимость гражданской инициативы и в случае высокой оценки ожидающего от власти доброжелательной поддержки инициатора (драйвера инициативы), признающего легитимность его нового статуса и его новые властные возможности и права.

Если власть не оправдывает ожиданий, то общественное мнение признаёт её несправедливой, не заботящейся об общем благе и в конечном счёте антинародной, антиобщественной. Напротив, если общественное мнение не признаёт за гражданской инициативой общей полезности в достаточно высокой степени и, более того, подозревает в ней частный интерес инициатора, оно не требует от власти встречных одобрительных действий и высказывает в целом отрицательную позицию. И гражданское общество, и гражданственность, как видно, имеют общие, сходные черты. И то, и другое есть отношение людей в процессе самоорганизации по поводу решения социально-значимых проблем с привлечением властных органов или без них. Но есть и различия. Если в основе гражданского общества лежит субсидиарная идеология, основанная на примате частных, партиципативных интересов, то условием существования гражданственности является доминирование в обществе коммунитарной идеологии. В данном случае под последним понимается представление о том, что частные интересы граждан легитимны постольку, поскольку они не идут вразрез с общими интересами. А общие интересы выражаются в определённой системе общепринятых ценностей, норм, идеалов, служащих развитию общества в направлении повышения качества его благосостояния, свободы, самореализации личности в определённом социально-историческом контексте.

Существенные изменения в среде гражданского общества и проявления гражданственности внесли так называемые сетевые технологии. На глазах происходит реформативное изменение активности внутри гражданского общества, формирование автономных сетевых, в том числе блоггер-сообществ, активизация в поле публичной политики НКО-сектора, сопровождаемое и ускоряемое появлением новых нравственно-политических норм и образцов поведения.

Возрастание роли гражданского активизма (появление всё более расширяющегося движения волонтеров, среди которых вырос сегмент наблюдателей за выборами, сферой ЖКХ, общественного контроля и пр.; нарастание разнообразия «дви-

Существенные изменения в среде гражданского общества и проявления гражданственности внесли так называемые сетевые технологии. Происходит реформативное изменение активности внутри гражданского общества, формирование автономных сетевых, в том числе блоггер-сообществ, активизация в поле публичной политики НКО-сектора.

жений одной проблемы» – «Обманутые дольщики», «Синие ведёрки» и пр.) выступило индикатором формирующейся новой природы власти в сложном сетевом обществе, которая, скорее, должна являться не *администратором*, а *координатором* общественных взаимодействий. Государственная власть и властные структуры не просто встраиваются в систему современного сетевого общества, но приобретают характер хотя и *значимого*, но лишь *одного из центров* координации общественных взаимодействий.

Растущая роль сетевых сообществ, новых возможностей сетевой коммуникации, усиление фактора «горизонтального доверия» сетевой мобилизации стали основой формирования так называемой «политики оспаривания» как проявления несогласованности властных и публичных пространств по критериям понимания политических ценностей и вектора общественных изменений. Данная политика склонна использовать непосредственные формы демократии и направлена против «посредничества» и репрезентации интересов [McAdam, Tarrow, Tilly 2001]. Основной потенциал данного феномена – в новой форме постоянного общественного аудита деятельности государства и его органов и координационной активности по определению и реализации публичных ценностей.

Информационно-коммуникационные процессы начали работать в роли несущей конструкции, обеспечивающей согласование интересов и позиций, снятие зон напряжения или противоречий и выступающей, таким образом, средством действенного перевода протоконфликта, имманентно присущего отношениям государства и гражданского общества, от полюса конфронтации к полюсу сотрудничества, кооперации усилий. Публичность и открытость коммуникационных процессов позволяет избавиться взаимоотношения двух субъектов от недостатков закрытого корпоративизма и наполнить диалог живыми соками гражданственности. Это, бесспорно, потребует совершенно новой модели государственной службы, которая сегодня обозначается как модель открытой, прозрачной, «отзывчивой» бюрократии. Как утверждает М. Кастельс, человечество стоит на пороге исторического сдвига в области публичной политики – от институциональной сферы к сфере, формирующейся на основе сетей горизонтальной коммуникации. Социальные сети, на которые полагаются современные адепты прямой демократии, безусловно, дают гражданам большую власть над политикой правительства. Свой потенциал они, в частности, продемонстрировали в ходе арабских революций [Абдуллин 2001]¹. И не только. По мнению наблюдателей,

¹ По свидетельству одного из активных участников событий в Египте, «ключом к успеху революции стал тот факт, что мы все оказались связаны – через интернет, Facebook, по сотовым телефонам. Это была революция, основанная на коммуникации».

социальные сети и сотовые технологии сыграли огромную роль в организации массовых беспорядков в Лондоне и других городах в августе 2011 г. Их участники использовали Facebook, Twitter, а также систему мгновенного обмена сообщениями, и не только для координирования своих действий, но и для призывов к погромам. Однако вопрос, чему больше способствуют социальные сети – интеграции общества и формированию политического консенсуса или же его поляризации, – не имеет однозначного ответа.

Концепция *делиберативной демократии* Ю. Хабермаса в её вэб-версии (*Online Deliberative Democracy*) стала своего рода компромиссом между растущими требованиями большего участия граждан в принятии решений и необходимостью минимизировать политические риски принятия некомпетентных решений посредством механизмов прямой демократии. Она не отвергает институты представительной демократии, а имеет своей целью их обновление и адаптацию к меняющемуся обществу, повышение публичности политики, достижение социальной интеграции через *информирование, консультирование, участие* граждан.

По мнению Г. Эрмэ [Эрме 1991: 181], *гражданственность* опирается на систему ценностей, на нравственную убежденность, дающую этой системе смысл и значение, потому что демократический дух не может сводиться к простому подсчёту выгод. Система гражданских ценностей является побудительным мотивом гражданской деятельности, эти ценности воплощаются в систему практических установок и ориентации. Думается, совокупность ценностей, идеалов, норм, реализующих представление о типе и способах укоренения демократических практик и образцов в жизни общества, можно обозначить как гражданское сознание. По утверждению Р. Арона [Арон 1993: 159], гражданское сознание, возвышаясь над интересами отдельных групп, индивидов, отстаивает интересы всего общества, так как всегда направлено в сторону общечеловеческих ценностей, интегральной цели выживания и развития человечества. В этом же русле рассуждает и М. К. Мамардашвили [Мамардашвили 1997: 87] о «поднятии своего сознания до служения жизни на Земле, своему государству, своему народу, опираясь на незыблемые ценности».

Гражданское сознание, во-первых, представляет собой осознание существующих отношений между обществом, человеком и государством с точки зрения демократических ценностей, идеалов, прав и свобод, регламентируемых принятыми в обществе, государстве принципами и нормами. Гражданское сознание выражает определённое духовное состояние общества на таком этапе его развития, когда демократические нормы и ценности становятся фундаментальными основами его жизнедеятельности.

Во-вторых, гражданское сознание выступает активным фактором общественных преобразований. Оно является ускорителем всего общественного развития, системы самосознания и жизнеобеспечения общества, становится механизмом самоизменения общества, так как связано с представлениями людей, побуждающими их к активному гражданскому действию. Гражданское сознание задаёт определённую духовно-ценностную основу общественного развития и способствует укреплению сообщества. В гражданском обществе гражданские ценности вплетены в механизм управления обществом и регулируют его функционирование.

В-третьих, гражданское сознание носит открытый характер и отличается постоянной готовностью к восприятию новых идей. Однако новые элементы включаются в его содержание достаточно медленно, постепенно, лишь доказав свою органичность и жизнеспособность для конкретной социально-политической системы. Для изменения гражданского сознания необходимо накопление культурных «мутаций», создающих непрерывное давление на сознание в целом и способствующих выработке новых форм восприятия действительности. Как отмечает Г. Г. Дилигенский, можно коренным образом изменить политику и даже осуществить революционные изменения в отношениях собственности, но нельзя так же быстро изменить основополагающие убеждения и ценности людей [Дилигенский 1999: 66].

В-четвёртых, гражданское сознание развивается своеобразно, меняя своё содержание, опираясь на универсальные образцы и традиции. Важнейшую роль в нём играют устойчивые элементы, которые присутствуют в различных моделях общественной и политической жизни. Исторический опыт, традиции, устой общества являются тем сдерживающим фактором, который не допускает резких изменений в гражданском сознании. Именно на их основе происходит постепенное накопление нового опыта, который с течением времени прочно входит в гражданское сознание.

Серьёзную социологическую задачу представляет собой проблема эмпирически зафиксировать выраженность и качество гражданского сознания. Попыткой выделить гражданский срез общественного сознания как своего рода мировоззренческий синдром предприняли исследователи ФОМ [Петренко, Галицкая, Галицкий 2011]. Опираясь на мегаопросы в 2009, 2011 гг. о доверии между людьми, о солидарности, личной ответственности, благотворительности, толерантности, готовности к протестам, локусе ответственности, а затем препарировав их на основе анализа методом главных компонент, процедуры преобразования осей полученного пространства, иерархической кластеризации, кластеризации методом K-means и метода Exhaustive CHAID из группы Classification Tree, были выделены

5 типов мировоззренческих синдромов – *гражданский, обывательский, патерналистский, индивидуалистический, депривированный*. Гражданский синдром отличается оптимальным соотношением ориентаций на солидарность, доверие и ответственность в сознании и поведении граждан. Во всех остальных этого оптимума не наблюдалось. Что касается депривированного среза мировоззрения, то в нём отсутствовали и ответственность, и солидарность, и доверие. Гражданский срез сознания достаточно невысок – он представляет в целом до 10% (в среднем по всему массиву общественного сознания). Он широко представлен в практике нового среднего класса – причём более в middle-среднем классе, представители которого не находятся на стадии начала реализации своей профессии. Они подходят к пику своей профессиональной карьеры. Как правило, это представители деловых слоёв крупных городов-миллиоников или мегаполисов – Москвы, Санкт-Петербурга. Им не больше 45 лет (75%), заняты на должностях руководителей (24%) и специалистов (34%). Материальная обеспеченность семьи – выше среднего (59%). Пользуются в своей жизни практически всеми благами цивилизации. Главное отличие их стиля жизни от остальных – вояжи за границу (100%). Интернет для них – рабочий инструмент, сфера услуг, справочник и СМИ. Большая часть из них (78%) владеют хотя бы одним иностранным языком. Важными и позитивными среди исторических событий 1985–1999 гг. они называют вывод войск из Афганистана (41%), перестройку (36%), президентские выборы 1991 г. (33%), принятие Конституции РФ (30%) и Декларации независимости РФ (28%). Они заметно чаще других (43%) на прямой вопрос отвечали, что перестройка принесла России больше хорошего, чем плохого. Свойства гражданского сознания у них выражены более всего: 21% (против 17 в среднем) считают, что «большинству людей можно доверять»; 19% (против 11) – «что у нас больше сплочённости, чем разобщённости»; 54% (против 43) «чувствуют ответственность за происходящее в городе», 40% (против 33) – «за происходящее в стране». Каждому пятому из них (19%) свойственен (как минимум декларативный) *политический консьюмеризм* – отказ от покупки товаров из той или иной страны по политическим мотивам.

Думается, на активацию гражданского сознания существенно влияют переломные эпохи и кризисные точки в развитии общества. Так, полученные данные ФОМ [Петренко, Галицкий, Галицкая 2011] по опросам в 2010 г., после первой волны финансово-экономического кризиса, показали, как отреагировали на них различные паттерны общественного сознания, выделенные по критерию *гражданственности*. *Гражданский срез усилился* (солидарность, ответственность, активность) с 8% в 2009 г. до 10% – в 2010 г.; соответственно, *патерналистский* (солидарность, отсутствие ответственно-

сти и активности) продемонстрировал падение с 12 до 7%. **Обывательский**¹ (отсутствие солидарности и ответственности, но выраженная активность) продемонстрировал снижение своего значения с 31 до 20%; **индивидуалистский** (отсутствие солидарности, но выраженная ответственность, активность) возрос с 13 до 17%; **депривированный** (отсутствие и солидарности, и ответственности, и активности) стал более выраженным – с 27 до 35%. Косвенным подтверждением корреляции развития гражданского сознания с ростом параметров среднего класса являются результаты системного исследования Центра стратегических разработок [Аналитический доклад 2010] характеристик положения среднего класса в рентоориентированной экономике.

Как позднее подтвердила сама реальность, главными участниками массовых протестных акций в 2011–12 гг. были представители формирующегося городского среднего класса, условно говоря, «новые правые». Серьёзные проблемы с коррупцией в реализации права на недвижимость, закрытость и коррумпированность судов, подвели средний класс крупных мегаполисов к протестам, поскольку без развития внутривнутриполитической конкуренции возможности для улучшения защиты прав собственности граждан представляются ограниченными. Представители среднего класса, научившись хорошо зарабатывать в силу обладания высокими параметрами человеческого капитала, были не удовлетворены институциональной средой своей самореализации. Именно они деактуализируют идею стабильности саму по себе, без горизонтов развития и самореализации.

Мобилизации представителей новых групп российского общества способствует стремительное распространение сетевых технологий и коммуникаций. «Именно в крупных и крупнейших городах концентрируются 35 млн российских пользователей интернета и российский средний класс, который хочет перемен. Его активность обусловлена не надвигающимся кризисом, а пугающей перспективой многолетнего путинского застоя с заржавевшими социальными лифтами» [Зубаревич 2011]. Появление в составе среднего класса новых поколений, которые не ведают страха, более образованы и открыты современному миру, включены в сетевые коммуникации, создаёт мощный запрос на новые стандарты политической свободы, которые ни один политический режим не может игнорировать. Однако средний класс в России лишён политической базы, которая бы позволяла его представителям активно проявлять гражданскую и политическую позицию. Как показали наши исследования, за прошедшие годы средний класс накопил зна-

¹ Именно обывательский синдром лежит в основе высоких рейтингов (личностных) доверия президенту, премьер-министру и низких (институциональных) – правительству (институту, возглавляемому премьер-министром).

чительный критический потенциал отношения к институтам публичной политики как к пространству социально-экономической, и социально-политической активности [Никовская, Якимец 2013: 77]. Самой чувствительной точкой мобилизации представителей этого класса выступают прежде всего проблемы коррупции, фальсификация обратных связей, неработоспособность судебной системы, отсутствие надёжной защиты института частной собственности и разрушение каналов системного представительства своих интересов. Это подтверждают исследования Е. Б. Шестопал: происходит локализация протестного движения в разных сегментах политического поля [Шестопал 2013: 61]. Можно видеть, как резко возрос правый, либеральный сегмент, объединяющий образованный средний класс. Его недовольство выражается прежде всего в стремлении получить большее политическое представительство. Недовольство властью этой части общества вызвано скорее рациональными интересами, чем эмоциями. В этом сегменте общества впервые за многие годы стал настойчиво звучать тезис о неэффективности власти. Большая часть гражданского общества пока вполне лояльна к власти, хотя она тоже недовольна, но в первую очередь ждёт от власти справедливости, и её требования носят скорее морально-нравственный, нежели политический характер. Эти люди готовы подчиняться, готовы выполнять законы, и для них государственность является наивысшей ценностью при условии, что власть справедлива и отзывчива. Но есть третий сегмент, который, как «ящик Пандоры», пока пребывает в латентном состоянии и лишь эпизодически даёт о себе знать то выступлениями на Манежной площади, то в Кондопоге и Сагре, то в Бирюлёве, – это радикальный национализм разного толка. Их протест основан не на интересах, а на эмоциях, причём психологически весьма ярких и привлекательных для массы населения, которое пока сохраняет лояльность к власти.

Показательно, что на сегодняшний день, судя по последним данным Института социологии РАН [Петухов, Бараш, Седова, Петухов 2014: 11], мы имеем возросший уровень ценности гражданско-политического участия: возросла готовность участвовать не только в выборах (более чем на 20% по сравнению с 2010 г.), но и в таких формах, как митинги (с 13% в 2010 г. до 22% в 2013 г.) и забастовки (с 10 до 16%). Последний показатель также достиг своего исторического пика с 1993 г.

Второй важный сдвиг в системе общественного сознания – рост либеральных настроений в обществе за последние годы. Примечательно, что ни одна политическая идеология не получила такого роста сторонников за 2011–12 г., как либералы. Если посмотреть предыдущие замеры, то они достигли своего исторического максимума – с 7% в 2003 г. до 20,4% в 2013 г. Левый спектр взглядов (социалисты, коммунисты) составляет в целом 16,9%.

Одной из причин роста ценности гражданского участия, щепетильности к демократической процедуре и в целом к социальному активизму стал приход в политику так называемого поколения «нулевых» – людей, чья политическая социализация пришлась на бурные 1990-е гг. и чья картина мира сформировалась в период демократической трансформации. С одной стороны, у этого поколения представления о политике сложились под влиянием официальной демократической риторики, которую они усвоили изначально, с другой – эта официальная картинка не очень стыковалась с реальными политическими практиками. Такой когнитивный диссонанс подталкивает это поколение к протесту. Именно эти люди вышли на площади (Болотную и Сахарова), они голосовали за Навального и Ройзмана, и, хотя они не определяют лицо всей российской политики, их присутствие изменило политический ландшафт, который сегодня выглядит не так, как это было ещё несколько лет назад.

Начало электорального цикла, связанного с выборами в Государственную думу VI созыва, а затем президента РФ Путина В. В. (2012 г.), стало поворотным моментом, когда, с одной стороны, власти удалось сохранить политическую систему, а с другой – её изменить, запустить процесс реформ под давлением требований общества. Думается, этот процесс не завершён. Начавшиеся политические реформы (либерализация партийно-избирательного законодательства, включение в более активный формат сил Общественного Фронта, развитие форм прямой демократии в сопряжении с усилением проявлений вождистко-плебисцитарной демократии, ситуация с воссоединением Крыма и гражданской войны на Юго-Востоке Украины, рост военно-патриотической составляющей общественного сознания, которое существенно повлияет на трансформацию националистического сегмента гражданского общества в стране и в целом на усиление разрыва с либеральной оппозицией, т. к. общество в своём большинстве не простило ей предательство интересов России по вопросу воссоединения Крыма и реакции на давление «евроатлантистов») будут серьёзным образом влиять на развитие гражданского сознания в нынешних условиях. Представляется, следует ожидать усиления раскола по линии национал-патриотического, традиционалистского и либерально-западнического сегментов общественного сознания.

Несомненно одно – политическая составляющая гражданского активизма будет сокращаться. Этот процесс начался не сегодня. В целом в 2010 г. наметилась тенденция перераспределения центра тяжести гражданской активности от политических партий в сторону неполитических общественных объединений прежде всего некоммерческого сектора. Это обусловлено снижением эффективности функционирования

Одной из причин роста ценности гражданского участия, щепетильности к демократической процедуре и в целом к социальному активизму стал приход в политику так называемого поколения «нулевых» – людей, чья политическая социализация пришлась на бурные 1990-е гг. и чья картина мира сформировалась в период демократической трансформации.

государственных органов на местах, ответственных за чёткую и бесперебойную систему жизнеобеспечения. А поскольку жизнь не терпит пустоты, активность граждан автоматически сосредоточилась на восполнении этого пробела. Таким образом, естественным путём начало складываться государственно-общественное партнёрство в решении повседневных задач, которое пока ещё плохо осознаётся государством, но уже хорошо понятно обществу [Доклад о состоянии гражданского общества... 2010: 10]. В 2010 г. законодательно была закреплена новая институциональная форма социально ориентированных НКО (далее СО НКО). Для её реализации начала действовать Федеральная программа поддержки СО НКО, на что в федеральном бюджете в 2011 г. было заложено 800 млн рублей. В 2013 г. на эти цели было уже выделено 1,5 млрд рублей. Данная Федеральная программа способствовала, во-первых, обеспечению формирования экономических предпосылок развития НКО, предусматривая не только рост прямого государственного финансирования их деятельности, но и формирование необходимых условий для ускоренного развития некоммерческого сектора. А это существенно расширяет возможности по привлечению в НКО добровольцев и волонтеров, благотворительных пожертвований, обеспечению доступа НКО к государственному бюджетному финансированию социальных программ, которые сейчас практически в полном объёме достаются бюджетным учреждениям. Вторая важнейшая задача – использование потенциала НКО в решении социальных проблем, которые до сих пор недостаточно эффективно решались вследствие недоиспользования потенциала организаций некоммерческого сектора. В 2014 г. СО НКО фактически приступили к разработке программ по формированию независимой общественной экспертизы эффективности деятельности органов социальной сферы. Формируется «дорожная карта» перераспределения оказания части социальных услуг представителями некоммерческого сектора.

Гражданское общество развивается, равно как и его культура. Однако за последние 2–3 года мы имеем некоторое ужесточение внешнего контекста развития гражданского общества в стране, нарастание его амбивалентности: был принят целый пакет законов на федеральном уровне, которые имеют как **позитивный** (программа поддержки СО НКО в развитие федерального закона № 40, введение института бизнес-омбудсмена и распространение института омбудсмена на все субъекты федерации, появление института открытого правительства, упрощение правил регистрации политических партий и общественных движений, частичное изменение выборного законодательства, введение института выборов губернаторов, перераспределение финансовых полномочий между государством и муниципалитетами, создание НСОК социальных услуг), так и **насторажи-**

Несомненно одно – *политическая* составляющая гражданского активизма будет сокращаться. Этот процесс начался не сегодня. В целом в 2010 г. наметилась тенденция перераспределения центра тяжести гражданской активности от политических партий в сторону неполитических общественных объединений прежде всего некоммерческого сектора.

вающий для общества характер: введение понятия «иностранного агента» для НКО, частично финансируемых из-за рубежа, ужесточение законодательства о митингах, возвращение статьи «наказание за клевету» в УК РФ, ужесточение контроля деятельности интернета, а также повышение тарифов ЖКХ при сохранении непрозрачности деятельности этой сферы, кабальное удвоение страховых взносов для ИП и малого бизнеса и пр. Очевидно, что вышеупомянутые изменения имеют противоречивый характер и могут привести к самым разнообразным последствиям. В этих условиях особенно важным становится институт публичной политики с эффективно работающими каналами *обратной связи*, позволяющими власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов, производить коррекцию управленческих решений, канализировать накопившееся общественное напряжение, а населению – верить в дееспособность института представительства интересов, в право и возможность влияния на принятие социально значимых решений [Никовская, Якимец 2014: 5].

Если подходить к анализу многосторонних и противоречивых процессов общественно-политической трансформации в России именно с позиции интересов субъектов гражданского общества, то можно определённо сказать, что в нынешних условиях гражданское общество демонстрирует тренд перехода от фактора политической модернизации к превращению в один из её субъектов. При этом в процессе своего развития оно начинает выступать в качестве своеобразного «индикатора» качества институциональной среды политической системы, показывая, насколько глубоко и органично в ней представлено демократическое начало.

Гражданское общество сегодня – не то же самое явление, что было двадцать лет назад. Это не «общественная самодеятельность», у него сегодня другой облик, другие возможности, технологии, другой уровень профессионализма и качество активности. Радикально переменились практически все виды коммуникационных, политических и других отношений. Резко возросло влияние независимых научных, исследовательских и иных экспертных структур на политику и экономику. Интернет стал массовым демократическим СМИ гражданского общества. Можно говорить о формировании нового (*третьего*) сектора гражданского общества, вполне конкурентоспособного наравне с аппаратно-бюрократическими силами по своим организационным, профессиональным и научно-технологическим критериям. Главная задача, которую ставят сегодня перед собой многие организации современного гражданского общества в России – контролировать действия правящей государственной бюрократии и влиять посредством своей гражданской экспертизы и контроля на функционирование государственной «вертикали власти».

В нынешних условиях гражданское общество демонстрирует тренд перехода от фактора политической модернизации к превращению в один из её субъектов.

Выходя из недр тоталитарного общества, современное демократическое общественное сознание находится только в начале пути своего формирования, что отражается и на состоянии гражданского сознания, его амбивалентности и противоречивости.

Состояние гражданского сознания отражает всю противоречивую палитру условий формирования гражданского общества в современной России, диффузность представленности в нём демократических ценностей и практик. Отсюда вывод: выходя из недр тоталитарного общества, современное демократическое общественное сознание находится только в начале пути своего формирования, что отражается и на состоянии гражданского сознания, его амбивалентности и противоречивости.

Библиографический список

Абдуллин Р. Арабская революция 2.0. 2011 // Московский комсомолец. 4 мая. Официальный сайт МК URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2011/05/03/586094-arabskaya-revolyuetsiya-20.html> [Дата посещения: 12.09. 2013].

Аналитический доклад Центра стратегических разработок «Средний класс в рентоориентированной экономике: почему Москва перестала быть Россией?». 2010.

Арон Р. 1993. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. Г. И. Семёнова. М.: Текст. 303 с.

Петухов В., Бараш Р., Седова Н., Петухов Р. 2014. Гражданский активизм в России: ценности и формы участия // Власть. № 9. С. 11–19.

Дилигенский Г. Г. 1999. Дифференциация или фрагментация? (О политическом сознании в России) // Мировая экономика и международные отношения. № 10. С. 66–87.

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. М.: ОП РФ, 2010. 82 с.

Зубаревич Н. Н. 2011. Четыре России // Официальный сайт Московского Центра политического просвещения. URL: <http://www.msps.ru/article/8546> [Дата посещения: 21.04.2014]

Мамардашвили М.К. Пятигорский А.М. 1997 Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке и языке. М.: Школа «Языки русской культуры». 224 с.

Никовская Л. И., Якимец В. Н. 2013. Оценка деятельности институтов публичной политики в России // Политические исследования. № 5. С. 77–87.

Никовская Л. И., Якимец В. Н. 2014. Повышение культуры публичной политики – вызов для демократического развития России // Власть. № 9. С. 4–10.

Петренко Е. С., Галицкая Е. Г., Галицкий Е. Б. 2011. Диагностика гражданского климата российских регионов // Веб-сайт Высшей школы экономики. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/04/11/1210529570/Петренко.pdf> [Дата посещения: 29.01.2014].

Петренко Е. С., Галицкий Е. Б., Галицкая Е. Г. 2011. Потребительские стратегии российских граждан // Веб-сайт Высшей школы экономики. URL: <http://publications.hse.ru/chapters/92271410> [Дата посещения: 5.06.2014].

Хеффе О. 2007. Справедливость: философское введение. М.: Праксис. 192 с.

Шестопад Е. Б. 2014. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегии развития страны // Политические исследования. № 2. С. 61–72.

Эрме Г. 1991. Авторитаризм // Политология вчера и сегодня. Хрестоматия. URL: http://www.tinlib.ru/politika/politologija_hrestomatija/index.php [Дата посещения: 06.05.2014].

McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. 2001. Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge University Press. 432 p.

Civil Society and Civic Consciousness (Value-Motivational Aspect)

Nikovskaya Larisa Igorevna

Doctor of sociology, senior researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: nikovsky@inbox.ru

Abstract. The article considers the problem of formation of civil society and citizenship in the new conditions related to strengthening horizontal linkages and network communication technologies. It is shown that if we approach the analysis of multilateral and contradictory processes of social and political transformation in Russia from the perspective of interests of civil society, we can definitely say that in the current conditions, it shows a trend of gradual transition from the factor of political modernization to transform into one of its subjects. In the process of its development, it begins to act as a kind of indicator for the quality of the institutional environment of the political system, showing how deeply and smoothly it presents the democratic beginning. First come the problems of formation of culture of civil actions, citizenship, and civic consciousness. Particular emphasis is placed on analysis of the value and motivational component that allows you to track changes in the formation of civic participation and to assess the quality and value orientation of civic activism. Based on secondary analysis of sociological data of various large-scale sociological studies, it was shown that the formation of civic consciousness correlates with the process of becoming middle class, generational shifts, to improve the quality of human and social capital. In general, the quality of civil consciousness is inconsistency and ambivalence that reflects the whole contradictory range of conditions of formation of civil society in contemporary Russia.

Keywords: civil society, civic awareness, citizenship, transformation, public policy, democratic institutions, governance, networked society.

References

Abdullin R. Arabskaja revoliucija 2011 [Arabian revolution 2011]. – Moskovsky komsomoletz. 4 maja. Official website. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2011/05/03/586094-arabskaya-revoljutsiya-20.html> [date of visit 12.09. 2013].

Analitichesky doklad Centra strategicheskikh razrabotok «Sredny klass v rentoorientirovannoy ekonomike: pochemu Moskva perestala byt' Rossiey?» [Analytical report of the Center of strategic research “Middle class in conditions of rent economic: why Moscow stopped to be part of Russia]. 2010.

Aron R. Demokratija i totalitarizm [Democracy and totalitarianism]. Moscow, Tekst, 1993. 303 p.

Diligensky G. G. *Differenciacija ili fragmentacija? (O politicheskom soznanii v Rossii)* [Differentiation or fragmentation? (On political consciousness)] – *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 1999, No 10, pp. 66–87.

Doklad o sostojanii grazhdanskogo obschestva v Rossiyskoy Federacii za 2010 god [Report on the state of civil society in Russian Federation in 2010]. Moscow, OP RF, 2010. 82 p.

Erme G. *Avtoritarizm* [Authoritarianism]. – *Politologija vchera i segodnia*. Web-hrestomatija. URL: http://www.tinlib.ru/politika/politologija_hrestomatija/index.php [date of visit 06.05.2014].

Heffe O. *Spravedlivost': filosofskoe vvedenie* [Justice: a philosophical intriduction]. Moscow, Praxis, 2007. 192 p.

Mamardashvili M. K. *Piatigorsky A. M. Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdenija o soznanii, simvolike i jazyke* [Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning on consciousness, symbolism and language]. Moscow, Shkola «Jazyki russkoy kul'tury», 1997. 224 p.

McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. *Dynamics of Contention*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 432 p.

Nikovskaja L. I., Jakimetz V. N. *Ocenka deystvennosti institutov publichnoy politiki v Rossii* [Evaluation of effectiveness of the institutes of public policy in Russia]. – *Politicheskie issledovanija*, 2013, No 5, pp. 77–87.

Nikovskaja L. I., Jakimetz V. N. *Povyshenie kul'tury publichnoy politiki – vyzov dlja demokraticeskogo razvitija Rossii* [Improvement of the culture of public policy – the challenge for democratic development of Russia]. – *Vlast'*, 2014, No 9, pp. 4–10.

Petrenko E. S., Galitzkaja E. G., Galitzky E. B. *Diagnostika grazhdanskogo klimata rossijskih regionov* [Diagnosis of civic climate in Russian regions] – NRU Higher shool of economics. Official website. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/04/11/1210529570/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> [date of visit 29.01.2014]

Petrenko E. S., Galitzky E. B., Galitzkaja E. G. *Potrebitel'skie strategii rossijskih grazhdan* [Consumer strategy of Russian citizens]. – NRU Higher school of economics. Official website. URL: <http://publications.hse.ru/chapters/92271410> [date of visit 5.06.2014].

Petuhov V., Barash R., Sedova N., Petuhov R. *Grazhdansky aktivizm v Rossii: cennosti i formy uchastija* [Civil activism in Russia: values and forms of participation]. – *Vlast'*, 2014, No 9, pp. 11–19.

Shestopal E. B. *Cennostnye harakteristiki rossiyskogo politicheskogo processa i strategii razvitija strany* [Value features of Russian political process and strategy of country development]. – *Politicheskie issledovanija*, 2014, No 2, pp. 61 – 72.

Zubarevich N. N. *Chetyre Rossii* [Four Russias] – Moscow center of political education. Official website. URL: <http://www.msps.su/article/8546> [date of visit 21.04.2014].

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Владимир Александрович Ядов

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдииков

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>